63.52
2R 74

343/16

Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Т. LXXVII, вып. I.
Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. XIII, вып. 1.

5769
162

ОЧЕРКИ БЫТА
АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг.

Ир. А. Житецкаго.

(Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій).

к ТМ23929/202

Цѣна 1 руб. 25 коп.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевскій пер., домъ Пустошкина,
противъ Англійской церкви.
1893.

63.5Г1(=64)-7
Ж74.

Извѣстія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. LXXVII, вып. 1.

Труды Этнографическаго Отдѣла. Т. XIII, вып. 1.

91(47)
Ж-74

ОЧЕРКИ БЫТА
АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Этнографическія наблюденія 1884—1886 гг.

Ир. А. Житецкаго.

(Съ 12 таблицами рисунковъ и фототипій).

Библиотека Тобольскаго Гос. Музея инв. № 59819 84
01 02 10 руб.
08

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова, Большой Чернышевскій пер., домъ Пустошкина, *противъ Англійской церкви.*
1893.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Москва, мая 31 дня 1893 г.

Президентъ Общества, Ординарный Профессоръ ***Д. Анучинъ.***

Иродіонъ Житецкій

ОЧЕРКИ БЫТА

АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I—II

ГЛАВА I.

Бытовая обстановка Астраханскихъ Калмыковъ . . . . . 1—17

Кибитка; ея части и устройство (1—4); полукибитки (4); жилыя зданія (5).—Внутренность кибитки: мебель, посуда (5—8).—Одежда, украшенія, обувь (8—14) —Пища: кушанья и напитки (14—17).—Освѣщеніе и топливо (17).

ГЛАВА II.

Обычно-обрядная жизнь Астраханскихъ Калмыковъ . . . . . 18—43

1. Жизнь семьи или отдѣльной кибитки:

Назначеніе отдѣльныхъ частей или пространствъ въ кибиткѣ (18).—Бракъ и свадебные обряды (19—26). Родины, нареченіе именъ, заботы о дѣтяхъ (26—27).—Лѣченіе болѣзней (28—29).—Похороны (29—30).—Пирушки, танцы, музыкальные инструменты (30—32).—Арьковареніе (32—33).—Гостепріимство (33).

2. Жизнь хотоновъ:

Группировка кибитокъ и виды хотоновъ (33—35).—Повседневная жизнь (35—36).—Перекочевки (36—38).—Игры и забавы (38—39).

3. Жизнь общественная:

Сословныя группы (40—41).—Церемоніи при здорованіи и встрѣчѣ (41—42).—Народные праздники (42—43).

ГЛАВА III.

Ламаитское духовенство у Астраханскихъ Калмыковъ . . . . . 43—57

Ламаитскій монастырь—„хурул“ (43).—Кибитки-храмы—„хурля кгер“ (43—44).—Изображенія „бурхан'овъ“ и священныхъ предметовъ (44—46).—Молельные сосуды и инструменты (46—48).—Жилыя кибитки духовенства (49).—Одежда духовенства (49—50).—Священно-служительскія должности и хурульныя должностныя лица (50—51).—Обученіе ламаитовъ при монастыряхъ (51—52).—Обрядовая сторона богослуженія (52—53).—Хозяйственная организація хуруловъ (53—55).—Религіозныя и экономическія отношенія къ народной массѣ (55—56).—Хурульныя зданія и численность духовенства (57).

ГЛАВА IV.

Ламаитская религія, науки и искусства среди Астраханскихъ Калмыковъ . . . . . 58—70

Общее современное состояніе религіозныхъ знаній (58).—„Эмчи“—медики; ученіе ихъ о болѣзняхъ и лѣченіе (59—61).—„Зурхачи“ — астрологи; ихъ ученіе и занятія (61—64).—„Зурачи“ — живописцы (64).—„Бакши“—учители вѣры; ихъ ученіе о мірѣ, о землѣ, о людяхъ, о спасеніи (64—70)

Списокъ рисунковъ . . . . . 71—72

Опечатки 73

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Рисунки и фототипіи къ I-й главѣ. (Табл. I—VI. Фиг. 1—39).
Рисунки ко II-й главѣ. (Табл. VI—VII. Фиг. 40—43).
Рисунки къ III-й главѣ. (Табл. VII—XI. Фиг. 44—65).
Рисунки къ IV-й главѣ. (Табл. XII. Фиг. 66—69).

Посвящается Николаю Осиповичу Осипову.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Западная вѣтвь монгольскаго народа издавна распалась на три главныхъ племенныхъ группы: 1) Чжахары и Халхассы, 2) Буряты и 3) Ойраты. Въ свою очередь Ойраты (иначе: Ураты, Улаты, Олоты, Элейты и Элюты) уже съ XIV вѣка были извѣстны въ составѣ четырехъ племенъ, или народностей: Джунгаръ (Зюнгаръ или Чоросъ), Хошоутъ (Хошотъ или Борцзигитъ), Дурботъ (Дербетъ) и Торгоутъ (Тургутъ). Часть послѣдняго ойратскаго племени въ первой половинѣ XVII вѣка проникла за Яикъ и подъ оригинальнымъ именемъ Калмыковъ («Хальмык») заняла своими кочевьями пространство между рр. Ураломъ и Волгою.

Въ продолженіе XVII и первой половины XVIII столѣтій къ волжскимъ Калмыкамъ прикочевали изъ Азіи разновременно части племенъ Хошоутъ, Дербетъ, Зюнгаръ и остатки Торгоутъ. Такимъ образомъ на Волгѣ Калмыки оказались въ составѣ всѣхъ четырехъ ойратскихъ племенъ своей азіатской родины. Во второй половинѣ XVIII вѣка большая часть Калмыковъ, преимущественно Торгоутовъ, откочевала изъ Приволжья обратно въ Азію, а оставшіеся засѣли на правомъ берегу Волги.

Въ настоящее время Калмыки въ Европейской Россіи обитаютъ въ губерніяхъ Астраханской и Ставропольской, въ землѣ В. Донскаго, и небольшая часть (крещенные Калмыки)—въ Самарской губерніи.

Астраханскіе Калмыки, которыхъ насчитываютъ теперь до полумилліона душъ обоего пола, кочуютъ отчасти на луговой сторонѣ Волги, гдѣ въ ихъ пользованіи находится до 700,000 десятинъ земли, а главнымъ образомъ на нагорной, занимая здѣсь своими кочевьями болѣе 7,000,000 десятинъ. Администрація различаетъ Калмыковъ по улусамъ [1]), народное же самосознаніе и особенности въ языкѣ, въ обычаяхъ, въ постройкѣ жилищъ и одеждѣ и въ наше время разграничиваютъ Калмыковъ, помимо ихъ улуснаго подраздѣленія, по стародавнимъ ойратскимъ племенамъ—Хошоуты, Торгоуты, Дербеты, и только племя Зюнгаръ, очевидно, расплылось среди другихъ, сохранивъ, впрочемъ, свое названіе въ имени Зюнгарскихъ родовъ. Однако двухвѣковое обитаніе Астраханскихъ Калмыковъ подъ воздѣйствіемъ разныхъ сосѣдственныхъ народностей (Русскихъ—Великороссовъ и Малороссовъ, Киргизъ, Татаръ, Армянъ и пр.) и неодинаковыхъ топографическихъ и хозяйственно-экономическихъ условій повліяло сглаживающимъ образомъ на племенныя оригинальности Калмыковъ и намѣтило иную этнографическую группировку ихъ. Такъ уже и въ данное время Астраханскіе Калмыки по ихъ физическому строенію, по привычкамъ, занятіямъ и развитію замѣтно распадаются, внѣ племенной разницы, на три группы или типа: степные, приморскіе (или «черневые») и нагорные (или «эргенскіе») Калмыки [2]).

---

[1]) Всѣхъ улусовъ семь: одинъ на луговой сторонѣ—Хошоутовскій (или Александровскій) и шесть въ нагорной: Мало-Дербетевскій, Багацохуровскій, Харахусовскій (или Эрденіевскій), Яндыко-Икицохуровскій, Эркетеневскій и Мочажный.

[2]) См. въ «Сборникѣ Трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» (1892 г.) мою статью: «Условія жизни астраханскихъ калмыковъ».

Начало моего знакомства съ Калмыками относится къ 1883 году въ Царевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи, гдѣ Калмыки—случайные обитатели, въ качествѣ пастуховъ у Русскихъ и Татаръ. Въ 1884 году Калмыковъ приходилось наблюдать въ ближайшихъ къ Астрахани кочевьяхъ, и въ это же время знакомился я съ ними по архивнымъ матеріаламъ, разбирая историческій отдѣлъ (съ 1708 по 1836 годъ) архива Главнаго Калмыцкаго Управленія. Наконецъ, въ 1885 и 1886 годахъ я получилъ возможность изучать Калмыковъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ обитанія, когда, по предложенію Главнаго Попечителя Калмыцкаго народа Николая Осиповича Осипова, я проживалъ лѣтніе мѣсяцы среди Калмыковъ съ спеціальною цѣлью собиранія этнографическихъ и хозяйственно-экономическихъ свѣдѣній о нихъ. Незнаніе языка Калмыковъ въ началѣ моихъ наблюденій и недостаточное знакомство съ нимъ въ послѣдующее время, естественно, съузило программу моихъ этнографическихъ наблюденій [1]) и ограничило ихъ сферою такихъ наблюденій, которыя были доступны и безъ особеннаго знанія языка, какъ бытовая обстановка, обычаи, обрядности, занятія и т. п. Впрочемъ, съ помощію переводчиковъ и нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ обитателей степей [2]), было записано до тысячи разныхъ народныхъ произведеній—пѣсенъ, пословицъ, загадокъ, и разсказовъ.

Изъ собранныхъ матеріаловъ и сдѣланныхъ наблюденій часть, касающаяся хозяйственно-экономической жизни Калмыковъ (за исключеніемъ скотоводства), уже напечатана въ «Сборникѣ Трудовъ членовъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края» [3]), словесныя произведенія Калмыковъ—пѣсни, пословицы и загадки—будутъ переданы спеціалистамъ по этому предмету; матеріалы сгруппированы въ предлагаемыхъ замѣткахъ и наблюденіяхъ объ Астраханскихъ Калмыкахъ.

Текстъ моихъ замѣтокъ о Калмыкахъ иллюстрируется рисунками предметовъ. Всѣ рисунки сдѣланы (въ формѣ снимковъ на калькѣ или набросковъ съ натуры карандашомъ) лично мною и непосредственно съ описываемыхъ предметовъ, за исключеніемъ слѣдующихъ: а) рисунка субургановъ въ IV главѣ (фиг. 67), сдѣланнаго для меня въ 1885 году «зурачи» Большого Барунова хурула въ Яндыкахъ, б) рисунка „теб'овъ" (фиг. 69), набросаннаго въ моей записной книгѣ гелюнгомъ того же хурула Габуномъ Шаркисовымъ, и в) четырехъ фотографій (фиг. 36, 37, 38, 39).

Кромѣ рисунковъ, текстъ сопровождается по возможности точной калмыцкой номенклатурой, воспроизведеніе которой русской транскрипціей вызвало введеніе спеціальныхъ знаковъ надъ гласными, а именно: 1) знака краткости или глухоты въ произношеніи (∨), 2) знака долготы или удвоенія гласной (∧), 3) знака смягченія гласныхъ (··) и 4) ударенія слогового (′). Для передачи звука твердаго *г* употреблено сочетаніе *кг*, въ противоположность мягкому *г* (=h), выраженному однимъ *г*.

1 апрѣля, 1893 г.
С.-Петербургъ.

Продіонъ Житецкій.

---

[1]) До извѣстной степени мое знакомство съ языкомъ восполнялось работавшими вмѣстѣ со мною переводчиками, нерѣдко людьми съ европейскимъ образованіемъ и вполнѣ сознательно относившимися къ собиранію этнографическихъ свѣдѣній, какъ студ. Казанскаго Ветеринарн. Инст. Дикъ Бадмаевъ, окончившій курсъ реальнаго училища Мукебенъ Баслѣевъ, ученикъ Казанской фельдш. школы Гаряевъ, фельдшеръ Моломовъ и др.

[2]) Зайсангъ Яндыковскаго улуса Керетоварода—Кёкшинъ Оргичкѣевъ, зайсангъ Багацохуровскаго улуса—Бегели Онкоровъ, старшій бакша всѣхъ Икицохуровскихъ хуруловъ—Донропъ Джимбѣевъ, гелюнгъ Большого Барунова хурула въ Яндыкахъ—Габунъ Шаркисовъ, манжикъ Харахусовскаго хурула въ Мочагахъ—Кюджинъ Дзнабзинговъ, смотритель Можарскаго соляного озера—Алексѣй Давыдовичъ Синеуридзе, депутатъ калмыковъ Тугаевъ, нѣкоторые «эмчи» (врачи), «зурхачи» (астрологи), «зурачи» (живописцы) и «бакши» (учители вѣры), которымъ, равно какъ и работавшимъ со мною переводчикамъ, приношу мою глубокую благодарность.

[3]) Въ «Сборникѣ Трудовъ Петровскаго Общества», изд. въ 1892 г., напечатаны слѣдующія главы: 1) «Условія жизни астраханскихъ калмыковъ», 2) «Формы труда среди астраханскихъ калмыковъ», и 3) «Пища астраханскихъ калмыковъ».

Глава I-я.

БЫТОВАЯ ОБСТАНОВКА АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Кибитка, ея части и устройство; полукибитки; жилыя зданія. Внутренность кибитки: мебель, посуда. Одежда. Украшенія. Обувь. Кушанья и напитки. Освѣщеніе. Топливо.

Астраханскіе калмыки, за сравнительно небольшими исключеніями, круглый годъ проживаютъ въ *кибиткахъ*, или переносныхъ кошемныхъ палаткахъ.

Представленіе о калмыцкой кибиткѣ получится совершенно ясное, если вообразить себѣ громадный кошемный цилиндръ съ діаметромъ въ 3 сажени, при трехъ-аршинной высотѣ, крышу котораго составляетъ кошемный же конусъ, вверху нѣсколько закругленный (фиг. 1).

Каждая кибитка («кгер»), по своему устройству, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: деревяннаго остова и кошемнаго покрова къ нему. Обѣ эти части въ свою очередь составляются изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ приспособленій.

Деревянный остовъ складывается: 1) изъ рѣшетокъ («тѐрмѐ»), 2) двери («ўдўн»), 3) жердей («унин») и 4) круга или обода («харáчи») съ четырьмя полуобручами («цагрык'омъ»).

1) Отдѣльная рѣшетка («термé») связывается изъ шестовъ («термйн модóн»), въ вершокъ приблизительно толщины, такъ что отдѣльные параллельные шесты ея, взаимно перекрещиваясь, образуютъ деревянную сѣтку, ячейки которой представляютъ параллелограммы. «Термин модон» выстрагиваются или просто въ сплюснутый четырегранникъ, или въ четырегранникъ со срѣзанными гранями, или же чаще бываютъ круглые. На каждую рѣшетку средней величины идетъ 40 шестовъ; изъ нихъ 20 длинныхъ равной величины (обыкновенно 11 четвертей) и 20 постепенно уменьшающихся (самая короткая $1^1/_2$ четверти). Скрѣпляются «термйн модон» между собою въ скрещиваніяхъ ремешками («термйн удэ̂ре»), но не на-глухо, а такъ, что шесты въ извѣстныхъ предѣлахъ вращаются совершенно свободно, какъ на шарнирахъ, чѣмъ и дается возможность, сжимая и растягивая, съ одной стороны увеличивать или уменьшать рѣшетку до нужной высоты при постройкѣ кибитки, а съ другой — складывать рѣшетку при перекочевкѣ. Отдѣльный «термин модон» не совсѣмъ прямъ, а немного выгнутъ въ серединѣ, оттого и связанная изъ нихъ рѣшетка нѣсколько закруглена. При окончаніяхъ шесты по всѣмъ четыремъ сторонамъ «тѐрмѐ» образуютъ какъ бы вилки; верхнія вилки «тѐрмѐ» носятъ названіе головокъ рѣшетки («термйн толгà»); къ нимъ прикрѣпляются жерди крыши «унин'ы», посредствомъ шерстяныхъ петель. Величина рѣшетокъ различается по количеству «толгà»: бываютъ рѣшетки отъ 11 «толгà» до 15 въ жилыхъ кибиткахъ, а въ хурульныхъ и до 21. На одну кибитку идетъ, смотря по величинѣ, 6, 8, 10 или 12 рѣшетокъ (или считая головки — отъ 66 до 140 «толгà»), которыя ставятся плотно одна къ другой, образуя кругъ съ промежуткомъ для дверей.

2) Дверь («ўдўн») въ кибиткѣ всегда двухстворчатая и открывается вовнутрь; при этомъ обѣ ея половины («хасыбчй») на-глухо прикрѣплены къ боковымъ косякамъ, отчего дверь всегда перевозится нераздѣльно съ дверной рамой. Въ верхній косякъ рамы съ наружной стороны вдѣлано 6 деревянныхъ гвоздей («тотхó») или колышковъ, къ которымъ прикрѣпляются «унины», приходящіяся надъ дверью. Кромѣ того, въ верхнемъ и нижнемъ косякѣ продолблены сквозныя широкія отверстія сверху внизъ. Въ эти отверстія вставляются особые деревянные клинушки, когда нужно запереть кибитку. Оба клинушка узенькимъ ремешкомъ или шерстянымъ шнуркомъ прикрѣплены къ верхнему и нижнему косякамъ, и когда нужно запереть кибитку, то ихъ вставляютъ въ отверстіе косяковъ; при этомъ снизу кибитка запирается только изнутри, а сверху, какъ изнутри, такъ и снаружи.

3) «Унин'ы» (ед. ч. «унин», мн. «унидут»)—это выстроганныя жерди въ 13 и болѣе четвертей длины. Верхній конецъ заостренъ въ тупой клинъ, а нижній, круглый, имѣетъ отверстіе, черезъ которое продѣтъ шерстяной шнурокъ и завязанъ петлей («унин салдырга»). Для кибитки нужно отъ 72 до 146 «унинъ», именно на каждую рѣшетку по числу «толгà», и на двери еще 6. Каждая «унина» верхнимъ заостреннымъ концомъ продѣвается въ отвер-

стіе «харâчи», а нижняя при помощи петли прикрѣпляется къ «толгà» «термé» и къ дверным «тотхó».

4). «Харâчи»—это верхній кругъ кибитки. Величина его, опредѣляя по діаметру, бываетъ 7, $7^1/_2$, 8 и даже 12 четвертей, а толщина обода около 2-хъ четвертей. Выдѣлываемые самими калмыками «харâчи» не выгибаются изъ одного куска дерева, какъ ободъ колеса, а склеиваются изъ отдѣльныхъ кусковъ (отъ 13 до 15 и болѣе), и тогда какъ «тêрмé» и «унины» приготовляются изъ мягкаго дерева (чаще изъ сосны), «харâчи» всегда клеятся изъ болѣе твердаго (березы или дуба) *). Въ ободѣ «харâчи» сдѣланы отверстія сверху внизъ и нѣсколько изнутри наружу, по числу «унин», и еще на-глухо прибиты съ внутренней стороны 4 или болѣе полуобруча («цагрык»), перекрещивающихся взаимно и возвышающихся надъ плоскостью круга.

Деревянный остовъ кибитки (фиг. 2), составляющійся изъ «тêрмé», «ўдўн», «унин» и «харâчи» съ «цагрык'омъ», въ большинствѣ кибитокъ окрашенный въ красный цвѣтъ (рѣдко въ синій или зеленый), покрывается сверху кошмами. На кибитку нужно не менѣе 12 отдѣльныхъ кошемъ, не одинаковой величины и разнаго покроя, именно:

1). Четыре нижнія кошмы — «иргебчи». Ширина ихъ бываетъ 1 арш. и болѣе, а длина вмѣстѣ равна наружному кругу кибитки. Этими «иргебчи» обставляются рѣшетки кибитки снизу. Лѣтомъ для пропуска воздуха отбрасывается то та, то другая «иргебчи», смотря по направленію вѣтра и по положенію солнца, иногда же отбрасываются и всѣ вмѣстѣ.

2). Четыре среднія кошмы—«тўргò». Низъ у «тўргò» шире, чѣмъ верхъ, а бока вырѣзаны во внутрь. Три края, за исключеніемъ нижняго, у этихъ кошемъ обшиваются шерстяной тесьмой или сукномъ и параллельно краямъ, отступя не болѣе четверти, расшиваются еще съ наружной стороны шерстянымъ шнуркомъ («зек»). Къ обоимъ верхнимъ угламъ «тўргò» прикрѣпляются длинныя шерстяныя тесьмы («хошлы̆м»), шириною вершка въ три. Четырьмя «тўргò» покрывается кибитка, начиная съ бóльшей половины «унин» и внизъ, такъ что нижнимъ концомъ «тўргò» закрывается нѣсколько верхняя часть «иргебчи». Вверху каждая «тўргò» укрѣпляется отдѣльно тесьмами, которыя перебрасываются черезъ полукругъ изъ «унинъ» и привязываются на противуположной сторонѣ къ «термè». Каждая изъ четырехъ «тўргò» носитъ еще и отдѣльныя названія: «барун тўргò» (правая «тўргò»), «зюн тўргò» (лѣвая «тўргò»), «дер тўргò» (головная «тўргò») и «кэль-турго» (ножная «тўргò»). Такія названія даны по мѣсту, занимаемому каждой «тўргò» на кибиткѣ.

3). Двѣ верхнія кошмы—«дêбêр» по формѣ сходны съ «тўргò», но только гораздо длиннѣе и шире ихъ. «Дêбер» покрываютъ верхнюю часть кибитки отъ «харâчи» и внизъ, налегая нижними краями на «тўргò» до предѣловъ «тêрмè». Укрѣпляются «дêбêр» 6-ю тесьмами, но только послѣднія привязываются уже не къ рѣшеткамъ, а по наружной сторонѣ кибитки къ тесьмѣ, извѣстной подъ именемъ наружнаго пояса кибитки («газака кгерин бюс»), опоясывающей кибитку вокругъ и придавливающей нижнюю часть «тўргò».

4). «Ишйгé ўдўн» (дверная кошма) — четыреугольная, продолговатая кошма, которая укрѣпляется нѣсколько ниже линіи прикрѣпленія «тўргò» надъ дверью и служитъ наружною занавѣскою послѣдней. «Ишйгé ўдўн» обшита тесьмой и шнуркомъ кругомъ и имѣетъ вверху на обоихъ углахъ двѣ тесьмы и еще по бокамъ двѣ маленькія тесемочки изъ шнурка для прикрѣпленія къ рамѣ дверей.

5). «Ôркè»—четыреугольная кошма съ вырѣзанными глубоко во-внутрь боками, отчего получается четыре длинныхъ около аршина конца или угла, къ которымъ прикрѣплены четыре шерстяныя веревки («ôркеи бючи»). «Ôркè» покрываетъ кибитку сверхъ харâчи, но не на глухо. Для пропуска свѣта и воздуха, при помощи веревокъ (которыя закрѣпляются у «кгерин бюс») легко загибается одинъ изъ угловъ «ôркè», смотря по вѣтру и солнцу.

При установкѣ деревяннаго остова кибитки и укрѣпленія на немъ кошемнаго покрова требуется значительное количество шерстяныхъ тесемъ, веревокъ и шнурковъ. Прежде всего рѣшетки въ прилегающихъ концахъ между собою и косяками дверей связываются шерстяной тесьмой. Въ шестирѣшетчатой кибиткѣ приходится дѣлать связь въ семи мѣстахъ: въ пяти между рѣшетками и въ двухъ между рѣшетками и дверями. Высота рѣшетокъ не менѣе двухъ съ половиной аршинъ, и потому каждая спайка потребуетъ не менѣе $3^1/_2$ арш. тесьмы, или всего тесьмы необходимо около 25 аршинъ.

Чтобы удержать «тêрмé» въ постоянно устойчивомъ видѣ употребляется «термин бюс» (рѣшеточный поясъ) — это шерстяная тесьма, вершка въ $2^1/_2$ ширины. «Термин бюс» укрѣпляется вверху праваго косяка дверей, обходитъ кругомъ «тêрмé» на высотѣ «термин толгà», закрывая ихъ, чѣмъ защищаетъ кошму отъ концовъ унинъ, до лѣваго косяка дверей, гдѣ и привязывается. На связь «унин» съ головками «тêрмé» посредствомъ петель изъ шерстяныхъ шнурковъ идетъ не менѣе $^1/_4$ арш. а на 72 «унин» употребляется около 18 аршинъ шнурка. Послѣ того какъ остовъ прикрытъ кошмами, повязывается еще «кгазакà кгерин бюс» (наружный кибиточный поясъ), который охватываетъ кибитку вверху «тêрмé», придавливая нижнія части «турго» и вмѣстѣ съ тѣмъ сжимая всѣ рѣшетки

*) Въ послѣднее время „харâчи" стали выдѣлываться изъ дубовыхъ ободьевъ, которые сплавляются въ Астраханскую губернію въ большомъ количествѣ изъ верховыхъ губерній.

кибитки, а внизу для той же цѣли и для укрѣпленія «иргебчи», (которыя сами собой тонкими шнурками каждая у двухъ верхнихъ угловъ привязывается къ кибиткѣ), кибитка опоясывается еще веревкой («термин бючи»). При среднемъ объемѣ шести-терменнаго кибиточнаго цилиндра, (считая отдѣльную рѣшетку въ 3 аршина и дверную раму въ 2), въ 20 аршинъ, потребуется на 3 кибиточныхъ пояса около 40 аршинъ тесьмы и 30 арш. веревки.

На случай сильныхъ вѣтровъ и урагановъ къ «харâчи» съ внутренней стороны привязывается двѣ, а въ нѣкоторыхъ кибиткахъ и четыре веревки (харачин бючи). Въ тихую погоду веревки отъ «харâчи» привязаны бываютъ къ верхнимъ концамъ рѣшетокъ, а при вѣтрѣ онѣ прикрѣпляются къ колу, который въ кибиткахъ безъ очага (у духовенства) вбивается въ центрѣ, а въ семейныхъ—къ двумъ коламъ, вбиваемымъ ближе къ правой и лѣвой сторонамъ кибитки. Эти веревки, хорошо натянутыя придавливаютъ кибитку въ вертикальномъ направленіи къ землѣ и дѣлаютъ её устойчивою. Но кромѣ этого кибитка во время бури еще укрѣпляется и съ наружной стороны. Съ этой цѣлью черезъ конусъ кибитки набрасывается или спеціально заготовленная широкая тесьма, соединенная кольцами, или же каждый разъ на случай бури дѣлается изъ шерстяной веревки петля; къ бокамъ петли въ двухъ или трехъ мѣстахъ привязываются веревки, которыя потомъ и прикрѣпляются къ вбиваемымъ по бокамъ кибитки кольямъ. При высотѣ кибитки въ 5—6 аршинъ, для внутренняго и наружнаго укрѣпленія ея лишь четырьмя веревками, потребуется еще веревки не менѣе 30 аршинъ. Наконецъ къ 12 кошмамъ кибиточнаго покрова пришивается вообще около 150 аршинъ тесьмы и до 24 аршинъ веревки.

Лѣтомъ, для красоты, бока кибитки состоятельныхъ людей (и особенно духовенства) иногда обвѣшиваются внутри кругомъ сплошной занавѣской (ситцевой или коленкоровой); изрѣдка можно встрѣтить хурульныя кибитки, обитыя матеріей внутри отъ верху до низу. Зимою семьи сколько нибудь со средствами бока кибитки съ внутренней стороны обставляютъ спеціально заготовленными кошмами («ишикгé кешйгé»), такъ что получается двойная кошемная стѣна.

Земля въ богатыхъ кибиткахъ лѣтомъ устилается бѣлыми кошмами (шердыками») или же покупными коврами («кебюс»); у менѣе состоятельныхъ шердыки, или коверъ, лежатъ лишь около постели и на правой сторонѣ, на мѣстѣ, назначенномъ для почетныхъ гостей и хозяина, а у бѣдныхъ земля въ кибиткѣ не покрывается ничѣмъ и лишь для сидѣнья гостя, и то болѣе или менѣе почетнаго, постилается при появленіи гостя кошма—«шердык». Зимою въ тѣхъ мѣстахъ кибитки, гдѣ сидятъ люди, кромѣ кошемъ. постилаются еще сайгачьи, бараньи и козьи шкуры,

Когда приходится устраивать или «собирать» кибитку, то калмыки всегда соблюдаютъ такой порядокъ. Прежде всего берутъ одно «тêрмé» и помѣщаютъ его съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ предположено установить дверь, которая обыкновенно бываетъ обращена на югъ. Связываютъ первую «тêрмé» со второю, вторую съ третьею и т. д. и, привязавши послѣднюю «тêрмé», устанавливаютъ дверь. Когда послѣдняя связана съ «тêрмé» по ея обѣимъ сторонамъ, то обвязываютъ кругомъ «тêрмé» около головокъ тесьмой («хошлым термин бюс»), тоже идя отъ правой стороны къ лѣвой. Затѣмъ поднимаютъ «харâчи» и кладутъ его на верхній косякъ двери (которая отворена) такъ что двѣ его половины равномѣрно выступаютъ внутрь и наружу кибитки,—вдѣваютъ по 2 «унины» съ южной, восточной и западной стороны и поднимаютъ «харâчи» вверхъ, а когда «унины», на которыхъ былъ поднятъ «харâчи», закрѣплены петлями, то вставляютъ уже и всѣ прочія «унины», оставляя лишь двѣ-три изъ нихъ, какъ необходимыя при прикрытіи кибитки кошмами.

Когда деревянный остовъ готовъ, начинается покрытіе его кошмами. Прежде всего берутъ «иргебчи» и обставляютъ кибитку кругомъ отъ правой стороны дверей до лѣвой, при чемъ каждая кошма прикрѣпляется къ рѣшеткѣ («тêрмé») двумя шнурками, привязанными къ верхнимъ угламъ каждой «иргебчи»; затѣмъ покрываютъ кибитку «тӯргó», начиная съ «барун-тӯргó». Сначала кошму, особеннымъ образомъ сложенную (въ формѣ тюка), бросаютъ наверхъ кибитки и придерживаютъ ее униной, то поднимая ее вверхъ, то двигая внизъ, чтобы она оказалась на назначенномъ ей мѣстѣ, а два лица въ это время берутъ за концы тесемъ, привязанныхъ къ верхнимъ угламъ «тӯргó» и, перебросивши черезъ остовъ кибитки, прикрѣпляютъ на противоположной отъ «барун-тӯргó» сторонѣ кибитки ко второму ряду ячеекъ «тêрмé». «Барун тӯргó» кладется непосредственно направо отъ двери. Далѣе налѣво отъ двери такимъ же способомъ укрѣпляется «зюн-тӯргó»; затѣмъ — «кэл-тӯргó» направо надъ ногами постели и наконецъ «дер-тӯргó» надъ мѣстомъ, гдѣ помѣщаются головныя подушки постели и бурханы. Послѣ «тӯргó» укрѣпляется надъ дверью «ишйкгè ӱдӱн». Когда «ишйкгè ӱдӱн» прикрѣплена, кибитка обводится вокругъ справо на лѣво наружными поясами «кгерин кгазакâ бюс» и покрывается кошмами «дêбêр». «Дêбêр» подымаютъ вверхъ на кибитку при помощи «унин», подталкивая сложенныя кошмы снизу вверхъ такъ, чтобы верхніе края каждой «дêбêр» прилегали къ «харâчи», и укрѣпляютъ на противоположныхъ концахъ къ наружному поясу кибитки. Наконецъ «унин'ами» стаскиваютъ на «харâчи» «ӧркè», и кибитка готова, послѣ чего снаружи и вверху укрѣпляютъ кошмы общимъ верхнимъ поясомъ у головокъ «тêрмè».

При разборѣ кибитки стаскиваютъ всѣ кошмы въ обратной послѣдовательности: 1) ӧркè, 2) дêбêр, 3) ишйге ӱдӱн, 4) тӯргò, 5) иргебчи.

Сложивши кошмы, вынимаютъ «унины», оставляя по 2 изъ нихъ съ юга (надъ дверью), съ востока и запада, съ помощью которыхъ спускаютъ «харâчи», во-внутрь кибитки и, вынувши остальныя «унин'ы», кладутъ «харâчи» на землю. Послѣ этого развязываютъ междурѣшеточныя тесьмы и «термин хашлым бюс», и рѣшетки сами собой падаютъ на землю.

Совершенно сложенная кибитка настолько крѣпка и устойчива, что ее можно, при помощи 10—15 рабочихъ, перенести, не разбирая, съ одного мѣста на другое. Съ этой цѣлью необходимое количество людей входитъ внутрь кибитки, и, взявшись за рѣшетки снизу, приподымаютъ кибитку вверхъ и спокойно уносятъ ее на другое мѣсто*). Но конечно, подобныя перенесенія кибитокъ съ мѣста на мѣсто практикуются лишь въ экстренныхъ случаяхъ: когда нужно быстро приготовить кибитку въ опредѣленномъ мѣстѣ не далеко отъ кочевья, и имѣется достаточное количество рабочихъ силъ, а послѣднее условіе возможно лишь при хурулахъ (ламаитскихъ монастыряхъ). Обыкновенно же кибитка разбирается совершенно, хотя бы ее переносили лишь на нѣсколько саженей.

По своему внѣшнему виду, по цвѣту кошемнаго покрова, астраханскіе калмыки раздѣляютъ кибитки на бѣлыя («цаган кгер») и черныя («хара кгер»). Кошмы для кибитокъ дѣлаются изъ овечьей шерсти. Преобладающій цвѣтъ колмыцкихъ овецъ—рыжій, и лишь далеко меньшее между ними количество бѣлыхъ и черныхъ овецъ. Черная шерсть (какъ и вообще черный цвѣтъ) не употребляется на кибиточныя кошмы. Во всей степи мнѣ лишь одинъ разъ пришлось увидѣть кибитку, у которой «тýрго» и «иргебчи» были черпаго цвѣта. Бѣлой же шерсти недостаетъ на кошмы для всѣхъ кибитокъ, и она, какъ имѣющаяся въ степи въ небольшомъ количествѣ, недоступна для малосостоятельныхъ калмыковъ, а потому бѣлыми кошмами кроются лишь рѣдкія кибитки, главнымъ образомъ—кибитки духовенства, кибитки состоятельныхъ людей и еще кибитки «новыя», т.-е. кибитки новобрачныхъ. Всѣ остальныя кибитки покрываются сѣро-рыжими кошмами и извѣстны подъ именемъ «харакгер».

Отдѣльная кибитка средняго размѣра, покрытая не бѣлыми кошмами, представляетъ такую цѣнность, что не всякой калмыцкой семьѣ она доступна: она стоитъ до 100 р. **).

*) Подобнаго рода перенесенія кибитки мнѣ приходилось видѣть три раза; въ одномъ изъ этихъ случаевъ калмыки переносили кибитку на разстояніи болѣе полуверсты, причемъ пришлось переходить ильмень, саженей въ 10 ширины и около $1^1/_2$ арш. глубины. Случай былъ на взморьѣ, въ Цатановомъ р. Лидыковскаго ул.

**) Вотъ приблизительно вѣрный разсчетъ стоимости кибитки:

1) „Тêрмé“, если дерево мастера, стоитъ отъ 3 р. до 3 р. 50 к., а 6 „тêрмé“ въ среднемъ выводѣ .. .. 12 р. — к.

Деревянныя части кибитки служатъ лѣтъ 10—15, если, конечно, не бываетъ такихъ случайностей, какъ внезапныя бури; кошмы же служатъ обыкновенно три года; въ «черняхъ» кошмы особенно скоро портятся молью, и въ борьбѣ съ нею мало помогаетъ табачный настой, въ которомъ намачиваютъ кошмы.

Сравнительно высокая цѣнность кибиточнаго инвентаря дѣлаетъ для значительной части малосостоятельныхъ калмыцкихъ семей полную нормальную кибитку недоступною, и потому бѣднота калмыцкая живетъ въ степи въ *полукибиткахъ*. Послѣднія бываютъ двухъ видовъ: «джолом» и «декгля».

«Декгля» отличается отъ «кгер» лишь тѣмъ, что въ ней нѣтъ «харâчи» съ «цагрык'омъ», а «унин'ы» связываются прямо вверху между собою въ пучекъ, что удешевляетъ кибитку рублей на 10—15.

«Джолом» же представляетъ собою одну крышу кибитки (безъ рѣшетокъ), которая «унинами» ставится прямо на землю. Цѣнность такой кошемной палатки, высота которой въ центрѣ бываетъ около 3 аршинъ, согласно выше помѣщенному разсчету, не превышаетъ 30—40 руб.

Въ «черняхъ» бѣдныя семейства удешевляютъ цѣнность кибитки тѣмъ, что кошмы замѣняютъ циновками; поэтому въ «черняхъ» и вообще по прибрежью Волги и моря полукибитокъ почти не встрѣчается, но зато рѣдко можно встрѣтить и кибитки, сполна покрытыя кошмами: въ большинствѣ кибитокъ кошемныя «иргебчи» замѣнены чаканками, «зегêсèн-иргебчи» (чаканными иргебчи); при этомъ «иргебчи»

2) „Унин'а“ каждая покупается по 5 к., а 72 „унины“ около ..... 3 р. 50 к.

3) „Харачи“ отъ 2 до 5 р., а въ среднемъ выводѣ около ..... 3 „ — „

4) „Цагрык“..... .... — „ 20 „

5) Дверь съ рамой отъ 2 до 5 руб., или въ среднемъ выводѣ.. ..... 3 „ — „

6) Каждая кошма въ степи отъ 4—6 р.; въ ср. выводѣ около 4 р., а 14 кошемъ..... .. 50 „ — „

7) 24 тесьмы къ кошмамъ (около 150 арш.) каждый конецъ въ $6^1/_2$ арш. стоитъ 50 к..... 12 „ — „

8) Широкія тесьмы для двухъ поясовъ, около 40 арш. (2 пояса)..... ..... 4 „ — „

9) Веревки или арканы на 2 пояса для внутренняго и внѣшняго укрѣпленія кибитки, около 50 арш..... .... 3 „ — „

10) „Зек“ для обшивки кошемъ и шнурокъ для салдырга унинъ .... 1 „ 50 „

При такомъ разсчетѣ, сдѣланномъ со словъ калмыковъ въ разныхъ мѣстностяхъ и разнаго общественнаго и хозяйственнаго положенія, принято было во вниманіе: а) продажная цѣна шерсти въ степи, б) количество ея, идущее для кибиточныхъ принадлежностей, и в) дѣйствительная цѣнность деревянныхъ частей кибитки, по какимъ ихъ приготовляютъ калмыцкіе мастера; но исключена совершенно цѣнность труда калмыцкихъ женщинъ, готовящихъ все для кибитокъ, кромѣ деревяннаго остова, хотя онъ по количеству затрачиваемаго времени довольно великъ: напр. одна обшивка 12 кошемъ тесьмой и шнуркомъ можетъ быть сдѣлана одной калмычкой не менѣе чѣмъ въ 10 дней.

дѣлаются высокія, въ уровень съ «терме», въ другихъ—вмѣстѣ съ «иргебчи» дѣлаютъ и тўрго» изъ чакану «зегесен-тўрго», а въ третьихъ — кошемными остаются только «ўдўн» и «ёркѐ», впрочемъ, приходилось встрѣчать кой-гдѣ даже и «зегёсен-ўдўн». Цѣна «чаканокъ» при обиліи вездѣ даровaго матеріала и собственномъ трудѣ *калмыцкихъ женщинъ* ничтожна *), но въ чаканныхъ кибиткахъ обитаніе зимою невозможно, потому такія кибитки на зиму обставляются кругомъ толстымъ слоемъ камыша, или же высокой болотной травой.

Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ кибитки, у незначительной впрочемъ части калмыковъ, стали, главнымъ образомъ на зиму, замѣняться и постоянными жилыми постройками. Замѣна кибитокъ на зиму зданіями идетъ съ двухъ концовъ: выстраиваютъ себѣ жилища богачи и бѣдняки; первыхъ побуждаетъ комфортъ, подражаніе, вторыхъ — холодъ. Послѣднимъ впрочемъ является на помощь правительство, выдавая на постройки пособія въ нѣсколько десятковъ рублей.

Жилыя зданія распространены въ Астраханской степи далеко не равномѣрно. Вообще ихъ болѣе на периферіяхъ, чѣмъ внутри степи, но и на пограничьи степей съ осѣдлымъ населеніемъ количество жилыхъ зданій распредѣлено не равномѣрно**). Но въ большинствѣ случаевъ и при имѣніи жилыхъ зданій, лѣтомъ хозяева ихъ живутъ въ кибиткахъ, перебираясь въ дома лишь на зиму. Что касается до архитектуры калмыцкихъ построекъ, то въ нихъ черты національности можно видѣть лишь въ отсутствіи всякихъ наружныхъ украшеній стѣнъ и крышъ. Но въ недавнее время явился родъ построекъ оригинальныхъ и исключительно въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ. Эго каменныя постройки, по виду и размѣру даже совершенно одинаковыя съ калмыцкими кибитками. Онѣ бываютъ или совершенно круглыя, или восьмигранныя, крыши или тоже каменныя, или кошемныя, безъ трубы, а вверху, какъ и въ кибиткахъ, находятся «харачи» съ «цагрык'омъ», и закрывается верхнее отверстіе посредствомъ ёрке». Но подобныя каменныя кибитки, сколько я ихъ видалъ, назначаются не для жилья, а для приготовленія кушанья: это—кухни, главнымъ образомъ богачей изъ духовенства, и едва ли онѣ не заимствованы отъ бурятъ и ургинскихъ монголовъ, куда въ послѣднее время ежегодно отправляются астраханскіе калмыки, особенно изъ Дербетовскаго улуса.

Нормальная калмыцкая кибитка одновременно служитъ: а) жилымъ помѣщеніемъ отдѣльной семьи, б) помѣщеніемъ для всѣхъ сбереженій этой семьи (въ пищѣ, одеждѣ), в) помѣщеніемъ для исполненія бытовыхъ и религіозныхъ обрядностей, привлекающихъ въ нее постороннихъ посѣтителей, и г) въ холодъ—пріютомъ для нарожденныхъ животныхъ—ягнятъ и верблюжатъ. Пространство кибитки средней величины не превышаетъ девяти кв. саженей, а потому приспособленіе ея для такихъ многоразличныхъ жизненныхъ цѣлей достигается какъ незначительностью хозяйственно-кибиточнаго инвентаря, такъ въ равной мѣрѣ и строго выработанною системою въ размѣщеніи вещей и обитателей кибитки: здѣсь, во всѣхъ кибиткахъ, не только каждая вещь, но каждое живое существо занимаетъ точно указанное ему народнымъ обычаемъ мѣсто.

Въ центрѣ кибитки (семейной только) находится *очагъ* (фиг. 3. I.), который обозначается треногимъ желѣзнымъ таганомъ (тулгò, фиг. 4). Противъ дверей въ глубинѣ кибитки, нѣсколько направо, помѣщается постель («орын»), но такъ, что только голова постели находится на прямой линіи противъ дверей, а вся постель въ правой половинѣ (фиг. 3. II).

Калмыцкую постель въ большинствѣ кибитокъ составляетъ низенькая кровать («орындык»). Послѣдняя состоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ частей: головная часть («дерендык») и собственно кровать. «Дерендык» — это спинка обыкновенной кроватч, къ которой для устойчивости придѣланы еще двѣ косыя ножки; остальная часть и сама кровать отличается короткими ножками, не выше $^1/_4$ арш. и отсутствіемъ головной спинки. При составленіи кровати обѣ половины связываются между собою ремнями или шерстяными арканами. Принадлежность постели—«шердык». «Шердык» сшивается изъ двухъ или болѣе кошемъ бѣлыхъ, чистыхъ, и простегивается разными узорами. «Шердык», впрочемъ, можетъ и не быть у небогатыхъ людей на постели, но на семейной постели обязательно уже лежитъ

*) По заявленію самихъ калмыковъ, чаканка въ 2 сажени длины и въ $2^1/_2$ арш. ширины, хорошей работы, стоитъ коп. 60, а шердыкъ изъ чаканки въ $2^1/_2$ аршина длины и 1 арш. ширины коп. 20 продается изъ вторыхъ рукъ въ г. Астрахани.

**) Въ Мочагахъ (мочажный улусъ приморскій) и „черняхъ“ Яндыковскаго улуса, прилегающихъ къ Волгѣ, повсюду встрѣчаются зимнія глинобитныя зданія бѣдняковъ (мазанки, шабыр-кгер), и нерѣдко между кибитками возвышаются то отдѣльные деревянные домики зайсанговъ (модон кгер), то цѣлыя группы хурульныхъ деревянныхъ зданій. Въ приморскихъ „черняхъ“ Яндыковскаго и Эркетеневскаго улусовъ мнѣ пришлось встрѣтить очень мало калмыцкихъ построекъ, а въ степной части этихъ двухъ улусовъ, кромѣ станціонныхъ клѣтушекъ калмыцкой почты, встрѣтилась лишь одна постройка въ Эркетеневскомъ улусѣ—это саманное зданіе мѣстнаго калмыка богача Зунгруева. Въ Харахусовскомъ улусѣ, въ центрѣ степи, жилыхъ калмыцкихъ строеній я не видалъ; въ Икицахуровскомъ (степномъ), кромѣ полуразвалившихся поселеній крещеныхъ калмыковъ, пришлось встрѣтить три-четыре домика, принадлежащихъ богачамъ калмыкамъ. Въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ на сѣверо-западѣ, по границѣ съ Землей В. Донскаго у калмыковъ встрѣчаются повсюду не только зимовники, но и своего рода палаты двухэтажныя, архитектурно выстроенныя,—это помѣщенія нойона и двухъ зайсанговъ, и кромѣ того не мало деревянныхъ домиковъ разбросано въ зимовыхъ кочевьяхъ калмыковъ. Въ приволжскихъ улусахъ—Богацахуровскомъ и Александровскомъ, на сколько можно судить о цѣлыхъ улусахъ по ихъ прибрежнымъ частямъ, такихъ построекъ, хотя и болѣе бѣдныхъ, чѣмъ въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ, встрѣчается не мало.

«дебёскир» (или «дербюльджин»), который состоитъ изъ простеганной большой кошмы, сверху покрытой матеріей и украшенной тесьмой («кебэ») разнаго цвѣта, кромѣ желтаго и бѣлаго. Постель покрывается у богатыхъ одѣяломъ («кэнджиль») лѣтомъ ситцевымъ или даже шелковымъ, а зимой—мѣховымъ:—бараньимъ, лисьимъ или другаго мѣха. Въ головахъ и ногахъ постели лежатъ подушки («дер бокцо» и «кэль бокцо»), украшенныя со стороны очага особыми нашивками—продолговатыми четыреугольниками — «дерын зек» (головными) и «келын-зек» (ножными). «Дерын-зек» и «келын-зек» обшиты по краямъ цвѣтными шнурками и расшиты чаще по черному или красному фону цвѣтными же шнурками, а иногда золотомъ и серебромъ. Подушки съ расшитыми четыреугольниками укладываются не горизонтально, а всегда наискось. Необходимою принадлежностью постели бываютъ еще круглыя подушки («тўнтык»). Эти подушки представляютъ полые цилиндры—своеобразные сакъвояжи, во внутренность которыхъ прячутся вещи: въ головахъ чистое бѣлье и дорогая одежда, а въ ногахъ — что похуже изъ бѣлья и одежды. «Кель-бокцо» шьются чаще изъ кожи, чѣмъ изъ матеріи, а обѣ боковыя стѣнки расшиваются шнурками. Надъ постелью у людей болѣе или менѣе состоятельныхъ привѣшивается пологъ («кешйгѐ») въ видѣ балдахина, раздвоеннаго посрединѣ. Вверху, гдѣ пологъ собирается въ складки, дѣлается обшивка («заха») и къ ней прикрѣпляются тесьмы, на которыхъ пологъ привѣшивается («кешекген тюнкга»). Внутри полога привѣшиваются еще особыя занавѣски «ёмнэрчй».

На лѣво отъ кровати *) оставляется небольшой промежутокъ—«таклын шире» (жертвенный столъ), гдѣ помѣщается «хобол» (фиг. 3. V) — ящикъ съ бурханами, который въ большинствѣ кибитокъ привѣшивается къ «термен толга»; у богатыхъ калмыковъ «хобол» устанавливается на состроенномъ возвышеніи изъ столиковъ и сундуковъ, покрытыхъ ковромъ (у богатыхъ людей религіозныя святости хранятся не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ ящикахъ), а у бѣдняковъ онъ ставится нерѣдко и на близъ стоящіе сундуки съ вещами. Впереди «хобола» часто стоитъ жертвенный столикъ съ разставленными на немъ металлическими сосудами, наполненными масломъ, зерномъ, печеньемъ и проч. Жертвенные столики бываютъ или простые (фиг. 5), узенькіе на ножкахъ въ $^1/_4$ арш., или же выкрашенные въ красный цвѣтъ и украшенные религіозно-символической рѣзьбой и позолотой. Здѣсь же въ нѣкоторыхъ кибиткахъ втыкается въ землю красный низенькій шестъ съ рѣзьбою, заканчивающійся металлической чашечкой («дё джин цокцо»).

Рядомъ съ «хобол'омъ», влѣво въ кибиткѣ помѣщается «барун-баран» (фиг. 3. III), который складывается изъ ящиковъ и сундуковъ. Сначала ставится, сообразно достатку хозяевъ, два-три красныхъ ящика на ножкахъ, или шкафика («ўкю-(у)-к», (фиг. 6) и закрываются коврами («кебюс»), а сверхъ ковровъ устанавливаютъ сундуки («абдыр»), и въ свою очередь покрываютъ ихъ коврами. «Барунъ-баранъ»—родъ кладовой и гардероба помадовъ. Въ «укюк'ахъ» хранится посуда и съѣстные припасы, а сверхъ нихъ накладываются запасные арканы, кошмы, мѣшки изъ ковровъ («ўта»), шкуры, кожи, шубы и т. д. Въ сундукахъ же прячется дорогая одежда, украшенія, деньги и все цѣнное, а внизу подъ шкафиками хранятся всѣ тѣ вещи, которыя употребляются въ скотоводческомъ хозяйствѣ калмыковъ: разнаго вида арканы («аргамджй»), веревки («дёсен»), «бурунтук», «нокто», «ўрга» и проч.

Въ промежуткѣ между «барун-баран» и дверью висятъ и лежатъ уздечки, сѣдла, а гдѣ есть въ семьяхъ дѣти старше восьми лѣтъ, то здѣсь ставится для нихъ отдѣльная постель. У бѣдняковъ дѣти спятъ на землѣ, между «барун-баран» и очагомъ; здѣсь же въ холода помѣщаютъ и маленькихъ ягнятъ и телятъ.

Направо отъ кровати, у ея ногъ (фиг. 3. IV) ставится «зюн-баран», совершенно сходный по устройству съ «барун-баран», но только меньше. «Зюн-баран» состоитъ изъ одного, рѣдко изъ двухъ «ўкюк» и «абдыр», въ которыхъ хранится женская одежда, но не самая цѣнная, и болѣе часто употребляемая посуда и матерьялы для пищи. Ближе къ двери, около «зюн-баран» подвѣшивается къ верхушкѣ рѣшетки «табцэ» (фиг. 3. VI)—полка для деревянныхъ чашекъ, ножей и кухонныхъ приборовъ. Иногда «табцэ» въ срединѣ поддерживается вѣтвистою палкой («цаха»), на которой вѣшаютъ «шур», «шанго», мясо и пр. Подъ «табцэ» на землѣ, на низенькой деревянной подставкѣ помѣщается большой котелъ, и рядомъ съ нимъ маленькій—для куренія водки («арьки»), и котелъ для кушанья; ближе къ выходу къ рѣшеткѣ подвѣшено «цорго» (особая деревянная трубка), стоитъ «архат» (кожаный мѣшокъ), а у самой уже двери—корыто («тебыш» или «онгоцо»)

При устройствѣ кибитки внутри соблюдается такой порядокъ: когда кибитка совершенно установлена, то прежде чѣмъ начнутъ убирать её внутри, утверждаютъ снаружи кибитки, противъ того мѣста, гдѣ внутри будетъ находиться «хобол», — «мâни», т. е. бѣлый или желтый флагъ на шестѣ, сдѣланный изъ бумажной или шелковой матеріи, на которой написаны молитвы (впрочемъ, «мâни» находится далеко не при всѣхъ кибиткахъ). Въ кибитку вносится и устанавливается прежде всего постель, по-

*) Предполагается, что наблюдатель разсматриваетъ внутренность кибитки отъ двери; но калмыки различаютъ стороны, ставъ у кровати, лицомъ къ дверямъ, а слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сказано влѣво, будетъ по-калмыцки вправо, и обратно.

томъ «барун-баран» «зюн-баран», «табцэ» и вся кухонная и прочая посуда. Послѣ упорядоченія всѣхъ этихъ принадлежностей кибитки ставится таганъ и переносится въ кибитку огонь, разведенный снаружи. Послѣ всего въ кибиткѣ устраивается «хобол». При разбираніи кибитки всѣ вещи предварительно укладываются по мѣшкамъ, ящикамъ и сундукамъ, снимается всё подвѣшенное къ рѣшеткамъ, но ничего изъ кибитки не выносится прежде, чѣмъ «терме» упадутъ и части кибитки не будутъ уложены.

Кочевая жизнь, при которой въ теченіе года приходится переносить съ одного мѣста на другое жилище и всѣ предметы кибиточнаго хозяйства 10—15 разъ и даже болѣе, не располагаетъ къ умноженію вещей и ихъ разнообразію. Въ кибиткѣ калмыка можно встрѣтить, за небольшими исключеніями, вещи только необходимыя, и всѣ онѣ, по формѣ и матеріалу, видимо приспособлены, кромѣ требованія занимать какъ можно меньше мѣста въ кибиткѣ, еще къ частой перевозкѣ на спинахъ животныхъ. Поэтому по формѣ своей всѣ вещи несоразмѣрно узки, сравнительно съ своей длиной («ўкюк», «абдыр», «хобол», «табцэ» и отчасти кровать), но и длина ихъ имѣетъ точные предѣлы—пространство между задними и передними ногами верблюда, потому что при перекочевкѣ всѣ громоздкія вещи (кромѣ «харâчи») помѣщаются съ боковъ животнаго, и потому своей длиной не должны мѣшать его движеніямъ. Нарушать подобныя требованія могутъ лишь тѣ семьи, которыя кочуютъ не на вьючныхъ верблюдахъ, а на «арбахъ» (телѣгахъ) и въ лодкахъ.

Приспособленіе къ перекочевкѣ несомнѣнно отражается и на матерьялѣ, и это особенно замѣтно въ *посудѣ* калмыковъ: стекло и глина, по своей хрупкости, негодны для кочевника, а потому вся его посуда сдѣлана изъ кожи, дерева и металла. Посуды въ калмыцкой кибиткѣ немного, и одна и та же посуда служитъ для разныхъ цѣлей. Самая необходимая посуда всякой калмыцкой семьи чугунный котелъ («хайсын»), который служитъ для варенія всякой пищи: чаю, супу, мяса и пр. Только у богатыхъ людей есть особый котелокъ для чаю («цянгин хайсын»). При котлѣ всегда бываетъ деревянная крышка съ ручкой («бюркэсын) и деревянный треугольникъ, (фиг. 7), на который ставится горячій котелъ. Для помѣшиванія пищи и разливанія ея употребляется оригинальной формы деревянный ковшъ («шанга», фиг. 8), а для процѣживанія чаю холщевый мѣшечекъ («шюр», фиг. 9) съ выдернутыми продольными нитями, укрѣпленный на проволочномъ кругѣ, къ которому придѣлана деревянная ручка. Чтобы выжать при процѣживаніи чай, употребляется «шахлур» (фиг. 10) — своего рода тиски *), сдѣланные изъ двухъ дощечекъ, которыя въ широкомъ концѣ связаны ремешкомъ. Если къ исчисленнымъ принадлежностямъ очага прибавить еще двѣ обыкновенныя сковороды («таба»), между которыми запекаются калмыцкія лепешки, то исчерпается весь запасъ кухонной посуды астраханскихъ калмыковъ.

Приготовленный чай у богатыхъ людей изъ «хайсына» переливается предварительно въ «домбо» (фиг. 11, а)—родъ ведра, постепенно суживающагося отъ низу къ верху. Оригинальность его заключается въ устройствѣ верхней крышки. Сверху, отступя вершка четыре, цилиндръ «домбо» срѣзывается параллельно дну до половины, и на уровнѣ уже этой вырѣзки вставляется наглухо верхнее дно (фиг. 11, б), въ которомъ одно небольшое круглое отверстіе, назначенное для давленія воздуха, пробуравливается въ открытой половинѣ сосуда, а другое, треугольное, служащее для вливанія и выливанія чаю, вырѣзано на краю той части окружности дна, которая заключена между выступающею въ видѣ жолоба надъ уровнемъ дна половиною сосуда: выступающія дощечки и служатъ жолобомъ при выливаніи жидкости. Высота «домбо» отъ $^1/_2$ до 1 арш.. Дѣлается оно изъ твердаго дерева, иногда даже изъ орѣха, и обтягивается мѣдными обручами, въ большинствѣ случаевъ высеребренными. Но въ небогатыхъ семьяхъ чай, какъ и всякая другая пища, изъ котла («шанг'ой») прямо наливается въ деревянныя чашки, не болѣе обыкновеннаго стакана («âга», фиг. 12). Изъ однѣхъ и тѣхъ же чашекъ калмыки пьютъ и чай, и бульонъ, и кумысъ, и водку. Для ѣды мяса служатъ большія точеныя чашки («тâбык», фиг. 13). Что касается до количества чашекъ для кушаньевъ, то во всякомъ случаѣ ихъ бываетъ въ кибиткѣ лишь по нѣскольку экземпляровъ, и семья ѣстъ не одновременно, а по порядку: насытившіеся члены передаютъ еще не ѣвшимъ однѣ и тѣ же чашки.

Все подоенное молоко (коровье, верблюжье, и овечье), кромѣ кобыльяго (и то впрочемъ, если послѣдняго достаточно для производства кумыса), сливается въ одинъ сосудъ «архат» (фиг. 14)—родъ огромнаго кожанаго кувшина или мѣшка съ горлышкомъ. «Архат» шьется изъ грубо выдѣланной кожи, коровьей или верблюжьей и обязательно прокопченой, и вмѣщаетъ въ себѣ отъ 3 до 5 ведеръ и даже болѣе. Въ «архат'ахъ» же готовится изъ молока масло, арьянъ и кумысъ, и съ этой цѣлью въ «архат'ѣ» всегда находится «биллюр»—палка, на нижнемъ концѣ которой надѣта опрокинутая чашка. «Архат» небольшихъ размѣровъ называется «ташўр». Калмыки доятъ животныхъ въ кожаныя же ведра («утхур»); въ подобныхъ же ведрахъ («сўлга») въ степи носятъ и воду, а для доставанія воды изъ степныхъ копаней «худук» къ ведру придѣлываютъ длинный шестъ. У состоятельныхъ калмыковъ кумысъ предварительно изъ «архат'а» переливаютъ въ деревянныя ведра («сўлга») и отсюда уже берутъ въ чашки. Кумысное ведро дѣлается, какъ и «домбо», изъ крѣпкаго дерева и обшивается металлическими обручами.

Для дороги у калмыковъ приготовляются особые

*) Этими же тисками зажимаютъ „архатъ“ съ кумысомъ.

сосуды изъ кожи — «бербе́» и «тонхо́», или «бортого́» (фиг. 15)—бутылки изъ кожи. «Бербе» отличается отъ «тонхо» лишь размѣромъ: это самая маленькая кожаная бутылка. Оба эти оригинальные красивые сосуды шьются калмыками изъ хорошо выдѣланной спинной кожи лошади. Почти всегда «бербе́» и «тонхо́» украшаются вытисненными на кожѣ разными узорами, а деревянныя пробки къ нимъ оправляются въ мѣдь и даже серебро.

Въ кибиткахъ болѣе или менѣе состоятельныхъ обязательно имѣются еще сосуды для вырабатыванія изъ молока національной водки «арьки» (въ семьяхъ бѣдняковъ приспособленія для винокуренія имѣются по частямъ). Примитивный винокуренный заводъ номадовъ (фиг. 16. I — VII) состоитъ изъ двухъ чугунныхъ котловъ («арькин хайсын») съ деревянными крышками («бюркесен»), большого котла («арькин хайсын») и маленькаго («арькин бакрыс хайсын»). Въ крышкахъ обоихъ котловъ продѣлано по два отверстія: одно маленькое и одно большое; въ большія отверстія вставляются «цо̂ргò», искривленный деревянный полый цилиндръ (ф. 16. V). Кромѣ того, при вареніи арьки употребляется еще деревянное корыто «онгоцо» (ф. 16. IV), сбитое изъ досокъ и играющее роль холодильника: въ него наливается вода и ставится маленькій котелъ; «амсур» (ф. 16. VII) — маленькая палочка, въ палецъ толщиною, въ расщепѣ одного конца которой продѣтъ пучекъ шерсти: посредствомъ «амсур'а», проводимаго въ меньшее отверстіе малаго котла, узнаютъ, готова ли водка.

Вотъ и вся посуда, находящаяся въ распоряженіи всякой калмыцкой семьи, живущей при нормальныхъ условіяхъ номада, т. е. *въ степи, при занятіяхъ скотоводческихъ* *). Внутри степи разница богатой и бѣдной семьи заключается не въ разнообразіи и матеріалѣ посуды, а въ ея сравнительномъ обиліи и цѣнности: тогда какъ бѣдная семья довольствуется 3-мя, 4-мя чашками («а̂га»), двумя «табык'ами», однимъ котломъ, «архат'омъ», — въ богатой семьѣ всего этого больше: 10 чашекъ, 5—6 «табык», нѣсколько котловъ, «архат'овъ». Бѣднякъ пріобрѣтаетъ себѣ чашку и «табык» въ 20 — 50 коп., богачъ платитъ за одну чашку 5, 10, 20 и даже болѣе рублей **). Но ближе къ окраинамъ разница между посудою богача и бѣдняка уже иная: у зайсанговъ и состоятельныхъ калмыковъ есть уже самовары и ларецъ съ чайною посудою (самовары изрѣдка, впрочемъ, можно встрѣтить и внутри степи), тарелки, вилки, ножи, бутылки и рюмки, хотя всего и въ небольшомъ количествѣ, и чаще для заѣзжающихъ инородцевъ, чѣмъ для собственнаго употребленія. Что касается семей несостоятельныхъ, обитающихъ по окраинамъ, то посуда ихъ не богаче посуды степняка, но только замѣнена уже обыкновенною продажною посудою: нижегородскія красныя съ позолотою чашки, а не то и фарфоровыя полоскательныя чашки; вся кожаная посуда вытѣснена уже покупною деревянной, не исключая и архата; вмѣсто «бербе», «тонхо» — бутылки, штофы; такая замѣна совершается съ паденіемъ скотоводческаго хозяйства (при которомъ для кожаной посуды получаются собственные матеріалы) и замѣщеніемъ его рыболовствомъ или другимъ занятіемъ. При степныхъ скотоводческихъ занятіяхъ точеная деревянная посуда и кожаная наиболѣе цѣлесообразна: она не только удобна при перекочевкахъ, но и крѣпка.

По словамъ калмыковъ, «бербе» и «тонхо» служатъ лѣтъ 25 — 30; «архат», въ которомъ со дня на день производится окисаніе молочныхъ продуктовъ, рѣдко употребляется менѣе 3 лѣтъ: его только отъ времени до времени прокапчиваютъ внутри дымомъ кизяка. Не менѣе прочны и деревянныя вещи, сдѣланныя изъ цѣльныхъ кусковъ, какъ чашки: чашки бываютъ въ употребленіи лѣтъ 15 — 20 и даже болѣе. Онѣ настолько пропитываются жиромъ, что влага ихъ уже не портитъ, а при паденіи ихъ гарантируютъ толстыя стѣнки *).

Кибитка и ея мебель и посуда представляютъ у калмыковъ собственность семьи или отдѣльнаго хозяйства. При составленіи новой семьи отдѣльныя, точно опредѣленныя обычаемъ части кибитки, мебели и даже посуда приносятся обѣими сторонами—мужемъ и женою, а затѣмъ уже по мѣрѣ надобности пополняются за счетъ семейнаго хозяйства и трудомъ мужской и женской половины семьи.

Нѣсколько иной характеръ носитъ *одежда* калмыковъ: носильное платье, шапки, обувь и украшенія въ калмыцкой семьѣ составляютъ собственность не семьи, а отдѣльнаго ея члена, и приготовляются, кромѣ металлическихъ украшеній, исключительно женщинами. Кромѣ того, сравнительно съ мебелью и посудою, одежда у астраханскихъ калмыковъ и обильнѣе и разнообразнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ она и менѣе оригинальна, чѣмъ прочій кибиточный инвентарь.

*) Изрѣдка въ степи приходилось еще встрѣчать два сосуда, очевидно выходящіе изъ употребленія — это „сабыл“ (фиг. 17) и „цорго-цар“ (фиг. 18). „Сабыл“ это родъ большого ковша изъ крѣпкаго дерева съ короткой, круглой ручкой и мысомъ. „Цорго-цар“ — родъ деревяннаго горшка или чайникъ съ носикомъ изъ рога.

**) Въ Мало-Дербетевскомъ улусѣ, напримѣръ, въ Ульдучиновомъ хурулѣ, мнѣ показывали деревянную чашку для чаю, „гелюгла Бембе“, заплаченную будто бы 200 руб.: она сдѣлана изъ наплыва древеснаго и отличается красотою естественнаго узора въ расположеніи древесины.

*) Оцѣнка вещей кибитки, ея мебели и посуды, довольно затруднительна, особенно такихъ вещей, которыя производятся въ каждой отдѣльной семьѣ, напр. кожаная посуда, кошмы и т. п. Во всякомъ случаѣ если не принимать во вниманіе предметовъ роскоши и щегольства, какъ дорогія чашки, изящныя „тонхо̀“, „бербѐ“, „домбо̀“, „сулга“, а также религіозныхъ принадлежностей, то средняя калмыцкая семья имѣетъ мебели и посуды, вмѣстѣ съ кошмами для постели и перекочевки, рублей на 50.

Мужскую одежду у калмыковъ составляютъ: «килік», «шалбу́р», «камза́л», «бишмі̀т», «лабшик» «ўчі», «юрмгé», «дебель» разнаго покроя (бишмид-дебель, цубо-дебель, лабшик-дебель) и «даха».

1) «*Килик*» (рубаха) шьется изъ ситца или холста; она коротка, нѣсколько ниже пояса и съ разрѣзомъ напереди, это скорѣе ночная кофта, чѣмъ рубаха, воротъ большой, выходящій изъ-подъ ворота верхней одежды, рукава длинные и широкіе.

2) «*Шалбу́р*» (брюки) дѣлаются изъ нанки (и особенно синей) или холста; они довольно широки и на поясѣ придерживаются вздержкой («ölкэ̆»). Состоятельные люди носятъ еще исподніе брюки («дота̀джи шалбу̀р») изъ холста или бязи; тогда уже верхніе «шалбу́р» дѣлаются изъ шерстяной матеріи или сукна и украшаются лампасами («тасма́») изъ позумента съ наружной и съ внутренней стороны. Зимніе брюки шьются изъ овчины, шерстью во внутрь («некэ̆(я) шалбу́р») или изъ кожи безъ шерсти («илгин шалбу́р»), но чаще шьются такъ, что верхъ дѣлаютъ овчинный, а низъ кожаный. Теплые «шалбур» дѣлаются изъ овечьихъ и козьихъ шкуръ.

3) «*Камза̀л*» — это жилетъ обыкновеннаго покроя, со стоячимъ воротникомъ, обшивается (праздничный) по воротнику и гдѣ застегиваются пуговицы—позументомъ серебрянымъ, золотымъ, или у бѣдныхъ простымъ цвѣтнымъ шнуркомъ.

4) «*Бишмі̀т*» (бешметъ)—родъ казакина, красивая одежда, сшитая всегда въ талію, со множествомъ сборокъ («шаглу̀р») у пояса, длина его только нѣсколько ниже колѣнъ. Воротникъ у бешмета маленькій, стоячій, такъ что изъ-за него виденъ обшитый кантомъ воротникъ жилета и широкій отложной воротъ «килик'а», на груди бешметъ застегивается только у таліи на крючки или пуговицы, отъ пояса вверхъ края бешмета образуютъ треугольную вырѣзку, черезъ которую выставляются позументы жилета. Впрочемъ, и бешметъ у щеголей обшивается на груди и на полахъ позументами. Но особенно оригинальны рукава бешмета: они вшиваются на плечахъ сборками или буфами («шаглу́р») и здѣсь довольно широки, къ кисти же постоянно суживаются; длина ихъ далеко больше руки, поэтому ихъ искусно собираютъ при надѣваніи въ красивые сборы или буффы. Богатый бешметъ иногда мелко простегивается и тогда уже называется «шаглӑсы̆н бишмі̀т». Полы и подолъ подбиваются подкладкой («кебé») изъ яркой матеріи. Бешметъ и камзалъ составляютъ обыкновенно лѣтній костюмъ взрослаго мужчины; старики не носятъ бешмета, а замѣняютъ его

5) «*лабшик*'омъ» (халатомъ)—широкою и очень длинною одеждою безъ таліи; она не застегивается, а просто запахивается на груди, причемъ одна пола заходитъ за другую. «Лабшик», какъ верхнюю одежду, сверхъ бешмета надѣваютъ и не старики, особенно въ осеннюю или весеннюю ненастную погоду. Отъ холода мужчины надѣваютъ еще:

6) «*ўчи*» (теплый бешметъ) на мерлушкахъ или лисахъ, покрытый сукномъ или даже драпомъ (конечно, у богатыхъ), или же его замѣняетъ

7) «*юрмгé*» (армякъ) изъ верблюжьяго сукна, сшитый въ видѣ халата или же бешмета.

Въ стужу кромѣ того надѣваются мужчинами шубы изъ овчинъ; шьются онѣ по покрою «лабшик'а» или бешмета и имѣютъ четыре названія:

8) «*бишмид-дебель*» шуба, нагольная, короткая, на покрой бешмета

9) «*цуба-дебель*», длинная шуба, нагольная

10) «*лабшик-дебель*»—это тоже «цуба-дебель», но только крытая, и

11) «*даха*» изъ шкуръ выкидышей лошадей, сшитыхъ шерстью вверхъ (у богатыхъ калмыковъ).

На шеѣ мужчины лѣтомъ носятъ — хотя и не всегда — платки, а зимою нашейники — «öргебчі̀» изъ лисьяго хвоста или изъ другого мѣха. Можно еще изрѣдка встрѣтить зимою, что уши и подбородокъ подвязываются мѣховой повязкой «чибчйгé».

Преобладающій цвѣтъ будничной одежды калмыковъ мужчинъ синій; въ праздничной же у простонародья преобладаютъ яркіе цвѣта: зеленый, голубой (но не красный и не желтый—цвѣтъ духовенства и женщинъ) и пестрый, даже съ цвѣтами; у зайсанговъ (дворянъ) праздничная одежда сѣрая или чаще черная шерстяная, или бѣлая шелковая, хотя изрѣдка встрѣчаются и яркіе цвѣта.

На головѣ зайсанги носятъ лѣтомъ обыкновенно фуражки черныя, съ зеленымъ околышемъ и съ красными кантами, и просто черныя; но національнымъ головнымъ уборомъ всѣхъ калмыковъ, какъ простыхъ, такъ и дворянъ, служитъ шапка («махла́»). Въ костюмахъ всѣ калмыки астраханской степи однообразны, но въ шапкахъ замѣтно большое разнообразіе, и видовъ шапокъ довольно много. Самая распространенная между калмыцкими шапками «хазык махла̀» (киргизская шапка, фиг. 19 а, б, в) или «то̀рцык махла́». Околышъ ея дѣлается изъ черныхъ мерлушекъ (I), притомъ такъ устраивается, что нижняя часть шапки совершенно круглая, а къ верху заканчивается четыреугольникомъ, отороченнымъ выдрой (II). Верхушка шапки (III) изъ какого нибудь яркаго сукна (но не желтаго), обшитая позументомъ или цвѣтнымъ шнуркомъ. Въ центрѣ верхушки находится кружокъ («ора́») и на немъ нашиты пунцоваго шелка нити въ видѣ кисти или бахрамы — «да̀ган зала̀». Высота шапки болѣе 1/4 арш. и соотвѣтственнаго объема. Носятъ эту шапку такъ, что одинъ уголъ приходится на лбу. У хошоутовскихъ калмыковъ (Александровскій улусъ) «то̀рцык махла́» отличается своей верхушкой: верхъ густо выстеганъ и въ центрѣ вмѣсто шелковаго «зала́» вшита пуговица изъ шелка, красная бусинка, а иногда крупный кораллъ (фиг. 20).

Въ рабочіе дни простонародье носитъ шапки, сдѣланныя изъ сукна, нанки и пр., и самыхъ разнообразныхъ формъ. Въ Лидыковскомъ улусѣ (имен-

но въ степной его части) обыкновенная домашняя шапка дѣлается изъ черной матеріи—«тôрцык». Это невысокая круглая шапочка изъ одноцвѣтнаго матерьяла, на круглой верхушкѣ которой нашитъ или кусочекъ пунцоваго сукна, или бусинка.

Въ Эркстеневскомъ улусѣ (особенно въ Цатановомъ родѣ) встрѣчается домашняя шапочка, которая очень напоминаетъ рабочую персидскую шапку—«тумлык махла». Она состоитъ изъ выпуклаго, низенькаго барашковаго околыша и закругленной верхушки, сшитой изъ клиньевъ матеріи. Такая шапочка встрѣчается и на женщинахъ, какъ Эркстеневскаго, такъ и южнаго Мало-Дербетевскаго улусовъ.

Между сѣверными дербетами особенно мужская молодежь изъ простонародья носитъ маленькую шапку изъ темной матеріи, въ формѣ татарской ермолки.

Всѣ эти три послѣдніе вида домашней шапки не представляютъ чего либо типично-калмыцкаго, а потому и не устойчивы: сами калмыки говорятъ, что они стали носить ихъ еще недавно, и можно думать, что онѣ такъ же легко замѣнятся шапками какого-либо новаго образца, какъ и вошли въ моду. Совершенно противоположными свойствами отличаются шапки, которыя носятъ старики-калмыки: народная память не знаетъ, когда онѣ вошли въ употребленіе. Такая шапка называется «хаджилга» (фиг. 21 а, б.). Околышъ ея, очень выпуклый и невысокій, покрытъ мерлушкою утробнаго ягненка («джулубдык»); верхняя часть четыреугольная и сшита изъ оранжеваго или желтаго сукна (II), квадратъ верхушки покрытъ краснымъ сукномъ (III), а въ центрѣ пунцоваго цвѣта «зала» (IV), шовъ между верхнимъ квадратомъ и желтымъ четыреугольнымъ верхомъ обшитъ серебрянымъ или золотымъ шнуркомъ (V). «Хаджилга» всегда довольно высокая (болѣе четверти) и объемистая шапка. Шапка эта однимъ угломъ квадрата наглухо пришивается къ мерлушечьему околышу и надѣвается назадъ пристегнутымъ угломъ. Такого вида шапку носятъ старики и старухи во всѣхъ улусахъ, кромѣ Александровскаго. Въ Александровскомъ или хошоутовскомъ улусѣ «хаджилга» нѣсколько иного вида (фиг. 22); именно, околышъ дѣлается изъ обыкновенной мерлушки и довольно высокъ, желтый верхъ тоже выше и прямо стоитъ, причемъ онъ въ нижней половинѣ бываетъ продольно выстеганъ. Впрочемъ, хошоутовская шапка теперь уже не часто встрѣчается.

Для зимы употребляется калмыками мѣховая шапка—«бючйлячй», обыкновенно изъ лисьяго мѣха съ наушниками, которые въ обыкновенное время торчатъ вверхъ, въ видѣ треугольниковъ. Изъ мѣха дѣлается только околышъ и наушники, причемъ нижняя часть мѣхового околыша сдѣлана такъ, что по надобности можетъ отворачиваться и закрывать лобъ и уши; въ стоячемъ видѣ наушники связываются шнуркомъ или тесемкой; задняя часть шапки, сшитая въ видѣ угла, и верхушка шьются изъ желтаго сукна, а на самой верхушкѣ нашита все-таки «зала». Подкладка («дотôр») «бючйлячи» шьется изъ кошмы, покрытой матеріей.

Женскій костюмъ гораздо разнообразнѣе мужского. Нижняя одежда калмычки («килик» и «шалбур») одинакова съ мужскою, но только воротникъ женскаго «килик'а» остроконечный, довольно широкій и носится поверхъ верхней одежды. Верхнюю одежду женщины составляютъ: «терлік», «цегдык», «хутцум», «лабшик», «бêрзе» и «дебель» (шуба).

1) «*Терлік*» (фиг. 23)—это родъ полукафтанья, наглухо зашитаго. Воротникъ у «терлик'а» стоячій, вершка въ $1^1/_2$—2 ширины, рукава длинные (длиннѣе руки) и постепенно суживаются къ концу, отчего они, какъ и у мужчинъ въ бешметѣ, всегда бываютъ въ сборахъ; вшиваются они на плечахъ также сборками. Правая пола на груди почти прямая, съ небольшимъ выступомъ (пальца въ 2) у пояса (I), лѣвая же до пояса вырѣзана по прямой линіи и имѣетъ изгибъ на поясѣ около четверти (II).

Воротникъ и правая пола до пояса, а лѣвая до конца выступа украшаются нашивными цвѣтными шнурками и позументами («зекг»), а также и обшлага рукавовъ (III). По лѣвой полѣ до выступа идетъ 6 пуговицъ, крупныхъ, блестящихъ, у богатыхъ—серебряныхъ, вызолоченыхъ, съ камнями или цвѣтными стеклами, но эти пуговицы служатъ только для украшенія, а для застегиванія есть внутреннія петли и маленькія пуговицы. Концы рукавовъ не круглы, а въ верхней части, покрывающей ладонь, вырѣзаны мысомъ—«нудурма» (кулакъ). На правомъ и на лѣвомъ боку на уровнѣ пояса пришиты двѣ петли («бель», IV) изъ узкой ленты для платковъ; въ эти же петли, когда нужно, чтобы волосы не мѣшали, прячется «токок» отъ косъ.

Длина «терлик'а» всегда такая, чтобы не видно было сапогъ. Матерія для праздничнаго «терлик'а» шелкъ, глазетъ разныхъ цвѣтовъ (кромѣ желтаго), а у бѣдныхъ—кумачъ. «Терлик» непраздничный такой же формы, только безъ украшеній и называется «хутцум».

2) «*Цегдык*» (фиг. 24 а, б,)—это родъ длинной безрукавки, надѣвается сверхъ «терлик'а» и закрываетъ его совершенно. По поясу «цегдык'а» идутъ широкія сборы или складки. Вмѣсто воротника «цегдык» имѣетъ продолговатый, широкій четыреугольный вырѣзъ, черезъ который совершенно виденъ расшитый воротъ «терлик'а». На груди полы «цегдык'а» скошены отъ воротника, такъ что сходятся подъ острымъ угломъ лишь у пояса. Рукава представляютъ большіе треугольные вырѣзы: вверху, въ видѣ закругленнаго остраго угла, передняя сторона къ груди нѣсколько закругленная, нижняя, ровная, а задняя тоже ровная, сходящаяся съ нижней подъ острымъ угломъ. Воротникъ, рукава, грудь, полы, подолъ и разрѣзъ сзади обшиты парчей («чимкарê») и параллельно парчѣ, нѣсколько отступя, еще

узкимъ позументомъ. Вокругъ пояса, какъ спереди, такъ и сзади, пашиты «бель» и «хаптöга», родъ карманныхъ клапановъ, изъ которыхъ первые два (по обѣимъ сторонамъ сходящихся полъ) соединены, а также и задніе два «бель», а остальные пашиты отдѣльно. На «цегдык'ѣ» ихъ можетъ быть больше и меньше. Сзади у «цегдык'а», около четверти отъ «бель хаптöга» идетъ продольный разрѣзъ, который, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ ложный. На груди, для красы, пришиваются четыре блестящія пуговицы и пашиваются фальшивыя петли, но застегивается «цегды́к» только у пояса, гдѣ онъ завязывается шнуркомъ («бючи») съ кистями («цацык»). Когда «цегдык» завязанъ, видны остаются грудь и воротникъ «терлик'а». По обоимъ бокамъ пришиты, какъ и у «терлик'а», петли для платковъ. Матерьялъ для «цегдык'а» тоже цвѣтной, но у одной и той же женщины цвѣтъ «цегдык'а» всегда другой, чѣмъ цвѣтъ «терлик'а».

3) «*Лабшик*» или «*бéрзе*»—родъ халата изъ цвѣтной шелковой или другой матеріи съ довольно широкими и длинными рукавами; спина прямая, воротникъ и грудь вырѣзываются шалью и отдѣлываются иногда позументомъ. «Лабшик» надѣваютъ сверхъ «цегдык'а , такъ что полный костюмъ женщины будетъ такой: 1) «килик», 2) «шалбур», 3) «терлик», 4) «цегдык» и 5) «лабшик».

Но чаще «лабшик» замѣняетъ собою «терлик», такъ какъ онъ стоитъ дешевле; если же женщина не имѣетъ средствъ сшить и «цегдык», то довольствуется и однимъ шелковымъ «лабшик'омъ», и тогда онъ не украшается позументомъ и запахивается непосредственно у горла, для чего здѣсь и пришивается петля. «Цегдык» и «терлик» носятъ только замужнія женщины, «лабшик» же надѣваютъ и дѣвушки, но у послѣднихъ есть еще и свой особенный костюмъ. Калмыцкая дѣвушка сверхъ «килик'а» и «шалбур'а» носитъ еще родъ бешмета («бйзе»), какъ и мужчина, но только гораздо длиннѣе: онъ почти закрываетъ сапоги; на груди дѣвичій бешметъ плотно закрывается, а рукава его имѣютъ полукруглую, продолговатую вырѣзку («задга» или «тысеркѐ»), начиная отъ подмышекъ и почти до обшлага.

Сверхъ бешмета дѣвушки носятъ поясъ, но только не металлическій, а въ торжественныхъ случаяхъ «бйзе» надѣваютъ поверхъ «хутцум» *).

Одежду женщинъ въ будній день составляетъ одинъ халатъ съ рукавами, чаще краснаго, рѣже синяго цвѣта.

Теплая одежда имѣетъ форму или «цегдык'а» или «лабшик'а» («дередебель»); шьется она на мѣху, оторачивается выдрой, бобромъ, иногда еще сверху покрывается мѣхомъ утробныхъ телятъ, шерстью вверхъ. Зимою женщины, какъ и мужчины, носятъ шубы («дебель»), а состоятельныя, пожилыя калмычки сверхъ шубы надѣваютъ широкій шелковый или другой матеріи халатъ («бéрзе»).

На головѣ калмыцкія женщины носятъ шапки, которыя отличаются украшеніями. Самая обыденная шапка, которую носятъ всѣ женщины повседневно,—это:

1) «томша́» (фиг. 25) — круглая шапочка изъ плиса съ оторочкой, или же изъ матеріи съ закругленнымъ дномъ (II). Околышъ черный, оторочка широкая внизу и вверху изъ черной матеріи, верхушка желтая съ пунцовой «зала́» **).

2) Изъ праздничныхъ шапокъ женщинъ прежде всего встрѣчается «юсюн ўга халабын» (или просто «халабын» фиг. 26). Это круглая, не очень высокая шапочка; околышъ ея сдѣланъ изъ кошмы, которая съ наружной стороны обтянута черной шелковой матеріей (или парчей) и украшена парчей, позументомъ и шитьемъ въ гладь; эти украшенія пашиты вверху (собственно парча) и внизу, такъ что не зашитой остается лишь середина, въ видѣ ленты. Околышъ не одинаковой ширины: передняя половина пальца на два шире задней, послѣдняя преимущественно и украшается золотымъ или серебрянымъ шитьемъ. Верхушка «юсюн ўга халабын» четыреугольно-выпуклая, покрыта пунцовой шелковой мелкой (нитчатой) бахрамой «сугулмыр зала́», которая нависаетъ на края. Эту шапочку носятъ такъ, что грань между высокой и низкой частью приходится на лбу, а также и одинъ изъ угловъ верхушки и держится шнуркомъ, который подвязывается подъ подбородкомъ.

3) «ўста-халабы́н» (фиг. 27) — мѣховая шапка. Околышъ этой нарядной шапки дѣлается изъ дорогого мѣха («булгун») — соболя, бобра, выдры; вверху мѣхъ оторачивается, далѣе идетъ стоячій четыреугольникъ на кошмѣ, довольно высокій, изъ желтаго сукна, золотой или серебряной парчи; внизу около мѣха пашиваются узорами шнурки, а вверху разноцвѣтная парча или позументъ; по четыремъ сторонамъ четыреугольника иногда пришиваются двѣ пуговицы (блестящія, коралловыя или жемчужныя), а верхушку украшаетъ большая пунцовая «сугулмыр зала́». Шапки эти называются еще по мѣху, изъ котораго сдѣланы, напр. «булгун халабын»—соболья шапка и пр.

4) «Джалўбды́к махла́» или «хаджилга́» (фиг. 28) называется такъ потому, что околышъ ея дѣлается изъ шкурки утробнаго ягненка («джалўбды́к»). Въ этихъ шапкахъ околышъ бываетъ очень высокъ (около четверти) и полукруглой формы; далѣе идетъ мягкій, изъ желтаго сукна кругъ, а верхушка—четыреугольный квадратъ («зала́»), который заднимъ угломъ прикрѣпляется къ околышу.

*) Подъ бешметомъ калмычки дѣвушки носятъ родъ корсета: это холстинный жилетъ, плотно стягивающій грудь. Сверхъ корсета надѣвается еще куртка изъ китайки, нанки или шелка.

**) Въ богатыхъ семьяхъ женщины вмѣсто „томша“ носятъ „тегрык махла“ или „джатык“ (фиг. 31) — маленькая кругленькая шапочка изъ темно-малиноваго бархата; околышъ и верхушка вышиты золотомъ въ гладь.

Хошоутовскими женщинами носятся барашковыя шапки (фиг. 29 а, б, в.), рядомъ съ собольими и почти такой же формы, какъ «юста халабын», но только квадратъ состоитъ не изъ прямыхъ линій, а изъ вогнутыхъ и всегда дѣлается изъ желтаго сукна безъ украшеній; у хошоутовъ носятъ также высокія шапки безъ большого «зала» (фиг. 30), какъ мужчины, но только у женщинъ суконные квадраты не выстегиваются. Околыши этихъ шапокъ дѣлаются нерѣдко изъ соболя и другого мѣха.

Украшенія какъ на шапкахъ, такъ и одеждѣ женщинъ состоятъ изъ нашитыхъ изъ шнурковъ и позумента узоровъ, рѣже вышивокъ въ гладь золотомъ.

Калмыцкія вышивки обыкновенно не бываютъ однородны по матерьялу, а представляютъ комбинацію изъ шитья золотомъ или шелкомъ, вышивки шнурками и нашивокъ изъ тесьмы, позумента и парчевыхъ лентъ или полосъ. Такъ что рисунокъ слагается: а) изъ вышивки шнуркомъ («зек»), б) шитья нитками («хат-хамыр»), в) нашивки изъ позумента («кюсьмэ») или парчи («чимкéре») и г) обшивки изъ шнурка или сученыхъ нитокъ («ютцен»). «Кюсьме», «чимкéре» и «ютцен» въ каждомъ рисункѣ образуютъ какъ бы рамку для вышиванія; вышиванье же состоитъ обыкновенно изъ нашивки шнуркомъ («зек») фигуръ, въ которыхъ пустыя мѣста заполняются уже шитьемъ въ гладь золотомъ или шелкомъ. Въ рисункахъ калмыцкихъ вышивокъ нельзя не видѣть той же бѣдности формъ, какою страдаетъ и монотонная степь калмыцкая. Солнце, луна, звѣзды, радуга и зигзаги молніи на небѣ, а кибитка и холмъ на землѣ—вотъ единственные предметы, которые задерживаютъ зрѣніе въ широкой глади степи, гдѣ перспектива не разнообразится ни горами, ни даже деревьями, и гдѣ травяная растительность не выдѣляется изъ общей массы отдѣльныхъ экземпляровъ растеній, способныхъ привлечь вниманіе обитателей своими листьями или цвѣтами. Фантазія калмыцкихъ женщинъ въ вышивки перенесла фигуры небесныхъ свѣтилъ и зигзаговъ молніи, да еще фигуры кибитки или холма, и все это окрасила въ яркіе цвѣта радуги. Чаще другихъ на калмыцкихъ вышивкахъ встрѣчается радужная лента, затѣмъ идутъ рисунки въ формѣ буквы **Т**, холма или кибиточнаго конуса или въ видѣ полулунія; рѣже встрѣчаются рисунки болѣе сложные, состоящіе изъ комбинаціи простыхъ фигуръ. На круглыхъ подушкахъ нашиваются, впрочемъ, рисунки въ формѣ лепестковъ или фигуръ, напоминающихъ сегнерово колесо. Во всей степи намѣченные рисунки выдерживаются въ довольно чистомъ видѣ не одними формами, но и цвѣтами, которые обыкновенно подбираются въ тѣнь. Есть, впрочемъ, вышивки и въ гладь, одноцвѣтныя, — это шитье золотомъ и серебромъ на бархатныхъ женскихъ шапкахъ «махла тегрык». *)

Но помимо вышивокъ калмыки любятъ украшенія другого характера.

*) См. мое соч.: „Астрах. калмыки". Астрахань. 1892, 80—83.

У мужчинъ главное украшеніе составляетъ поясъ («бюс»): безъ него мужчинѣ неприлично явиться передъ постороннимъ старше его, и поясъ для каждаго калмыка предметъ большихъ заботъ; онъ составляетъ самую цѣнную часть костюма. Калмыцкіе пояса дѣлаются изъ серебра и иногда вызолачиваются; по недостатку серебро замѣняется польскимъ серебромъ или сплавомъ. Названій поясовъ у калмыковъ довольно много, и названіе пояса зависитъ отъ формы составляющихъ его частей. Каждый поясъ состоитъ изъ отдѣльныхъ пластинокъ, которыя нанизываются или нашиваются на серебряную или золотую ленту, заканчивающуюся пряжкой (бюсын—татур») съ язычкомъ («келен»), а на другой сторонѣ—серебряная пластинка («бюлю»). Самый употребительный у калмыковъ поясъ—«хулсын бюс» (камышовый поясъ), составныя пластинки котораго напоминаютъ камышъ: это продолговатыя пластинки съ выпуклымъ полуоваломъ посрединѣ, и этотъ полуовалъ украшается насѣчками и чернью, или же съ выпуклымъ удлиненнымъ трехгранникомъ. Второй видъ пояса — «абдыр бюс» (поясъ сундукъ); пластинка его—удлиненный четыреугольникъ, иногда съ насѣчками. Третій видъ пояса, самый дорогой и особенно любимый зайсангами—«шеркис бюс» (черкесскій поясъ); онъ состоитъ изъ большихъ и малыхъ, выпуклыхъ (внутри полыхъ) пуговицъ или бубенцовъ, покрытыхъ чернью. Тогда какъ у «хулсун» и «абдыр-бюс» металлическія части нанизываются такъ тѣсно, что представляютъ сплошную ленту чешуекъ, у «шеркис-бюс» пуговицы нашиваются на широкую золотую или серебряную ленту съ промежутками. Бѣдняки постоянно, а состоятельные въ рабочіе дни надѣваютъ «кенчир бюс» изъ нанки или другой матеріи, а не то и просто кожаный.

При поясѣ мужчины носятъ на лѣвомъ боку ножикъ («утуга») въ серебряныхъ ножнахъ или кожаныхъ, а сзади, тоже у пояса, огниво («кетé), которое тоже оправляется въ серебро (фиг. 32).

«Кетè» имѣетъ форму металлическаго или кожанаго ящика или портсигара; къ верхней части его прикрѣплены кожаныя пуговицы и петля, которыми захватывается за поясъ, а на нижней находится кусокъ стали; внутри «кетè» хранятся огниво и трутъ. Около пояса-же привѣшиваются нѣкоторыя принадлежности охоты: а) пороховница («шакшик»), сдѣланная изъ конца воловьяго рога; запирается такая пороховница слѣдующимъ образомъ: въ узкомъ отверстіи рога, съ вогнутой стороны, прорѣзывается неглубокій желобокъ и въ него вкладывается выгнутая нѣсколько костяная пластинка и прикрѣпляется съ одного конца такъ, что другой, свободный, проходя черезъ отверстіе, плотно его закрываетъ; но если прижимать пластинку на выгнутомъ мѣстѣ, конецъ ея немного приподымается и порохъ сыплется; б) мѣрка для пороха («эльшик») изъ кости въ видѣ цилиндрическаго стакана съ на-

рѣзными узорами; в) наконецъ—дробовница («хаптăгà»)—кожаный мѣшечекъ.

На пальцахъ мужчины носятъ кольца—«бильцык», именно на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки; въ лѣвомъ ухѣ серебряную, золотую или жемчужную серьгу—«сйкѐ» (фиг. 33.), форма которой—круглая металлическая пластинка съ металлической же привѣской, и все это на сравнительно большой выгнутой треугольной проволокѣ. Ношеніе серегъ, видимо, выходитъ изъ употребленія. Какъ украшеніе своего рода мужчины носятъ еще на боку съ лѣвой стороны въ особой петлѣ платокъ («альчур») изъ полотна или матеріи разныхъ цвѣтовъ.

Кромѣ того, у каждаго мужчины есть трубка («кганзà») и кисетъ («тўнгорцык»), которые держатся въ карманѣ или (трубка) за голенищемъ сапога; трубка составляетъ неотъемлемую принадлежность и женскихъ вещей.

Украшеніемъ для женщинъ служатъ:

1) серьги («сйкѐ»). Форма женскихъ серегъ довольно однообразна и разница лишь въ величинѣ и цѣнности металла, камней и украшеній (фиг. 34 а, б.); именно къ одному концу, изъ изогнутой въ видѣ треугольника проволоки — ушка («сйкен эмйн») припаянъ большой металлическій кружокъ («сйкенъ хаптăхà» — карманъ серьга) и къ послѣднему посредствомъ двухъ колецъ привѣшена еще сердцевидная пластинка съ припаянными на концѣ кружочками («сйкен дусал»). На большомъ кружкѣ вдѣлываются въ металлическую оправу цвѣтные камни или стекла («сикен нюдўт» — глаза серьги). Камней здѣсь бываетъ или 9 или 5; въ послѣднемъ случаѣ недостающіе камни замѣняются металлическими украшеніями. По краямъ и кружки, и сердцевидная пластинка обводятся вдвое сплетенной тонкой металлической проволокой, которая здѣсь называется «ходжи» (косы), и если эти «ходжи» накладываются въ два ряда, то «ходжи» потолще, крайнія, называются «ик-ходжи» (большія косы), а второй рядъ «бичкин ходжи» (маленькія косы). Замужнія женщины носятъ серьги въ обоихъ ушахъ, дѣвушки же только въ правомъ ухѣ.

2) Кольца («бильцык») женщины носятъ на всѣхъ пальцахъ правой руки, дѣвушки—на мизинцахъ обѣихъ рукъ.

3) Замужнія женщины на концѣ своихъ двухъ косъ, спрятанныхъ въ чехолъ («шибирлик») носятъ или сдѣланныя изъ своихъ волосъ, или же (состоятельныя) изъ серебра особыя украшенія, которыя называются «токóк» — это металлическіе вершка въ два длины, книзу суживающіеся конусы; въ верхнемъ, толстомъ концѣ, они бываютъ толщиною въ женскій палецъ, на нижнемъ, тонкомъ концѣ припаивается закрытая коробочка въ видѣ сердца (фиг. 35 а, б.) или въ видѣ трехъ отдѣльныхъ круглыхъ коробочекъ (фиг. 35 в, г.).

Два платка замужняя женщина носитъ по обѣимъ сторонамъ верхней одежды, и притомъ такъ, что однимъ угломъ платокъ привязывается къ петлямъ, а три угла видны; дѣвушка же имѣетъ только одинъ платокъ на лѣвой сторонѣ, за поясомъ. Дѣвушки носятъ еще пояса: праздничные изъ цвѣтной шелковой матеріи—«торóгóн бюс», а въ будни—«кенчир бюс»—изъ нанки, ситцу и т. п.

Къ числу женскихъ украшеній нужно еще отнести упомянутый выше «шибирлик»—это два длинные черные чехла, въ которые замужнія женщины вкладываютъ свои косы. «Шибирлик» дѣлается изъ плиса, бархата или атласа. Косы женщины въ «шибирлик'ахъ» всегда спускаются по груди къ поясу *).

Калмыцкія дѣти въ первое время не нуждаются въ одеждѣ ни лѣтомъ, ни зимой. Лѣтомъ они бѣгаютъ совершенно нагія, а зимою сидятъ въ кибиткахъ, зарываясь въ кожи или согрѣваясь около очага. Только лѣтъ съ 6-ти дѣвочки, а мальчики лѣтъ съ 8—9-ти начинаютъ носить платье. Сначала они носятъ только «килик» и «шалбур» и лишь позже, когда они дѣлаются рабочими подростками, имъ приготовляютъ и другія одежды, смотря по полу. Полный костюмъ, т. е. шапку и поясъ, мальчики начинаютъ носить обязательно, когда приближается періодъ женитьбы; дѣвушка-же получаетъ весь дѣвичій костюмъ уже съ 14 лѣтъ. Конечно, такая постепенность въ костюмѣ имѣетъ мѣсто лишь у людей небогатыхъ; въ состоятельныхъ же семействахъ, особенно же у зайсанговъ дѣти, какъ только начинаютъ бѣгать, одѣваются въ полный костюмъ взрослыхъ людей. Дѣти калмыковъ обоего пола не носятъ также и украшеній взрослыхъ людей, но есть спеціально дѣтскія украшенія, которыя скорѣе, впрочемъ, имѣютъ значеніе талисмановъ или амулетовъ, чѣмъ украшеній. Дѣтскіе амулеты бываютъ двухъ видовъ: или монеты серебряныя, а иногда и мѣдныя, или же мелкія морскія раковины («моган-толгà» — змѣиныя головки). И тѣ и другія вплетаются въ волосы главнымъ образомъ спереди, а потомъ и съ боковъ, и число ихъ различно: можно встрѣтить ребенка съ одной привѣской, двумя, тремя и гораздо болѣе. Начинаютъ навязывать монеты и раковины на головки дѣтей довольно рано, скоро послѣ рожденія, какъ только подростутъ волоса, а снимаютъ въ томъ возрастѣ, когда дѣти наряжаются въ общій костюмъ взрослыхъ. Съ этого же времени и самая прическа мѣняется.

Дѣти калмыковъ носятъ два вида прически: у дѣтей, посвященныхъ хурулу («манжик'овъ»—только мальчиковъ) брѣютъ совершенно головы, по образу ламаитскаго духовенства, а у остальныхъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, волосы отращиваются или на всей головѣ (у богатыхъ зайсанговъ), или только на темени, больше или меньше, смотря по привязанности семьи къ національнымъ

*) Довольно подробное представленіе о костюмахъ мужчины и женщины астраханскихъ калмыковъ даютъ прилагаемые рисунки съ фотографій (фиг. 36, 37, 38 и 39).

обычаямъ, выстригая гладко вездѣ, причемъ амулеты привѣшиваются къ теменнымъ волосамъ. По мѣрѣ отростанія, волосы нѣсколько подрѣзываются, исключая тѣхъ локоновъ, къ которымъ подвѣшены монеты или раковины: эти ростутъ свободно и висятъ по бокамъ дѣтской головки. Съ 12—13 лѣтъ дѣвочки снимаютъ подвѣски и начинаютъ носить волосы, подрѣзанные до плечъ, а лишь наступаетъ періодъ половой зрѣлости (обыкновенно съ 14 лѣтъ), волосы дѣвушки, если только позволяетъ ихъ длина, заплетаются сзади въ одну косу, при чемъ, впрочемъ, собираются въ косу только волосы со лба, темени и отчасти съ затылка, а височные волосы лежатъ незаплетенные по обоимъ бокамъ головы; коса дѣвушки всегда плетется высоко, такъ что она спускается почти съ половины головы. Когда дѣвушка выходитъ замужъ, то волосы ея раздѣляются на двѣ косы и прячутся въ «шиберлик'и», которые спускаются по груди къ поясу; какъ бы ни были коротки волосы, но «шиберлик» всегда доходитъ до пояса и здѣсь къ нему подвѣшиваютъ «токо́к».

Что же касается прически мужчинъ, то она имѣетъ нѣсколько видовъ. Внутри степи пожилые люди заплетаютъ волосы на головѣ въ одну косу, двумя способами: одни сбриваютъ волосы на головѣ, оставляя лишь на темени, и оставшіеся на темени волосы собираютъ въ косу (съ подобной косой, напоминающей прическу китайцевъ, мнѣ пришлось видѣть калмыковъ въ Малодербетевскомъ улусѣ въ Дунду-хурулѣ); другіе же подбриваютъ волосы лишь незначительно, или совершенно не брѣютъ, а всѣ волосы собираютъ въ косу, причемъ короткіе волосы нерѣдко остаются незаплетенными (прическу подобнаго рода мнѣ пришлось встрѣтить въ Икицохуровскомъ и особенно много въ Харахусовскомъ улусѣ). Внѣ степи всего одинъ разъ пришлось видѣть косу у мужчины въ Мочагахъ, между харахусовскими калмыками. Но обычай заплетанія косъ мужчинами видимо вымираетъ, и большинство пожилыхъ людей даже въ степи носятъ волосы на головѣ не заплетенными, но выбритыми болѣе или менѣе кругомъ, кромѣ темени. Мужчины не старые, и особенно зайсанги, носятъ волосы длинные, подрѣзанные въ кружокъ, какъ ихъ носятъ донскіе и астраханскіе казаки; видимо, что прическа заимствована калмыками отъ этихъ послѣднихъ. Но нойоны и зайсанги, а иногда и простолюдины, чаще соприкасающіеся съ городскою жизнью, и особенно побывавшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, измѣнили уже и такому обычаю убиранія головы: они стригутъ волосы, хотя и не очень низко. (Лицъ съ такою прическою мнѣ не пришлось видѣть въ Торгоутовскихъ улусахъ, но въ Мало-Дербетахъ и Хошоутахъ вся знать придерживается такой прически). Интересно и то явленіе, что лица съ прической послѣдняго вида носятъ уже и обыкновенныя европейскія фуражки и почти не украшаютъ себя серьгами.

Обувь (сёэкé) у калмыковъ исключительно кожаная—изъ сафьяна и ремня. Мужчины и женщины носятъ башмаки («башмы́к») только дома, а обыкновенною обувью обоихъ половъ служатъ сапоги («госу́н»). Національные калмыцкіе сапоги дѣлаются изъ сафьяна, при этомъ у мужчинъ они бываютъ чернаго цвѣта, а у женщинъ краснаго. Главная особенность калмыцкаго сапога состоитъ въ пришиваніи подошвы: каблукъ пашивается не на подошву, а напротивъ, толстая подошва изгибается у каблука и пашивается сверху на каблукъ.

Лѣтомъ калмыки носятъ чулки («шигі́м»), родъ шерстяныхъ носковъ, а на зиму чулки дѣлаются изъ кошмы («ишйкгѐ ӧмсен»); вмѣсто чулокъ иногда, особенно по Волгѣ, носятъ холщевыя онучи («цугло́»).

Въ поволжскихъ мѣстахъ обувь у мужчинъ большею частію русская, а въ другихъ мѣстахъ состоятельные люди придерживаются татарской обуви: такъ въ Эркстеневскомъ улусѣ богатые калмыки нерѣдко носятъ сапоги съ расшитыми задниками и обуваются постоянно въ татарскія же калоши. Впрочемъ, по словамъ самихъ калмыковъ, и употребленіе башмаковъ, особенно среди духовенства, есть вліяніе татаръ.

Къ бытовой обстановкѣ относятся еще *пища*, *) *освѣщеніе* и *топливо*.

Суррогатами пищи у калмыковъ служатъ: мука, кирпичный чай, молоко и мясо, причемъ калмыки готовятъ 1) изъ *муки*: «будан», «булмук», «кгуюр», «борцок» и его видоизмѣненія: «борцок целбек» и «хамбатъ борцокъ»; 2) изъ *кирпичнаго чаю*—«цй́»; 3) изъ *молока*: «тосун», «бозо», «э̂дамык», «э̂дамык-усун», «шюрмюк», «хурсун», «хоэрмык», «аръян», «чигэн», «чюркэ», «эзге», «арька» и 4) изъ *мяса*: «шулюм», «шикисын махан», «кёшёкелыксын махан», «болхойрюк», «борцо», «чикисын махан», «берык», «хурсын махан»,

1. *Мучныя кушанья*:

а) «Будан» — мучная болтушка, родъ запорожской «саламахи». Въ котелъ съ водою, кипящей на таганѣ, засыпаютъ пшеничной или ржаной муки, помѣшивая при этомъ «шань'гой» (уполовникомъ), пока не получится требуемая густота; затѣмъ туда же льютъ молоко, если оно есть, бросаютъ соли, а иногда кладутъ и немного масла. Ѣдятъ «будан» изъ чашекъ («ага»). Молоко иногда замѣняется «шурмык'омъ» (см. ниже).—б) «Булмук»—это кушанье представляетъ только видоизмѣненіе будана. Въ котлѣ съ водою кипятятъ чашки $1^1/_2$ — 2 масла или сала, бросаютъ въ него чашки четыре муки и немного соли, мѣшаютъ, кипятятъ снова и ѣдятъ горячимъ. в) «Кгуюр»—родъ прѣсныхъ лепешекъ. Дѣлаютъ въ большой чашкѣ («табык») прѣсное ржаное тѣсто (по окраинамъ тѣсто готовится изъ пшеничной размольной, т. е. съ высѣвками, муки), придаютъ тѣсту круглую сплюснутую форму и кладутъ на сковородку, сверху покрываютъ другой, и

*) См. вышеназв. соч., стр. 187—214.

все это зарывается въ жаръ очага. За неимѣніемъ сковородки, какъ это бываетъ въ большинствѣ семей калмыковъ, «кгуюр» пекутъ прямо въ золѣ. г) «Борцок», «борцок-целбек», «хамбат-борцок». Тѣсто для него размѣшивается съ бараньимъ саломъ или масломъ и печется въ салѣ на сковородкѣ или въ котлѣ. Разница названій скорѣе относится къ формѣ: для «борцок» тѣсто зажаривается отдѣльными кусочками; «борцок-целбек»—въ формѣ блина; для «хамбат-борцок» въ тѣсто прибавляется прѣсное молоко, и это тѣсто скорѣе варится въ салѣ бараньемъ, чѣмъ жарится.

2. *Кушанье изъ кирпичнаго чая*—«цй». Приготовленіе «цй» заключается въ слѣдующемъ: котелъ («цяигин хайсын»), налитый водою, ставится на таганъ, подъ которымъ разведенъ предварительно огонь, и, пока вода въ котлѣ согрѣвается, наскабливаютъ ножемъ изъ плитки или кирпича нужное количество (смотря по числу душъ) чаю и бросаютъ его въ кипящую воду, причемъ кладется щепоть чаю на пять—шесть калмыцкихъ чашекъ (ага) воды; затѣмъ котелъ закрывается деревянною крышкою. Чай варится минутъ 20—30 не болѣе. Во вскипѣвшій чай вливаютъ молоко (на шесть чашекъ воды—чашку молока) и кладутъ соли по вкусу. Сваренный чай, снявши съ тагана, мѣшаютъ шангой и цѣдятъ черезъ «шюр» (мѣшечекъ изъ рѣдко сотканнаго холста) или, какъ говорятъ калмыки, «снимаютъ шаръ», тщательно выжимая съ помощью «шахлур» (родъ деревянныхъ тисковъ). Въ процѣженный уже чай прибавляютъ немного масла. Иногда въ богатыхъ семьяхъ, особенно въ парадныхъ случаяхъ, въ чай кладутъ еще и пряности: лавровый листъ, мускатный орѣхъ и гвоздику. Чай изъ котла шангой разливается въ чашки («ага»), изъ которыхъ и пьютъ его. Состоятельные люди, у которыхъ кухня помѣщается въ отдѣльной кибиткѣ, предварительно переливаютъ изъ котла чай въ «домбо». Вываренные разъ остатки чая («шар») не выбрасываются, а сушатся и хранятся: ихъ прибавляютъ при слѣдующемъ вареньи къ свѣжему чаю, какъ изъ экономіи, такъ и потому, что кушанье получаетъ болѣе мягкій вкусъ, а вываренный уже нѣсколько разъ чай идетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи на кормъ скота. Калмыки пьютъ чай обыкновенно безо всего, но иногда, чаще зимою, пьютъ чай съ сушками («тогош»), съ калмыцкимъ сыромъ («ёзге») или съ калмыцкимъ печеньемъ.

3. *Молочныя кушанья и напитки:*

а) «Тосун» (масло). Прѣсное молоко, слитое въ «архат», бьютъ долго «билюр'омъ», по времени слегка встряхивая, или помѣшивая его. Черезъ нѣсколько часовъ такой работы получается довольно жидкое масло; помѣшиваніемъ «билюр'омъ» его собираютъ въ комки, которые и извлекаютъ изъ молока шангой. Послѣ того, какъ сыворотка достаточно стечетъ, масло слегка просаливаютъ, складываютъ въ сдѣланные изъ желудка («кгизен») мѣшечки («тосна саба»—посуда для масла), плотно заматываютъ въ куски старыхъ войлоковъ и въ такомъ видѣ сохраняютъ и въ жаръ, и въ холодъ. Но если нужно получить масла немного и скоро, для чаю напр., то черпаютъ въ чашку съ устоявшагося молока сливокъ или съ окисшаго молока («аръян») сметану и бьютъ въ чашкѣ пальцами до тѣхъ поръ, пока не получится жидкое масло. — б) «Бозо», «эдамык», «эдамык усун», «шурмюк», «хурсун» и «хоэрмек»,—все это продукты перегона въ водку (арьку) окисшаго молока (см. ниже). «Бозо»—это гуща послѣ куренья арьки. Ее вычерпываютъ шангой въ холщевый мѣшокъ, даютъ стечь жидкости («эдамык усун»—сыворотки) и изъ густого «бозо» или «эдамык» дѣлаютъ «шурмюк»: для этого берутъ «бозо» въ руку, продавливаютъ черезъ пальцы на кошму, гдѣ куски «шурмюк'а» разной формы высушиваются. Готовый «шурмюк» сохраняется въ мѣшкахъ изъ кошмы. Иногда «бозо» придаютъ форму квадратиковъ, и тогда его называютъ «хурсун», который сохраняется нанизаннымъ на шерсть, какъ крендели. «Шурмюк» и «хурсун» могутъ сохраняться цѣлые годы. По виду и тотъ и другой грязновато-сѣраго цвѣта, имѣютъ пріятный кисловатый вкусъ, хорошо развариваются въ водѣ и прибавляются зимою въ «будан». «Бозо», помимо приготовленія изъ него консервовъ на зиму, ѣдятъ и въ натуральномъ видѣ, смѣшивая съ прѣснымъ молокомъ. Это блюдо называется «хоэрмык» и служитъ главнымъ образомъ пищею дѣтей.—в) «Аръян»—это окисшее молоко. Калмыки весь удой сливаютъ въ «архат», гдѣ молоко окисаетъ. Часть «аръян'а» выпивается калмыками въ натуральномъ видѣ въ теченіе дня; главная масса превращается въ «арьк'у» и «бозо»—его производное, наконецъ часть съѣдается въ видѣ кушанья «кёэрцыкг». Чтобы его приготовить, на «аръян» просто поливаютъ или даже надаиваютъ парного молока, отчего образуется творогъ въ видѣ мелкихъ шариковъ или кашица, которую и ѣдятъ, когда она остынетъ.—г) «Чигэн» (кумысъ)—лучшій напитокъ въ степи, хотя и далеко не всѣмъ доступный. Когда подоенное молоко остынетъ, его сливаютъ въ «архат», въ которомъ на днѣ предварительно оставлена закваска («керенгё») отъ стараго кумыса, и начинаютъ бить, какъ и при выдѣлкѣ масла, «билюр'омъ». Чтобы хорошо приготовить кумысъ, нужно бить его безпрерывно въ теченіе сутокъ, причемъ дѣлается, по мнѣнію калмыковъ, до 40.000 ударовъ; но хозяйственные хлопоты и чрезмѣрность труда не позволяютъ калмыкамъ достигать совершенства въ приготовленіи кумыса, и потому обыкновенно у калмыковъ бьютъ молоко, въ теченіе часа—утромъ, среди дня и вечеромъ, причемъ, конечно, дѣлается ударовъ менѣе 10.000, но не менѣе 3.000. Въ калмыцкой степи кумысъ бываетъ съ мая и по сентябрь, и для его приготовленія отдѣляютъ особые косяки кобылицъ.

Понятно, что этотъ напитокъ доступенъ лишь богатымъ семьямъ. Въ первый день послѣ приготовленія кумысъ называютъ просто «чигэн», во 2-й день—«кгунун чигэн», въ 3-й «денын чигэн»—самый крѣпкій. Калмыки обыкновенно пьютъ «чигэн» и готовятъ ежедневно новый запасъ.—д) «Чюрке»—это родъ молочнаго кваса. Его готовятъ изъ «шурмюк'а или «хорсун'а», разваривая ихъ въ водѣ. «Чюрке» пьютъ лишь за неимѣніемъ «чигэн'а» и «аръян'а». — е) «Эзге»—родъ овечьяго сыра *). ж) «Арька» или «тепленькое» — водка изъ молока. Для варенья «арьки» берутся два котла («арькин хайсын»). Въ большой котелъ наливается «аръян» (арык); котелъ закрывается крышкой, которая обмазывается глиной пополамъ съ коровьимъ каломъ, и этотъ котелъ ставится на таганъ. Вдвое меньшій котелъ, также съ замазанной глиною крышкой, ставится въ корыто («арькин онгоцо») съ водою или же просто въ выкопанную ямку, вымазанную глиною и налитую водой. Въ большія дыры котловъ вставляютъ «цорго» и примазываютъ глиной. Маленькую дырочку на большомъ таганѣ закрываютъ сдѣланнымъ изъ глины «чомбат» (фиг. 16. VI) и разводятъ подъ большимъ котломъ сильный огонь. Черезъ маленькое отверстіе меньшаго котла посредствомъ «амсур» пробуютъ, готова ли арька. Пары изъ большаго котла черезъ «цорго» проходятъ въ малый, гдѣ и осаждаются въ жидкость. Весною арьку варятъ въ теченіе 2 — 3 часовъ, а лѣтомъ, въ жаркое время 1—1½ часа. Чтобы можно было варить арьку, нужно не менѣе 2 ведеръ «арыка» («аръян'а»), и арьки отъ 2 ведеръ получается около 3 полуштофовъ. Лучшая арька получается изъ кобыльяго молока, когда ее уже гонятъ изъ кумыса. Арька пьется теплой, непосредственно послѣ варенія, и тогда она бываетъ матоваго цвѣта и очень напоминаетъ по вкусу разбавленный спиртъ въ теплой водѣ. Крѣпость арьки не доходитъ до 16 — 18°. Чтобы ее очистить и прибавить крѣпости, перегоняютъ ее во второй разъ, причемъ получается уже «арза». Холодная арька мутна и имѣетъ непріятный запахъ. Изрѣдка арьку троятъ, и тогда получается спиртъ «хорза», но послѣдній не пьютъ, а употребляютъ лишь какъ лѣкарство, считая «хорзо» ядомъ. Когда арьку сварятъ, въ большомъ котлѣ остается молочная гуща «бозо». Арьку варятъ лѣтомъ, главнымъ образомъ изъ молока коровьяго, но иногда и изъ овечьяго, верблюжьяго и кобыльяго, однако почти всегда въ смѣси съ коровьимъ. **)

4. *Мясныя кушанья:*

а) «Шулюм»—бульонъ мясной. Въ налитый водою котелъ кладутъ разсѣченное на куски мясо, («махан»), прибавляютъ немного соли и кипятятъ. Сваренное мясо вынимаютъ изъ бульона и раскладываютъ въ большія чашки («табык») и ѣдятъ сначала мясо, а потомъ пьютъ бульонъ («шулюм») маленькими чашками («ага»), какъ и чай.—б) «Шикисын махан»—сваренное обыкновеннымъ порядкомъ мясо разрѣзывается на мелкіе кусочки, поливается бульономъ и въ такомъ видѣ употребляется. Иногда тоже мясо еще слегка поджаривается.—в) «Кешекилыксын махан» — тоже самое, но только мясо не крошится, а разрывается руками на кусочки.—г) «Болхойрюк» — это самое лакомое и заманчивое мясное кушанье у калмыковъ, и его приготовляютъ такъ: послѣ того, какъ арька уже получена, въ большой котелъ съ горячимъ «бозо» кладутъ молодого барашка, или другое случившееся мясо, и, закрывъ опять котелъ наглухо, варятъ мясо, такъ что послѣднее пропитывается «бозо»; но понятно, что это блюдо—предметъ роскоши для калмыковъ.—д) «Борцо»—сушеное мясо. Лѣтомъ, когда мясо долго сохраняться не можетъ, его засушиваютъ. Съ этой цѣлью сырое мясо предварительно разрѣзываютъ на тонкія ленты, просаливаютъ и сушатъ. Совершенно высохшее мясо, если оно будетъ убережено отъ сырости—прекрасно на вкусъ и долго сохраняется. Калмыки «борцо» сберегаютъ въ толстыхъ мѣшкахъ изъ верблюжьей шерсти.—е) «Чикисын махан»—колбасы изъ говядины, бараньяго и конскаго мяса. ж) «Берык»—вареники съ мясомъ и 3) «хурын махан» жаркое. Эти кушанья рѣдки въ степи, и мнѣ приходилось только слышать о нихъ.

Въ приморскихъ и приволжскихъ мѣстахъ, гдѣ скотоводческое хозяйство въ упадкѣ, и гдѣ калмыки изъ рода въ родъ уже болѣе столѣтія не занимаются скотоводствомъ, мясо замѣнено рыбой, о которой степнякъ-калмыкъ и понятія не имѣетъ. Любимыя рыбы калмыковъ—лещъ, сазанъ и вообще жирныя породы рыбъ.

Вотъ собственно и всѣ калмыцкія кушанья и напитки. Въ послѣднее время у богатыхъ зайсанговъ, особенно у живущихъ на окраинахъ, между блюдами можно встрѣтить обыкновенный супъ, котлеты, жаркое, но ихъ готовятъ лишь для пріѣзжихъ русскихъ.

Болѣе привились между калмыками русскіе напитки: мадера, портвейнъ, хересъ—у полу-цивилизованныхъ богачей, и русская водка—у всѣхъ калмыковъ.

По словамъ стариковъ, лѣтъ сто тому назадъ, астраханскіе калмыки совсѣмъ не ѣли мяса, а питались исключительно молокомъ, масломъ, рѣже мукой. Въ то время лакомились «махан'омъ» лишь тогда, когда скотъ падалъ (ѣли падаль), или когда нужно было при болѣзни пустить кровь животному, то собирали кровь въ сосуды, мѣшали съ молокомъ, масломъ и ѣли. Но теперешніе калмыки не могутъ жить уже безъ «махан'а»; состоятельные люди, особенно зимою, ѣдятъ—мясо два раза въ день, а семьи средней руки и духовенство—разъ, вечеромъ. Не брезгуютъ употреблять въ пищу и мясо падали, не успѣвшей еще разложиться, если животное пало

*) Названіе мнѣ приходилось слышать въ калмыцкой степи, но ни ѣсть, ни видѣть приготовленіе его не случалось.

**) См. мое сообщ. въ „Проток. Петровск. Общ. изсл. Астрах. края". 1888. („Арька" и пр.).

не отъ заразительной болѣзни. (При мнѣ въ Яндыковскомъ улусѣ, при Багутовомъ хурулѣ палъ верблюдъ отъ укушенія тарантула,—мясо его было немедленно же съѣдено). Ѣдятъ также калмыки и дикихъ животныхъ и птицъ, за немногими исключеніями, въ число которыхъ не входятъ, напримѣръ, суслики.

Весь годъ, по преобладанію того или другого вида пищи, можно раздѣлить на три сезона: весенне-лѣтній, когда, благодаря обилію кормовъ, въ семьяхъ калмыцкихъ обиліе молока, и тогда преобладаетъ молочная пища и исчезаютъ почти совершенно мучные суррогаты; второй—съ конца лѣта и до осени: недостатокъ молока замѣняется мясомъ, такъ какъ въ это время молодыя животныя уже выросли, происходитъ упорядочиваніе стадъ, и на пищу идетъ болѣе скота, чѣмъ въ другое время года. Наконецъ третій періодъ—зимній, въ который преобладаютъ въ пищѣ мучные продукты.

Что касается распредѣленія пищи въ теченіе дня, то обыкновенно наблюдается такой порядокъ: когда встаютъ, то готовятъ сейчасъ чай и пьютъ это «ѐрюнй цй». Часа черезъ 4—5 бываетъ второй чай—«хоёне». Послѣ этого часа черезъ 2—3 бываетъ «юдéн хотó» (полуденное кушанье) у зажиточныхъ «махан», а у бѣдныхъ опять чай. Передъ вечеромъ у зажиточныхъ слѣдуетъ третій чай. Наконецъ вечеромъ, когда стемнѣетъ, «асăхани хотó»: у состоятельныхъ людей—«махан», а у бѣдняковъ—старики пьютъ «цй», а прочіе члены семьи ѣдятъ «хёрмюк» или «будан». Въ промежуткахъ между отмѣченными пріемами пищи богатые пьютъ кумысъ, главное питье котораго, впрочемъ, всегда бываетъ между первымъ и вторымъ чаемъ, а бѣдняки, если въ состояніи, замѣняютъ кумысъ арьяномъ. Питье арьки происходитъ главнымъ образомъ передъ вечеромъ, непосредственно послѣ приготовленія ея.

Освѣщеніе въ глубинѣ степи состоитъ въ слѣдующемъ: на сковороду или на спеціально приготовленный желѣзный сосудъ «шумỳр» *) накладываютъ сала («шамь») и въ центрѣ его, какъ свѣтильню или фитиль—кусочекъ кизяка («аргасун»), а не то и просто насыпаютъ золы, смѣшавъ её съ масломъ или предварительно пропитавъ саломъ. «Шумỳр» помѣщаютъ во время горѣнія иногда на «тапцé» или же на таганѣ. Иногда же въ сало кладутъ тряпицы. У черневыхъ калмыковъ, вблизи промысловъ, сало иногда замѣняется рыбьимъ жиромъ.

Но въ послѣднее время и у калмыковъ начинаетъ входить въ употребленіе керосинъ («лампин тосон»—ламповое масло). Вездѣ по Волгѣ, въ «черняхъ» и вблизи поселеній въ кибиткахъ калмыковъ встрѣчаются лампы. У богатыхъ зайсанговъ можно встрѣтить и свѣчи.

Передъ бурханами въ жилыхъ кибиткахъ и въ хурульныхъ горитъ «зулà»: въ мѣдную чашечку налито коровье масло, рѣже деревянное, и среди него во дно воткнута деревянная спичка, обернутая въ хлопокъ («зулин кгóл» — фитиль). Кромѣ того, въ хурулахъ, а въ торжественно-религіозные моменты и въ жилыхъ кибиткахъ, передъ бурханами зажигается «кюджи» —родъ курительной свѣчки, приготовляемой изъ разнообразныхъ пахучихъ веществъ, между которыми преобладаетъ можжевельникъ.

Преобладающій матерьялъ для *отопленія* у калмыковъ составляетъ «аргасун» — пометъ рогатаго скота. «Аргасун» приготовляютъ калмыки на топливо въ двухъ видахъ: лѣтомъ женщины ходятъ по степи около кибитокъ и собираютъ естественно высохшій кизякъ въ кожаные мѣшки, и такимъ кизякомъ довольствуются. Для зимы же собираютъ сырой еще кизякъ, разжижаютъ водой, выдѣлываютъ изъ такого тѣста круглыя пластинки, складываютъ въ кучи, и когда кизякъ высохнетъ, обмазываютъ снаружи всю кучу каломъ съ глиной, чтобы защитить его отъ сырости. Кромѣ этого, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ овцы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ по долгу, преимущественно ближе къ «чернямъ», вырѣзываютъ кизякъ въ видѣ четыреугольныхъ пластинокъ — это «аргасун-кйтцын». Степняки рѣдко пользуются послѣднимъ топливомъ, такъ какъ скотъ, довольствуясь цѣлую зиму подножнымъ кормомъ, не застаивается на однихъ мѣстахъ по долгу; въ случаѣ недостатка «аргасуна» на топливо идетъ бурьянъ («шаральджинъ») и степная колючка («хамхул»). Въ «черняхъ», гдѣ скотоводство манѣе развито, топливомъ служитъ еще камышъ («хулсун») и въ рѣдкихъ мѣстахъ—дрова («модон»).

*) Это четыреугольное желѣзное блюдечко на заостренкомъ шестѣ, который втыкается въ землю.

Библиотека Тобольского Гос. Музея Инв. № 59819 12003

Глава II-я

ОБЫЧНО-ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ КАЛМЫКОВЪ.

1. Жизнь семьи или отдѣльной кибитки: Назначеніе отдѣльныхъ частей или пространствъ въ кибиткѣ. Бракъ и свадебные обряды. Родины, нареченіе именъ и заботы о дѣтяхъ. Лѣченіе болѣзней. Похороны. Пирушки, танцы, музыкальные инструменты. Арьковареніе. Гостепріимство.

Въ обрядово-бытовой жизни астраханскихъ калмыковъ основною или первичною ячейкой является отдѣльная кибитка, какъ обиталище единичной семьи, съ проживаніемъ которой связывается главная масса обычаевъ и обрядовъ.

Каждая калмыцкая кибитка, кромѣ кибитокъ духовенства и кибитокъ, назначенныхъ для спеціальныхъ цѣлей, напр. для пріѣзжихъ, для кухни и т. п. — предназначается для обитанія отдѣльной семьи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. половой пары и ея непосредственнаго несовершеннолѣтняго поколѣнія. Сообразно съ такимъ назначеніемъ кибитки происходитъ и распредѣленіе ея на части. Противъ дверей, между изголовьемъ кровати и «барун-баран'-омъ» — уголъ называется «бурхани-ёрьгѐ», — онъ предназначается для бурхановъ кибитки. Ежедневно и при каждомъ употребленіи пищи первый кусокъ и первая чашка пищи въ «дэ̂джин цокцо» помѣщается въ «бурхани-ёрьгѐ», т. е. предлагается бурханамъ, и эта пища послѣ окончанія трапезы съѣдается дѣтьми. Видимо, что «бурхани-ёрьгѐ» предоставляется въ распоряженіе кибиточныхъ пенатовъ, или покровителей. Изъ постороннихъ въ священномъ углу дозволяется сидѣть лицамъ изъ духовенства, какъ во время совершенія религіозныхъ обрядностей, такъ и въ случаяхъ обыкновеннаго посѣщенія ими кибитки, изъ обитателей же кибитки здѣсь помѣщается на ночь взрослая (до замужества) дочь. Направо *) отъ «бурхани-ёрьгѐ» находится кровать, которая съ прилегающею къ ней частью кибитки до очага—представляетъ отдѣленіе хозяевъ кибитки: здѣсь семейное ложе, и здѣсь же въ обыкновенное время сидятъ хозяева (мужъ у изголовья, жена у ногъ) и ихъ малолѣтнія дѣти, и здѣсь же помѣщаются мужъ и жена при пріемѣ гостей. На семейной постели могутъ спать только супруги и ихъ малолѣтнія дѣти приблизительно до 8 лѣтъ; они же могутъ и сидѣть на ней, хотя изъ приличія при постороннихъ ни мужъ, ни жена не садятся на постели, а впереди нея. Изъ родственниковъ семьи никто изъ старшихъ, даже отецъ, дѣдъ, братъ, не могутъ не только спать, но даже и садиться на постель, младшимъ же дозволяется только сидѣть; изъ постороннихъ пользоваться семейною постелью могутъ одни духовныя лица. Налѣво отъ «бурхани-ёрьгѐ» до дверей—мужская половина, или правая (барун-бийе), гдѣ спятъ дѣти, помѣщаются всѣ постороннія семьѣ лица мужскаго пола при посѣщеніи ими кибитки; направо отъ кровати и до порога — женская половина, или лѣвая (зюн-бийе) сторона. Въ серединѣ кибитки помѣщается очагъ, который есть центръ кибиточный и символъ семейной жизни: вотъ почему его нѣтъ ни въ кибиткѣ духовнаго лица, ни въ кибиткѣ для гостей. Очагъ служитъ не только для изготовленія пищи и согрѣванія обитателей кибитки въ холодъ, но онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и жертвенникъ семьи: въ огонь очага льютъ передъ началомъ питья арьку, чай, бросаютъ куски жира, льютъ масло, но никогда воду. Литье воды, какъ начала уничтожающаго огонь, считается грѣхомъ, приносящимъ несчастье кибиткѣ. Вотъ почему калмыки, которые при куреніи отплевываются во всѣ стороны, никогда не позволятъ себѣ плюнуть въ огонь очага. «Я двухъ сотъ рублей не возьму, говорилъ мнѣ одинъ калмыкъ, за то, чтобы плеснуть воды въ огонь». Огонь въ очагѣ зажигается, какъ только поселилась въ кибиткѣ семейная пара; при перекочевкѣ на новое мѣсто и послѣ устройства кибитки жизнь начинается внесеньемъ въ кибитку огня, и въ очагѣ калмыки никогда не тушатъ огня, пока онъ самъ не потухнетъ.

Дверь кибитки должна быть обращена на востокъ, гдѣ обитаетъ Далай-лама, находятся всѣ святости, и откуда явится Майдри, но теперь «закона дер-

*) Сюда также относится примѣчаніе первой главы, что стороны опредѣляются наблюдателемъ, находящимся у дверей кибитки, тогда какъ сами калмыки обозначаютъ положеніе предметовъ кибитки—отъ кровати, оборотившись лицомъ къ дверямъ, и потому то, что у наблюдателя направо, у калмыковъ обязательно слѣва „зюн“, т. е. налѣво и обратно.

жится» только духовенство, и то не вездѣ; калмыки же сдѣлали уступку климатическимъ требованіямъ, и ставятъ кибитку дверью къ югу. На порогѣ двери не только нельзя садиться, но «не хорошо» даже, переступая черезъ него, его касаться. Кошма надъ дверью («ишиге ўден») въ семейную кибитку приносится женой и навѣшивается передъ входомъ послѣдней въ первый разъ въ кибитку мужа; когда открывать эту кошму, то нужно подвертывать ее во внутрь, а не загибать наружу: это вредно для счастья и богатства семьи.

Кромѣ «ишиге ўден» жена приноситъ съ собою въ кибитку мужа, вмѣстѣ съ одеждой и разными вещами обязательно головную половину («дерендык») кровати, кошму для кровати «дебескир», которой не бываетъ на не семейныхъ постеляхъ. Такимъ образомъ семейная кибитка получаетъ окончательное свое устройство вмѣстѣ съ входомъ въ нее жены.

Отсюда первый и самый важный актъ въ жизни калмыцкой семьи— бракъ, который связанъ съ выполненіемъ обширнѣйшаго свадебнаго ритуала.

Бракъ («кгер абалган»—пріобрѣтеніе кибитки) у астраханскихъ калмыковъ составляетъ обязанность и заботу родителей, брачущіяся же дѣти являются здѣсь съ пассивными ролями. Сами родители находятъ невѣсту для сына и послѣднему только объявляютъ о своемъ намѣреніи; такъ же поступаютъ и родители дочери. И здѣсь главное—воля отца, хотя безъ согласія матери бракъ все таки состояться не можетъ. При выборѣ невѣсты для сына обращается вниманіе на имущественную состоятельность невѣсты и красоту, на ея нравъ и репутацію родителей ея, но главнымъ образомъ на рабочія способности женщины: физическую силу, умѣнье шить, ткать, вести домашнее хозяйство. «Хотя отецъ и богатъ, говорятъ калмыки, но онъ всего не дастъ, а важнѣе то, какъ невѣста работаетъ». Доминирующее значеніе красота имѣетъ лишь въ исключительныхъ бракахъ по любви (безъ согласія родителей), да еще въ семьяхъ имущественно богатыхъ, напр. у зайсанговъ, у степныхъ богачей. Но обыкновенно главное значеніе въ выборѣ невѣсты — это ея рабочая способность—«жена, по выраженію калмыковъ, это находка». Вотъ почему каждая семья старается поскорѣе женить мальчика, и подольше удержать отъ выдачи замужъ дѣвочку, какъ рабочую силу. Точно установленнаго ни религіей, ни обычаемъ возраста для женитьбы и замужества нѣтъ; все сводится къ половой зрѣлости, которая обыкновенна для дѣвушки въ 15 лѣтъ, а для мужчины—18 лѣтъ, чаще же послѣдніе женятся съ 19 лѣтъ *). Но въ вопросахъ о лѣтахъ брачущихся принимаютъ еще въ соображеніе «джиль орбксын»— годъ рожденія, такъ какъ, помимо совершеннолѣтія, браки не могутъ, въ интересахъ счастья семьи, совершаться, когда дѣвушкѣ 16 или 19 лѣтъ, а мужчинѣ 25, 37, 49 и т. д. черезъ каждые 12 лѣтъ, считая лѣта не со дня рожденія, а со дня зачатія. Инициатива брака исходитъ отъ семьи мужчины. Когда юноша достигъ зрѣлости и родители признаютъ нужнымъ его женить, то прежде всего обращаются къ «зурхачи» (астрологу), чтобы послѣдній, въ интересахъ счастья новой семьи, указалъ, можно ли такихъ-то лѣтъ женить сына, какихъ лѣтъ нужно искать невѣсту для него, и когда и при какихъ условіяхъ найполезнѣе начать сватовство. При подборѣ невѣсты сыну, согласно указаннымъ признакамъ зурхачи, а также интересамъ экономическимъ и сословнымъ, необходимо имѣется въ виду еще родство, которое опредѣляется уже родителями и родственниками.

Для брака обращается вниманіе только на родство по мужской линіи; родство же по женской линіи не имѣетъ собственно никакого обязательнаго значенія. Можно жениться двумъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ; бываютъ случаи, что одно и то же лицо женится по смерти жены на ея родной сестрѣ. По мужской линіи бракъ не возможенъ на самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства, хотя собственно строго не отграничены тѣ степени, на которыхъ бракъ былъ бы возможенъ [1]). Когда чрезъ разспросы знакомыхъ подходящая невѣста намѣчена, то передъ самымъ сватовствомъ родители объявляютъ о своемъ желаніи сыну, а иногда и спрашиваютъ еще согласія близкихъ родственниковъ «для совѣта», что дѣлается для соблюденія лишь обычая, такъ какъ мнѣнія родственниковъ рѣшающаго значенія не имѣютъ, и приступаютъ къ сватовству. Въ процессахъ сватовства и свадьбы обрядности калмыковъ Дербетовскихъ не вполнѣ совпадаютъ съ обрядностями Торгоутовцевъ. У первыхъ весь брачный процессъ сопровождается такими перепитіями.

Родители жениха снаряжаютъ кого-нибудь изъ надежныхъ родственниковъ или изъ близкихъ знакомыхъ, лицо пожилое, опытное и знающее хорошо національные обычаи, съ однимъ «бортого» арьки

*) Мнѣ пришлось, впрочемъ, слышать въ Эркетеневскомъ улусѣ о женитьбѣ 14-лѣтняго мальчика на 12-лѣтней дѣвочкѣ, которые были сосватаны родителями до рожденія даже у нихъ дѣтей.

*) Такъ духовенство Экибагутова хурула Эркетеневскаго улуса (въ Мочагахъ) объяснило мнѣ, что невозможны браки только до 10-го колѣна, духовенство же Эки-хурула въ Малодербетахъ (бакши и зурхачи) — до 49-го колѣна, но вѣрнѣе, что по мужской линіи браки невозможны „до забвенія родственныхъ отношеній“, какъ разъяснилъ гелюнгъ Шаркисовъ въ б. Яндыковскомъ хурулѣ и бакша Бага-хурула въ Малодербетахъ. Подтвержденіемъ такого именно пониманія родства можетъ, между прочимъ, служить слѣдующій фактъ, переданный зайсангомъ Яндыковскаго улуса Кёкшиномъ Оргичкѣевымъ: одинъ калмыкъ изъ Керетова рода Яндыковскаго улуса въ восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка хотѣлъ женить сына въ Каретовомъ родѣ Эркетенескаго улуса, но родители невѣсты не согласились, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они были близкіе родственники и составляли одинъ родъ до удаленія калмыковъ, т. е. до 1771 года.

къ родителямъ невѣсты; у людей состоятельныхъ посылаютъ и двухъ лицъ. Посланный отправляется въ кибитку родителей дѣвушки, садится согласно обычаю, открываетъ пробку въ «бортŏгò» и начинаетъ бесѣду. Онъ никогда прямо не говоритъ о цѣли пріѣзда, а придумываетъ какой-нибудь подходящій предметъ, но среди бесѣды такъ или иначе даетъ знать о дѣйствительной цѣли и о лицѣ. Если въ концѣ концовъ хозяева кибитки арьку не приняли (что случается весьма рѣдко), то сватовство этимъ и прекращается, но если водка принята и распита съ гостемъ—знакъ хорошій: этимъ дается право продолжать процессъ сватовства. Однако пріемъ перваго «бортŏгò» ничѣмъ не связываетъ обѣ сватающіяся семьи. Первый актъ сватовства называется «зäкге урулган» (дать извѣстіе) или «ниген бортŏгò» (одинъ бортого).

Послѣ этого родители невѣсты иногда обращаются къ своему зурхачи, чтобы онъ объяснилъ, будетъ ли бракъ счастливъ, при извѣстныхъ условіяхъ, — родители же жениха обязательно просятъ зурхачи указать счастливый день для второй посылки сватовъ, что бываетъ черезъ два-три дня, а чаще дней черезъ шесть и болѣе, смотря по разстоянію, семейно-хозяйственнымъ условіямъ и предсказаніямъ зурхачи.

При этой поѣздкѣ, равно какъ и при всѣхъ послѣдующихъ, кромѣ указаній ламаитскаго астролога, принимаются во вниманіе и разныя народныя примѣты. Счастливымъ признакомъ считается, когда ѣдущимъ къ невѣстѣ встрѣтится красиво одѣтая дѣвушка или мужчина, везущій масло или водку, или стадо скота, особенно овецъ, а самое лучшее, если пролетитъ птица «цаган хулда» (лунь) такъ, что правое крыло ея будетъ обращено къ ѣдущимъ; къ несчастнымъ же признакамъ относится, если пересѣчетъ дорогу змѣя (которую при этомъ обязательно нужно убить), или перебѣжитъ заяцъ (необходимо для отвращенія несчастія въ этомъ случаѣ три раза махнуть плетью или даже рукой въ ту сторону, куда убѣжалъ заяцъ), или когда «цаган хулда» пролетитъ лѣвымъ крыломъ къ проѣзжающимъ; но особенно дурная примѣта, если встрѣтится птица «сапсын гурбулга» (сова). Но, впрочемъ, всѣ подобныя примѣты рѣшающаго значенія не имѣютъ, а вызываютъ лишь такія, напр., послѣдствія: если ѣдутъ свататься, то посланные возвращаются назадъ и по указанію астролога выбираютъ другой «счастливый день», а если везутъ уже подарки, то измѣняютъ направленіе пути, а въ крайнемъ случаѣ выполняютъ лишь символическій обрядъ, парализующій зло предзнаменованія, напр. змѣю убиваютъ, отъ зайца отмахиваютъ и т. д.

Вторая посылка сватовъ носитъ названіе «хоир бортŏгò» или «хоир сäба» (двѣ посуды), потому что въ этотъ разъ посылается не менѣе двухъ лицъ и обязательно съ двумя бортŏгò арьки. Второе посѣщеніе аналогично съ первымъ; но только теперь уже прямо спрашиваютъ согласія родителей дѣвушки, и послѣдніе или отказываютъ, или же приглашаютъ продолжать сватовство. Приглашеніе и согласіе обыкновенно выражаются въ такихъ символическихъ формахъ: при распиваніи привезенной арьки хозяева, какъ и въ первомъ случаѣ, произносятъ «ёраль»—(пожеланіе) и передаютъ родителямъ жениха «билик»—мушкатный орѣхъ, причемъ просятъ пріѣзжать и условливаются приблизительно о срокѣ 3-го пріѣзда сватовъ. Однако и пріемъ двухъ бортого еще не обязываетъ ни къ чему обѣ семьи.

Въ третій разъ, что обыкновенно бываетъ черезъ мѣсяцъ, ѣдетъ уже не менѣе трехъ лицъ съ тремя бортŏгò арьки, почему эта поѣздка и называется «горбун бортŏгò» (три бортого) или «горбун сäба» (три посуды); берется, кромѣ водки, въ этотъ разъ еще бѣлый платокъ съ завязанными въ него серебряной монетой и клеемъ или сахаромъ: клей символъ неразрывности союза, а серебро символъ счастья и богатства. Если водка въ третье посѣщеніе выпита, платокъ отдается матери дѣвушки, которая послѣ этого дѣлается уже невѣстой.

Такимъ образомъ заканчивается первое дѣйствіе брачной драмы—«шагата», или сватовство. Разрывъ послѣ трехъ бортого бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ и иногда ведетъ къ оштрафованію родителей дѣвушки въ пользу семьи жениха стоимостью всѣхъ выпитыхъ бортŏгò.

Промежутокъ между сватовствомъ и брачными церемоніями бываетъ уже болѣе продолжителенъ, и о днѣ для первой церемоніи всегда спрашивается «зурхачи», и извѣщается предварительно семья невѣсты, для чего отправляется спеціальное лицо, а у богатыхъ посылаютъ и нѣсколькихъ.

Въ назначенный день отправляется къ невѣстѣ самъ женихъ въ сопровожденіи близкихъ родственниковъ, пріятелей и знакомыхъ его, причемъ провожатыхъ не бываетъ менѣе 4-хъ, но всегда болѣе и даже по нѣскольку десятковъ. Поѣздка эта носитъ названіе «кŭргéн ŭзюнкген» или «кŭргéн залиган» (смотрины жениха). Кортежъ жениха везетъ съ собою водку (не менѣе ведра), minimum одного вареннаго барана, а состоятельные и цѣлую лошадь, чаю (доску или болѣе), сушки, конфекты, пряники, виноградное вино и немного кумысу или аръяну и вмѣстѣ съ послѣднимъ опять бѣлый платокъ съ серебряной монетой. Богатые люди въ эту же поѣздку ведутъ еще лошадей въ подарокъ невѣстѣ и разные подарки, условленные при третьемъ бортого: шубы, халаты, деньги и пр., небогатые же люди ограничиваются подарками одеждой. Поѣздъ, не доѣзжая нѣсколько до хотона невѣсты, останавливается и посылаетъ впередъ посла съ бортого арьки къ родителямъ невѣсты съ предупрежденіемъ о приближеніи жениха. Когда послѣдній съ гостями прибылъ въ хотонъ, то прежде чѣмъ войти въ кибитку родителей невѣсты,—у пріѣхавшихъ провѣряютъ всѣ привезенные подарки, причемъ особенное вниманіе обра-

щается на то, чтобы въ сваренномъ баранѣ были всѣ съѣдобныя части: недостатокъ одной изъ нихъ можетъ вызвать отказъ или отсрочку. Во время провѣрки подарковъ родителями невѣсты сюда же являются дѣвушки изъ хотона (но безъ невѣсты) и стараются что-либо отнять у пріѣхавшихъ, главнымъ образомъ водку; отнятымъ потомъ дѣвушки угощаютъ молодежь. Скоро по пріѣздѣ всѣ гости обыкновенно разбиваются на двѣ группы—молодежь и пожилыхъ.

Молодежь собирается въ отдѣльной кибиткѣ, гдѣ бываютъ и дѣвушки; здѣсь устраивается пирушка съ танцами и пѣснями и продолжается одну или даже двѣ, три ночи къ ряду; на пирушкѣ присутствуютъ женихъ и невѣста и принимаютъ участіе въ весельѣ наравнѣ съ прочими, причемъ жениха садятъ на подушки, и между танцами на него нападаютъ дѣвушки и бьютъ руками, плетьми и чѣмъ пришлось. Пожилые гости пируютъ столько же въ кибиткѣ родителей невѣсты, и здѣсь въ первую же ночь происходитъ поднесеніе подарковъ родителямъ невѣсты, родственникамъ и самой невѣстѣ, причемъ послѣдняя обязательно уже получаетъ шубу или халатъ.

На пиру въ эту поѣздку заключается окончательное условіе и сговариваются о подаркахъ со стороны жениха *). Послѣ 4-й поѣздки отказа уже не можетъ быть, и отказъ въ этомъ случаѣ приравнивается отнятію чужой жены.

О днѣ 5-й поѣздки снова спрашиваютъ «зурхачи», и все идетъ въ прежнемъ порядкѣ, а отличіе ея организаціи заключается въ слѣдующемъ: съ женихомъ теперь ѣдетъ его мать и еще двѣ—три замужнихъ женщины; везутъ съѣстное въ бо́льшемъ количествѣ, напр. не менѣе двухъ барановъ, изъ нихъ одного живого, и главное везутъ кошмы и матеріи для шитья приданаго невѣстѣ, именно кошмы для «дебёскир», матеріи для полога (кешйгѐ) и головной подушки («дербокцо»), коверъ (кебюс) на барунъ-баранъ, ковры для «ута̀» (мѣшковъ) и сундуки. Названіе поѣздки — «ёмы ишкилькген», «хубцап или хулду ишкилькгѐн» (кройка вещей). Въ эту поѣздку провожатые жениха получаютъ уже подарки и со стороны невѣсты: халаты матери жениха и старшему изъ его гостей (а у богатыхъ и всѣмъ), а остальнымъ же гостямъ дарятся платки.

Въ хотонѣ невѣсты въ эту поѣздку происходятъ своимъ порядкомъ пирушки, причемъ въ кибиткѣ родителей производится раздача подарковъ невѣстою и кроятся вещи изъ привезенныхъ матеріаловъ; въ кройкѣ главное участіе принимаетъ мать жениха и пріѣхавшія съ нею женщины. Если послѣ кройки окажется въ чемъ-либо недостатокъ, то мать обязывается къ установленному сроку пополнить недостающее.

*) Бѣдные родители невѣсты требуютъ отъ богатаго жениха больше подарковъ, чтобы можно было ускорить свадьбу, такъ какъ невѣста должна имѣть опредѣленное приданое, которое и дѣлается на средства жениха.

Когда наступаетъ отъѣздъ гостей, родители невѣсты выбираютъ для себя одинъ изъ «бортого̀», въ которомъ привозилась арька.

Послѣ этого предстоитъ уже церемонія взятія невѣсты. Но если въ процессѣ исполненія брачныхъ перепитій прошла зима, тогда бываетъ еще промежуточная поѣздка—«ўтца̀» (зимнее продовольствіе), когда невѣстѣ везутъ съѣстное, напитки и подарки живымъ скотомъ. Передъ взятіемъ невѣсты зурхачи опредѣляетъ: день выѣзда поѣзда жениха изъ своего хотона, день пира въ хотонѣ невѣсты, моментъ увоза невѣсты, лѣта мужчины, который долженъ первымъ коснуться невѣсты при ея взятіи, лѣта мужчины, который будетъ ожидать невѣсту при выходѣ ея изъ кибитки и посадитъ ее впереди себя на лошадь, масть лошади, на которой будетъ увезена невѣста и цвѣтъ верхней одежды для невѣсты, а также когда (т. е. время дня) и съ какой стороны подъѣзжать съ невѣстою къ кибиткѣ жениха. Ради точности исполненія всѣхъ указаній зурхачи, что связывается съ счастьемъ будущей семьи, обыкновенно поѣздъ сопровождаетъ самъ зурхачи. О всѣхъ указаніяхъ послѣдняго предварительно извѣщаются родители невѣсты.

Въ послѣдней поѣздкѣ «кюкѐн а̀былган» (взятіе дѣвушки) участвуетъ женихъ («кюрген») съ молодыми мужчинами и зурхачи и везетъ съ собою разныя угощенія.

Пирушка устраивается въ кибиткѣ родителей съ пѣснями и танцами и невѣста на этой пирушкѣ обязательно поетъ, поднося водку своимъ родителямъ, чѣмъ какъ бы прощается съ ними; пѣсни при этомъ поются болѣе или менѣе подходящія по содержанію. Передъ наступленіемъ взятія невѣсты, всѣ дѣвушки хотона собираются въ кибитку родителей и окружаютъ невѣсту, которая, сидя въ это время на семейной постели, плачетъ и голоситъ.

Первымъ подходитъ къ ней то лицо, которое указано зурхачи, и касается невѣсты, дѣвушки нападаютъ на него и бьютъ, но тутъ подступаетъ молодежь жениха, схватываютъ невѣсту, которая хватается за рѣшетку кибитки, дѣвушки плачутъ и бьютъ нападающихъ, поднимается суматоха, во время которой невѣсту выносятъ или вытаскиваютъ изъ кибитки, быстро сажаютъ на приготовленную лошадь впереди выбраннаго лица, всѣ поѣзжане разсаживаются по лошадямъ и верблюдамъ, и кортежъ съ невѣстой поспѣшно удаляется. По удаленіи отъ хотона невѣста уже одна ѣдетъ на лошади. Её сопровождаютъ мать и родственники обоихъ половъ и чаще всего, вмѣстѣ съ нею везутъ и приданое *),

*) Иногда приданое привозятъ ранѣе прибытія невѣсты. Въ приданомъ обязательными считаются такіе предметы: тесьмы („хошлым“) для кибитки мужа, кошмы для двери (ишиге уден), кошма для постели „дебескир“, „тунтык“ (круглая подушка), „кельбокцо“, пологъ и сундуки съ одеждой. Съ собой же невѣста везетъ всегда халаты для подарковъ отцу и родственникамъ жениха, „шалбур“ (штаны) для матери и одинъ халатъ та-

которое въ такомъ случаѣ навьючивается на верблюдовъ, покрытыхъ разукрашенными кошмами.

Въ пути молодежь устраиваетъ скачки, состязанія въ ѣздѣ («уктул»), а когда подъѣзжаютъ къ хотону родителей, то двое верховыхъ берутъ занавѣску отъ полога, обыкновенно краснаго или синяго цвѣта, и везутъ ее впереди невѣсты, которую подвозятъ съ указанной зурхачи стороны прямо къ кибиткѣ жениха, всегда бѣлой («цаган кгер») и заново приготовленной для новой семьи. По пріѣздѣ прежде всего развьючиваютъ приданое, вносятъ его въ кибитку, устраиваютъ послѣднюю совершенно для жилья, привѣшиваютъ кошму «ишиге ўден» на дверяхъ, и тогда только невѣста входитъ въ кибитку, и ее сажаютъ чаще всего на постели; сюда приносится чай, и мать жениха угощаетъ невѣсту и гостей. Въ это время въ кибиткѣ родителей жениха дѣлаются приготовленія къ свадебному пиру и жертвоприношеніямъ, для чего обязательно рѣжутъ барана, заготовляютъ арьки и туда зовутъ гостей и невѣсту. Но послѣдняя не входитъ въ кибитку, а садится внѣ ея у порога, впереди же нея держатъ занавѣску такъ, чтобы её не видали сидящіе внутри кибитки.

Въ это время къ невѣстѣ приближается лицо, выбранное зурхачи, и наклоняетъ ей нѣсколько голову, приглашая этимъ поклониться бурханамъ кибитки. Невѣста встаетъ, дѣлаетъ три земныхъ поклона по направленію кибитки, говоря каждый разъ «бурха́н дў меркгёме». Послѣ этого она входитъ въ кибитку вслѣдъ за внесенною впереди ея занавѣскою, останавливается съ правой стороны отъ двери у порога, и ей подаютъ кусочки бараньяго жира отъ свадебнаго барана; невѣста беретъ отдѣльный кусочекъ бараньяго жира, бросаетъ его въ огонь очага, кланяется и говоритъ: за 1-мъ кусочкомъ жира—«бурхан дў меркгёме», за 2-мъ—«шара наран дў меркгёме», за 3-мъ—«бурсун ховорŏк дў меркгёме», за 4-мъ—«галын тенкгир дў меркгёме», за 5-мъ—«имя отца и матери жениха меркгёме», за 6-мъ—«меркгёме тоста» — дядей и тетокъ по отцу и старшаго брата жениха. Когда произноситъ невѣста имя отца и матери жениха и родственниковъ, то она кланяется имъ, а всѣ находящіеся въ кибиткѣ поздравляютъ, желаютъ счастья, потомства и многихъ лѣтъ. Въ этотъ моментъ, если зурхачи найдетъ нужнымъ, совершается съ участіемъ гелюнга жертвоприношеніе *) «хорим», (которое будетъ описано въ свадьбѣ торгоутовъ), а затѣмъ происходитъ обрядъ разрыванія кожи свадебнаго барана: кожу изъ свѣже зарѣзаннаго барана протягиваютъ подъ порогомъ шерстью внизъ такъ, что половина остается въ кибиткѣ, а другая—снаружи ея. Гости невѣсты удаляются изъ кибитки и берутся за внѣшній конецъ кожи, а гости жениха за его внутренній и начинаютъ тянуть каждая группа къ себѣ; перетягиванія заканчиваются лишь тогда, когда какая-нибудь изъ сторонъ или вырветъ кожу, или же кожа разорвется. Чаще всего, кожу предварительно надрѣзаютъ. Болѣе счастливымъ признается исходомъ, если осилятъ гости жениха.

Послѣ этого происходитъ уже пирушка въ кибиткѣ, во время которой непремѣнно угощаютъ кумысомъ или арьяномъ (бѣлымъ напиткомъ «цаган ўндун»), причемъ невѣста подноситъ его родителямъ жениха, а при концѣ пира она угощаетъ присутствующихъ табакомъ, а именно приготовляетъ и подаетъ каждому трубку (кганза), и вслѣдъ за этимъ она выходитъ изъ кибитки, но уже безъ занавѣски и въ сопровожденіи гостей идетъ сначала въ кибитку старшаго брата, или дяди жениха, или вообще старшаго родственника и тогда только въ кибитку жениха. Сюда является «зурхачи» или «гелюнг» и совершается религіозный обрядъ, который состоитъ въ чтеніи молитвъ. По окончаніи молитвъ всѣ мужчины уходятъ, а женщины остаются, зачесываютъ волосы невѣсты поженски и навѣшиваютъ «шеберлик». Снова приглашаются мужчины и изъ нихъ одинъ, по указанію «зурхачи», беретъ баранью голову отъ жертвеннаго животнаго и выбрасываетъ её изъ кибитки вверхъ черезъ харачи; всѣ гости удаляются, а въ кибиткѣ остаются мужъ и жена, хозяева «новой» кибитки.

У калмыковъ торгоутовскаго племени свадебный обрядъ, совершенно сходный съ дербетовскимъ въ главномъ, имѣетъ однакожъ достаточно разницы въ подробностяхъ.

Отецъ юноши съ родственниками и знакомыми обоихъ половъ или, за смертью отца, мать—отправляются прежде всего къ родителямъ дѣвушки, которую намѣтили для своего сына, и узнаютъ отъ нихъ согласіе. При благопріятномъ отвѣтѣ, обращаются къ зурхачи, излагаютъ обстоятельства и просятъ указать, возможно-ли сочетаніе бракомъ между такими-то и назначить дни, когда устроить первую поѣздку.

Въ назначенный зурхачи день отецъ или мать съ родственниками обоихъ половъ ѣдутъ къ дѣвушкѣ и везутъ съ собою minimum доску чаю, связокъ 3 — 5 «ветушекъ» (сушекъ), арьку и по мушкатному орѣху отцу и матери дѣвушки. Взамѣнъ получаютъ мушкатный орѣхъ, а иногда еще и чаю на одинъ разъ («нигé чаныха̀ цй̂»).

Второе посѣщеніе тоже происходитъ по указанію зурхачи, причемъ оно ничѣмъ не отличается отъ перваго.

Оба посѣщенія имѣютъ смыслъ лишь взаимнаго ознакомленія.

Въ третій разъ когда ѣдутъ, то къ прежнимъ подаркамъ прибавляютъ еще вареннаго барана, но безъ внутренностей, а также въ платкѣ клей и серебряную монету. Устраивается пирушка (безъ танцевъ),

---

кого цвѣта, какой употребляется въ поколѣніи (родѣ) жениха: этотъ халатъ вѣшаютъ въ кибиткѣ родителей жениха надъ головной подушкой и онъ носитъ названіе „элёкци“.

*) Также жертвоприношеніе совершается и въ хотонѣ невѣсты въ день ея выѣзда.

на которую приглашаются знакомые, съѣдается привезенный баранъ и тутъ уже дается рѣшительный отвѣтъ родителями дѣвушки, а имъ передается клей и серебро. Въ случаѣ отказа послѣ третьяго посѣщенія возвращается стоимость всего, что было истрачено на это посѣщеніе.

Послѣ этого число посылокъ угощенія родителямъ невѣсты можетъ быть неопредѣленное количество, но только не возятъ больше барановъ.

Въ 4-й разъ «смотрины жениха»—ѣдетъ уже мать съ сыномъ въ сопровожденіи провожатыхъ, главнымъ образомъ молодежи, и люди состоятельные ведутъ въ это время лошадь «на зимнюю пищу» невѣстѣ. На устраиваемой въ этотъ пріѣздъ для всего хотона пирушкѣ съ танцами и пѣснями—невѣста танцуетъ лишь по желанію матери жениха, женихъ же обязательно танцуетъ, иначе можетъ получить отъ своихъ товарищей удары нагайками.

Послѣ «смотринъ жениха» онъ уже не является къ невѣстѣ, а ѣздятъ въ гости его родители и каждый разъ возятъ угощеніе и въ это время, по указанію зурхачи, устраивается поѣздка «кройка вещей» безъ жениха, когда везутъ: 1—2—3 и болѣе сундуковъ 2—3 ковра, матеріи на пологъ, на головную подушку (кельбокцо), на крышку шердыка («ӧнге дерен гадыр») и происходитъ въ кибиткѣ невѣсты кройка вещей; у богатыхъ въ это время вручаются еще деньги до 1000 рублей и болѣе и лошадей 10—15.

За недѣлю или больше до взятія невѣсты происходитъ еще—«хорим ӧгельган», когда невѣстѣ везутъ: богатые—вареныхъ корову, лошадей и 3-хъ барановъ, бѣдные только 3-хъ барановъ и лишь въ крайности одного (нельзя 2, 4, 6, 8, 10 и т. д.), водки отъ 1 до 30 ведеръ, доску чаю, вязокъ 10—20 ветушекъ, пряниковъ, конфектъ, напитковъ («ӱндун») разныхъ и проч. Богатые ведутъ верховыхъ лошадей («ӱнылгàн мӧрен»). Приведенныхъ лошадей отецъ невѣсты даритъ своимъ родственникамъ и знакомымъ и взамѣнъ въ видѣ отдариванія получаетъ деньги или же другіе подарки. Въ кортежѣ участвуетъ и женихъ, но онъ, послѣ передачи подарковъ, или уѣзжаетъ домой или же находится гдѣ нибудь вблизи; приглашенный позже на пиръ, онъ везетъ съ собою около $1/2$ ведра водки. Родители невѣсты по пріѣздѣ жениха раздаютъ отъ себя подарки: жениху дарятъ богатые лисью шубу, а бѣдные бешметъ суконный или шелковый, отцу и матери жениха и ихъ провожатымъ — халаты разныхъ цвѣтовъ и разныхъ матерій, у бѣдныхъ вмѣсто халатовъ даются платки. Мужчины полученные халаты сейчасъ же надѣваютъ здѣсь, а женщины уходятъ для переодѣванія въ другую кибитку; разряженныхъ гостей, если свадьба происходитъ въ теплое время года, усаживаютъ на шердыкахъ, возлѣ кибитки и угощаютъ. Затѣмъ всѣ собираются въ кибитку родителей жениха, и начинается пиръ. Съ лѣвой стороны отъ входа женихъ помѣщается за спинами мужчинъ, а направо, за спинами женщинъ—невѣста; отецъ ея сидитъ у самаго «барун-барана», напротивъ него, съ другой стороны у кровати помѣщаются отецъ и мать жениха. Въ танцахъ принимаютъ участіе женихъ и невѣста, и послѣдняя, если она очень застѣнчива, выходитъ танцовать не одна, а съ другими дѣвушками, которыя во все время танцевъ закрываютъ ее отъ мужчинъ.

Пиръ длится всю ночь, а иногда и двѣ, и три, и даже болѣе.

По отъѣздѣ жениха съ своими гостями, въ хотонѣ невѣсты устраиваются частыя пирушки, на которыхъ уже невѣста танцуетъ безъ всякихъ стѣсненій.

Между тѣмъ родители жениха, отобравъ предварительно свѣдѣнія отъ зурхачи, организуютъ поѣздку за невѣстой, для чего кромѣ жениха ѣдутъ 1—2 женщины, 5—15 и болѣе мужчинъ и съ ними зурхачи. По пріѣздѣ въ хотонъ невѣсты первымъ входитъ въ кибитку зурхачи и садится передъ барунъ-бараномъ, ближе къ кровати; за нимъ входятъ женщины и остальные гости, и открывается пирушка. Когда наступитъ счастливый моментъ для взятія невѣсты и зурхачи произнесетъ—«цак болбо» (насталъ часъ), встаетъ тотъ юноша, которому назначено коснуться первымъ, беретъ невѣсту за плечо; ему на помощь является еще 2—3 человѣка и схватываютъ дѣвушку. Её обороняютъ родственники и особенно дѣвушки, завязывается драка, поднимается шумъ, слышится возгласъ: «ягля! ягля!»—«охъ! охъ!» — пока наконецъ невѣсту не вытащатъ изъ кибитки, гдѣ ее сажаютъ на лошадь и увозятъ; но по выѣздѣ изъ хотона она скоро перемѣщается обыкновенно въ арбу *). Невѣста везется въ хотонъ жениха съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, цвѣтъ котораго указанъ зурхачи. Въ первую ночь по пріѣздѣ она идетъ въ кибитку родителей молиться.

Къ ея приходу рѣжутъ барана для жертвопри-

*) Ранѣе невѣсты или же и вмѣстѣ съ нею везется и ея приданое, которое заключаетъ въ себѣ: всѣ подарки„ хулду ӧгельген“, но только сшитые, „дебескир“, два сундука съ сластями и другими угощеніями, костюмы: два терлика, два цегдыка, берзе, чулки и бѣлье; гребешокъ („сам“), пара „шеберлик“, пара „токок“, серьги; платки, подаренные ей родителями и знакомыми; футляръ для чая изъ кожи („цягèн тулӱл“), ножикъ („балык“), котелъ („хайсын“), шанга, чашки, табакъ, таганъ, посуда для кумыса и чаю; корыто, футляръ изъ кошмы для чашекъ („сабын тунгурцук“ или „âганкгер“), головная часть кровати (дерендык), варежки для вынимания котла („хайсын барӱл“), „деренъ толга“, и „келын толга“ (головныя и ножныя подушки) два „ӱкюк“, „хошлым“ для всей кибитки, „ишйге ӱден“, „эрькин бючин“ (веревки для верхней кошмы), двѣ „ишйге кешйге“ (кошмы для зимы); наперстокъ, иглы, ножницы, мыло и даже духи (конечно не всегда), иногда зеркало („черя ӱзюдык кгер“). У богатыхъ даютъ еще сѣдло, иногда весьма цѣнное (рублей въ 75—150) и всю верховую сбрую. Вообще же родители невѣсты даютъ дочери одежды и платья на три года и если не въ состояніи сразу сдѣлать, то потомъ дополняютъ по мѣрѣ изнашиванія.

ношенія и кожу его постилаютъ у входа такъ, что одна часть ея находится внутри кибитки, а другая снаружи, и на этой кожѣ въ кибиткѣ сидитъ невѣста, закрытая кошмой или ковромъ, пока совершается жертвоприношеніе огню («кгалкгин или кгалталгѐн»), которое совершается такимъ образомъ: противъ двери около очага кладутъ изъ палочекъ квадратъ въ родѣ колодезнаго сруба, потомъ отъ свареннаго тутъ же барана берутъ 10 реберъ отъ передней лѣвой ноги и кладутъ на срубъ; сверхъ ихъ грудную кость безъ мяса, завернутую въ шерстяныя нитки, обертываютъ все это полосой мяса, толщиною въ палецъ и длиною въ $1^1/_2$ аршина, вырѣзанныхъ изъ живота. Затѣмъ квадратъ зажигаютъ, бросаютъ въ него кусочки варенаго мяса и жира и льютъ еще сала столько, сколько получилось при варкѣ этого барана. Во время горѣнія костра кладутъ на него еще берцовую кость отъ правой задней ноги, нижнюю челюсть, сырой жиръ изъ сальника и отъ внутренностей, жиръ изъ спины въ видѣ короткаго ремня; бросаютъ также въ огонь серебряную или мѣдную монету и ладонъ («сангин йден»), льютъ молоко и масло. По четыремъ сторонамъ квадрата ставятъ изъ тѣста чашечки, наполненныя саломъ съ фитилями и зажигаютъ ихъ. Жертвоприношеніе совершаетъ отецъ жениха, а духовное лицо въ это время читаетъ молитву. Въ то время, когда жертва горитъ, отецъ спинную часть съ курдюкомъ и голову барана ставитъ въ табыкѣ передъ бурханами; первый шейный позвонокъ кладетъ въ «бурхани оргѐ» за унину подъ кошму; легкія, сердце, почки, печень, заднепроходную кишку, сваренный и наполненный кровью желудокъ («хототà цусỳн»), шкуру съ груди съ жиромъ, предварительно опаленную, кладетъ въ какую нибудь посуду (напр. «табык») или въ овчинную шубу или въ сумку изъ кожи. Когда гелюнгъ прочитаетъ въ первый разъ молитву, отецъ этой сумой дѣлаетъ кругъ возлѣ жертвенника, произнося «хо̆рю, хо̆рю!», за нимъ повторяютъ тоже и всѣ присутствующіе въ кибиткѣ, имѣя на правой ладони по кусочку жира; послѣ 2-й молитвы мать беретъ сырую правую ногу барана, которая до этого времени висѣла на унинѣ въ «бурхани о̆рьгѐ», держитъ её и тоже произноситъ «хо̆рю, хо̆рю!», послѣ 3-й молитвы отъ нея нога передается послѣдовательно всѣмъ присутствующимъ и каждый, держа ее, произноситъ «хо̆рю, хо̆рю!». Во время самаго жертвоприношенія — гелюнъ, читающій молитву, держитъ языкъ барана, всѣ гости — жиръ, невѣста — бараньи переднія ножки, наткнутыя на палочки, внутренности — женихъ, а сердце, вынутое изъ мѣшка, держитъ или младшій сынъ хозяина, или же мальчикъ родственникъ; онъ послѣ каждой молитвы кусаетъ сердце три раза и произноситъ «хо̆рю, хо̆рю!» Когда огонь жертвенника потухнетъ, ногу сырую снова вѣшаютъ въ «бурхани о̆рьгѐ», гдѣ она должна оставаться три дня, мѣшокъ съ внутренностями держатъ спрятаннымъ въ сундукѣ до другого дня, когда все разрѣзаютъ на куски по числу кибитокъ въ хотонѣ и съѣдаютъ (что называется «далгà хубилган»), кромѣ желудка съ кровью, который хранятъ три дня. Черезъ три дня желудокъ и ногу съѣдаетъ семья и родственники жениха, но никогда посторонніе *). Во время свадебнаго жертвоприношенія совершается еще обрядъ «зеберхỳ»: племянникъ или вообще «то̆риль» (родственникъ) кладетъ монету, произноситъ ёраль (поздравленіе, пожеланіе), беретъ кусокъ баранины и чашку арьки и уноситъ ихъ въ свою кибитку. По окончаніи жертвы кто-нибудь изъ родныхъ или близкихъ, по указанію зурхачи, беретъ невѣсту, подводитъ сначала къ отцу жениха и, наклоняя ей голову, говоритъ: «кланяйся своему отцу!“ она кланяется въ ноги, а отецъ желаетъ ей счастья и благополучія, такимъ же образомъ кланяется она матери и всѣмъ старшимъ родственникамъ жениха, и затѣмъ невѣста удаляется въ свою кибитку, а гости рвутъ кожу, и одинъ изъ нихъ бросаетъ баранью голову черезъ харачи. Послѣ этого гости невѣсты садятся по лѣвую сторону въ кибиткѣ, а гости жениха по правую; у каждаго лица въ рукахъ огниво, а между обѣими группами ставится сваренная грудина барана. Обѣ стороны начинаютъ высѣкать огонь и какая изъ нихъ раньше зажжетъ огонь, той и достается баранья грудь, которую тутъ же съѣдаютъ, и начинается пирушка, хотя уже менѣе обильная и торжественная, чѣмъ была у невѣсты; между тѣмъ въ кибиткѣ жениха совершается религіозный обрядъ брака, послѣ котораго дѣвушка наряжается въ костюмъ женщины. Съ момента расплетанія дѣвичьей косы женщина во всю жизнь не должна показывать передъ посторонними непокрытую голову и голыя ноги.

Въ первые три дня молодая жена сидитъ въ своей кибиткѣ и выходитъ изъ нея подъ покрываломъ. На другой и много на третій день всѣ гости уѣзжаютъ, причемъ имъ раздаются подарки, а на четвертый день жена сына, снявши покрывало, идетъ въ кибитку новыхъ родителей и начинаетъ работать. По желанію родителей или по указанію зурхачи, иногда происходитъ перемѣна имени невѣсты, но въ своемъ родномъ хотонѣ женщина все-таки называется прежнимъ именемъ; такая перемѣна происходитъ передъ вступленіемъ невѣсты въ кибитку жениха и сопровождается особеннымъ обрядомъ — «сюрь ясалгàн» или «дâрлга ясалгàн».

Расходы свадебные у калмыковъ бываютъ всегда значительны, и требуется на выполненіе всего свадебнаго ритуала много времени. Можно сказать, что minimum свадебныя церемоніи продолжаются пол-

*) Обрядъ „кгалтакгген“ совершается еще при рожденіи мальчика, а изрѣдка и дѣвочки, напр. когда рожденіе дѣвочки составляетъ исполненіе желанія семьи, и потомъ еще каждая семья, владѣющая баранами ежегодно для счастья семьи и удачъ въ скотоводч. хозяйствѣ исполняетъ такое же жертвоприношеніе 11-го и 23 октября, а бѣдные въ одинъ изъ этихъ дней.

года, но чаще годъ и даже два—три года; особенно долго тянется свадебный процессъ у малосостоятельныхъ людей, средства которыхъ не позволяютъ въ короткій промежутокъ пріобрѣсть всѣ тѣ вещи, какія требуются обрядностью. Но уже въ данное время замѣтно вліяніе экономическаго начала надъ обрядовымъ: въ послѣднее время, въ интересахъ сокращенія расходовъ, избѣгаютъ иногда большихъ проволочекъ времени и продолжительности церемоній, а потому или соединяютъ по нѣскольку обрядовыхъ актовъ въ одинъ, или даже совсѣмъ выбрасываютъ. Можно даже встрѣтить въ степи случаи совершеннаго устраненія обрядовыхъ церемоній и связанныхъ съ ними расходовъ путемъ фиктивнаго похищенія невѣсты. Изрѣдка среди калмыковъ происходятъ браки по любви между брачущимися: подобные браки, совершаемые всегда противъ воли родителей, устраиваются фактическимъ похищеніемъ невѣсты и, конечно, не требуютъ особенныхъ расходовъ. Но бываютъ случаи, что одна изъ брачущихся сторонъ или же и обѣ, въ интересахъ устраненія экономическихъ тратъ, соглашаются на фиктивное похищеніе невѣсты и устраиваютъ его.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы бракъ ни заключали, женщина путемъ брака у калмыковъ переходитъ въ другой родъ, но признается въ новомъ родѣ родственницей лишь пока существуетъ семья; если же мужъ умираетъ, не оставивъ дѣтей, или же семья уничтожается путемъ развода, — женщина теряетъ всякую родственную связь съ родомъ мужа и снова возвращается къ своимъ родителямъ. Въ силу этого хотя приданое, принесенное женой, и поступаетъ въ распоряженіе мужа, но составляетъ не его собственность, а будущаго поколѣнія. И если жена умираетъ не родивши дѣтей, то половина приданаго возвращается ея родной семьѣ, а половина жертвуется на хурулъ (монастырь). Если же, умирая, жена оставляетъ ею рожденныхъ дѣтей, то приданое не возвращается, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мужъ передаетъ семьѣ не болѣе $1/3$ кибиточнаго инвентаря изъ принесеннаго въ приданое женой, но не изъ скотоводческаго хозяйства. При жизни же жены у послѣдней отдѣльнаго имущества не бываетъ, а при раздѣленіи семьи, напр. при выдѣлѣ сына, — выдѣляется часть и матери, равная сыновней, но меньшая, чѣмъ отцу. Подобныя же имущественныя комбинаціи происходятъ и въ случаѣ уничтоженія семьи путемъ развода. При добровольномъ, т. е. по взаимному согласію разводѣ женщина получаетъ или все или половину приданаго изъ кибиточнаго инвентаря, а изъ скота лишь то, что даетъ мужъ; но если мужъ прогоняетъ жену, то онъ обязанъ возвратить ей все принесенное ею приданое. Въ томъ же случаѣ, когда сама жена не хочетъ жить съ мужемъ,— ей ничего не дается изъ хозяйства.

Нужно имѣть въ виду, что разводы у астраханскихъ калмыковъ сравнительно легки, особенно для мужа: неплодіе жены, смертность дѣтей, неизлечимая болѣзнь жены, если начало болѣзни было до брака, характеръ ея (напр. неуживчивость), семейныя несчастія, особенно смертность дѣтей, если зурхачи причину несчастій укажетъ въ семьѣ,—все можетъ послужить поводомъ, чтобы мужъ отослалъ жену къ ея родителямъ.

Все это производится въ большинствѣ случаевъ семейно, безъ участія постороннихъ, и только споръ объ имуществѣ собственно влечетъ вмѣшательство въ разводъ бакши и ламы, а иногда зайсанга и даже нойона. Напротивъ же разводы по иниціативѣ жены происходятъ лишь въ силу давленія со стороны бакши и ламы,—и для такого развода нужны несравненно болѣе вѣскія причины, чѣмъ при разводѣ по иниціативѣ мужа. Въ случаѣ бы жена, не желающая жить съ мужемъ, убѣжала, то ее возвращаютъ къ мужу и предоставляютъ все дѣло суду бакши или ламы, и если по суду послѣднихъ виновной стороной оказался мужъ, тогда только женѣ дозволяется оставить его и выйти замужъ за другого; въ противномъ случаѣ жену принуждаютъ жить съ мужемъ и подобныя семьи отдаются подъ наблюденіе уважаемыхъ людей или одно-хотонныхъ года на три. Когда въ теченіе срока опеки мужъ ведетъ себя хорошо, то жена обязана жить съ мужемъ. Если разводъ произошелъ по бездѣтству или по другимъ серьезнымъ причинамъ, то оба, мужъ и жена, послѣ развода могутъ вступить въ новые браки, въ другихъ же случаяхъ только мужъ не теряетъ права на бракъ. Дѣти при разводѣ остаются при отцѣ, и лишь въ томъ случаѣ, когда виновникомъ распаденія семьи оказывается мужъ, дѣтей можетъ взять и жена, но при этомъ она уже теряетъ право выйти вновь замужъ.

Народныя воззрѣнія поощряютъ лишь разводы по бездѣтству, въ другихъ же случаяхъ, хотя и несчитаютъ зазорнымъ, преступнымъ или грѣховнымъ разводы, осуждаютъ виновниковъ разводовъ. Но вообще сравнительно разводы у калмыковъ рѣдки и являются неизбѣжнымъ регуляторомъ насильственнаго родительскаго принципа въ устройствѣ семей; при дѣтяхъ разводы почти не бываютъ. Главная причина разводовъ—неимѣніе дѣтей, но и она устраняется путемъ многоженства. По религіи число женъ не ограничено: «сколько кто хочетъ и можетъ содержать»; народное же воззрѣніе не вполнѣ признаетъ многоженство, что рельефно формулируется напр. пословицею: «первая жена отъ Бога, вторая— отъ людей, а третья—отъ черта» («турин бâбга бурхана сё, хоир декге бâбга — улеа сё, горбун декге бâбга — эрликга сё»); но факты двоеженства, хотя и рѣдко, все-таки встрѣчаются *).

*) Мною встрѣчено было два случая: въ Б. Цатановомъ родѣ Яндыковскаго улуса двухъ женъ имѣли зайсангъ и его аймачный, причемъ въ первомъ случаѣ вторая жена взята съ согласія первой въ виду того, что дѣти отъ нея умираютъ, на разводъ же съ первой женой зайсангъ не согласился въ силу своей привязанности къ ней.

Съ обычаями брака въ связи стоитъ обычай посѣщенія женою своихъ родителей. Спустя мѣсяцъ или болѣе новобрачныхъ навѣщаетъ мать жены и приглашаетъ послѣднюю къ себѣ, и ее отпускаютъ одну, безъ мужа. У людей малосостоятельныхъ первое посѣщеніе («кюкюн торчилькю») родителей бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, у людей же богатыхъ черезъ годъ и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (у Малодербетовцевъ) при первомъ посѣщеніи дочь не входитъ въ кибитку родителей, и входъ ей дозволяется лишь при второмъ посѣщеніи.

Каждый изъ двухъ пріѣздовъ дочери къ своимъ родителямъ сопровождается подарками ей, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ ея родственники (тöриль); если же пріѣзжаетъ замужняя дочь въ свой родъ зайсанга или нойона, то въ подаркахъ участвуютъ въ первомъ случаѣ и аймачные зайсанга, а во 2-мъ также весь родъ и даже улусъ *). Нерѣдко «кюкюн торчилькю» происходитъ послѣ рожденія перваго ребенка, и если родился сынъ, то подарки бываютъ особенно щедры.

Рожденіе дѣтей составляетъ послѣ брака самое выдающееся событіе въ жизни семьи и сопровождается рядомъ обрядностей и повѣрій.

Во время родовъ, по требованію обычая, въ кибиткѣ не бываетъ никого изъ мужчинъ, даже мужа. Если роды трудные и продолжительные, то, послѣ употребленія всякихъ манипуляцій въ родѣ встряски, искусственнаго потягиванія и сжиманія живота родильницы, приглашаютъ гелюнга для чтенія назначенныхъ на такой случай молитвъ.

Когда ребенокъ родится, его, не омывая, завертываютъ во что-нибудь относительно мягкое и теплое и оставляютъ такъ до того дня, который извѣщенный зурхачи укажетъ, какъ «счастливый», не ранѣе во всякомъ случаѣ 3-го дня. Если родился сынъ, то одна изъ присутствующихъ въ кибиткѣ женщинъ отыскиваетъ отца, снимаетъ съ него шапку и уноситъ въ кибитку, чѣмъ и даетъ знать ему, что родился сынъ. Шапку нужно выкупать. Для этого отецъ готовитъ угощеніе для присутствующихъ при родахъ женщинъ: варитъ чай, достаетъ «арьки» (или русской водки), «борцок» и т. п., и послѣ угощенія получаетъ шапку назадъ. Снимаютъ тоже шапки и требуютъ выкупа и съ родственниковъ мужа — мужчинъ. Въ день рожденія и, по возможности даже въ часъ рожденія, отецъ рѣжетъ барана и приноситъ его въ жертву, т. е. совершаетъ «кгалкгин», какъ на бракѣ, что дѣлается «для счастья» и жизни ребенка. Если кто-нибудь изъ присутствующихъ при жертвоприношеніи чихнетъ, то носъ этому лицу намазываютъ саломъ и даютъ кусочекъ жиру проглотить. Чиханье признается хорошей примѣтой.

Такъ какъ фактъ рожденія сына быстро дѣлается извѣстнымъ въ хотонѣ, а близъ кочующіе родственники и пріятели кромѣ того и нарочно оповѣщаются, то въ тотъ же день въ кибитку новорожденнаго являются съ поздравленіемъ родственники, однохотонники и друзья, и для нихъ устраивается пирушка, но безъ пѣсенъ и танцевъ, и безъ молодежи; во время пира присутствующіе поздравляютъ съ новорожденнымъ, желаютъ ему счастья и здоровья и дарятъ серебряныя монеты и только за неимѣніемъ ихъ— мѣдныя.

Въ назначенный «зурхачи» счастливый день ребенка моютъ вмѣстѣ съ тѣми лоскутами, въ которыхъ онъ былъ завернутъ послѣ рожденія. Купаетъ ребенка обыкновенно мать при содѣйствіи постороннихъ женщинъ. Купель въ этомъ случаѣ готовится такъ: въ большое корыто («тебыш ашлу») наливаютъ теплую воду и въ нее добавляютъ немного соли, молока или арьяну и можжевеловыхъ ягодъ. Въ день первой купели (и послѣдней, кажется) въ кибиткѣ новорожденнаго снова устраивается угощеніе родственниковъ и знакомыхъ.

Послѣ отпаденія у ребенка пуповины, обыкновенно на 5—6-й день, (въ хотонахъ далеко находящихся отъ хуруловъ этотъ обрядъ бываетъ и гораздо позже)—приглашается къ новорожденному зурхачи для указанія судьбы новорожденнаго и назначенія ему имени **). Призванный зурхачи вмѣстѣ съ опредѣленіемъ судьбы ребенку даетъ ему и «счастливое» имя.

Нельзя при этомъ не указать на оригинальную систему личныхъ именъ у астраханскихъ калмыковъ.

Есть у калмыковъ имена національно-религіознаго происхожденія, но ихъ сравнительно немного; наи-

---

*) За однимъ изъ зайсанговъ Кутузовыхъ въ Абганеровыхъ родахъ Малодербетевскаго улуса была замужемъ дочь Харахусовскаго нойона Дугарова, и вотъ когда она сдѣлала „кюкюн торчилькю“ въ улусъ своего отца, то получила въ подарокъ, между прочимъ, до 1500 овецъ, хотя и самъ нойонъ не имѣлъ такого количества — это былъ улусный подарокъ. Въ іюлѣ 1885 г. посѣтила свой Ики-Багутовъ родъ Эркетеневскаго улуса—родственница зайсанга Менко Убуши жена хошоутовскаго нойона, и это посѣщеніе, по словамъ мочажныхъ калмыковъ, сопровождалось подарками со стороны аймачныхъ калмыковъ лошадьми, баранами и пр.

**) Насколько среди калмыковъ крѣпка вѣра въ предсказаніе зурхачи, можетъ служить слѣдующій разсказъ изъ множества другихъ, записанный со словъ зайсанга Барунова рода Яндыковскаго улуса, Кёкшина Оргичкѣева: „У отца моего всѣ дѣти умирали; наконецъ, когда ему было уже 70 лѣтъ, родился я. Былъ тогда въ хурулѣ святой человѣкъ бакша. Обратился къ нему отецъ, чтобы бакша нарекъ имя новорожденному. Долго отказывался онъ, говоря, что это дѣло зурхачи, но послѣ настоятельныхъ просьбъ согласился и сказалъ: „пусть родившійся назовется Кёкшинъ (долговѣчный—по имени того урочища, на которомъ кочевалъ тогда мой отецъ), и будетъ онъ счастливъ“. Потомъ, когда отецъ умиралъ, то призвалъ къ себѣ зурхачи и просилъ его объявить судьбу сына. Зурхачи сличилъ годъ рожденія и пр., посмотрѣлъ въ свои книги и сказалъ: „у Кёкшина будетъ четыре сына и дочь, но въ живыхъ останется одинъ сынъ младшій Эльзете, а самъ онъ проживетъ 62 года. И все уже сбылось теперь, кромѣ смерти: мнѣ теперь 58 лѣтъ и остается еще жить четыре года. Чтобы сберечь жизнь своего послѣдняго сына Эльзете, я посвятилъ его хурулу, и онъ былъ манжикъ, а теперь, по смерти всѣхъ сыновей, онъ сдѣлался моимъ наслѣдникомъ“.

болѣе употребительныя изъ нихъ слѣдующія: Эрдни (сокровище), Убуши (монахъ), Очиръ (жезлъ), Бадма (лилія), Наранъ (солнце), Саранъ (луна), Бембе (Сатурнъ), Улюмджи (Меркурій), Басангъ (Венера), Манкглиръ (Марсъ), Пюрбе (Юпитеръ), Амгулунгъ (спокойствіе), Мацакъ (постъ), Церенъ, Гаря, Лиджи, Зодбо, Сангаджи, Баярылха, Балчха, Кишетѐ, Дорджи, Тумюртутъ, Балзынъ, Коцку. Изъ числа этихъ именъ даетъ зурхачи новорожденному, но чаще только первому сыну, и въ исключительныхъ случаяхъ дочери. Слѣдующія дѣти уже называются по имени урочищъ, рѣкъ, озеръ, гдѣ они родились. Но если дѣти умирали, то уже прибѣгаютъ къ имени другого типа: или имя дается по названію животнаго или же по первому встрѣченному человѣку или предмету. Въ этихъ случаяхъ собственно дѣлается фикція подмѣна лица. По убѣжденію калмыковъ смертность дѣтей происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ (чоткир, алмыс и пр.) и вотъ, чтобы ввести въ заблужденіе ихъ даются имена животныхъ, бранныя и проч. Подобное объясненіе имѣютъ напр. слѣдующія имена: Ноха (собака), Чоно (волкъ), Ноханъ-кебюнъ (сукинъ сынъ), Ноханъ басынъ (собачій пометъ), Ишйге (кошма), Мога (змѣя), Мекле (лягушка), Ухуръ (ложка), Сюкэ (топоръ), Мукебюнъ (гадкій мальчикъ), Му-кюкюнъ (дурная дѣвочка); Вазьки (Василій), Игнатъ, Цезарь, Бегели (татарское имя), Ягуръ (Егоръ), Бенке (Ванька), Іобанъ (Иванъ), Іеськé (Іосифъ), Аликса (Алексѣй), Андра (Андрей), Пётеся (Петръ), Микула (Николай), Лощинскій (фамилія) и проч. *). Нерѣдко еще бываетъ и такъ, что ребенку, когда у него есть имя, дается случайно прозвище **). Кромѣ дурного имени, какъ средства предохраняющаго отъ смерти ребенка, употребляютъ еще и другія средства. Въ той семьѣ, гдѣ дѣти умираютъ, новорожденнаго не показываютъ постороннимъ лицамъ, а иногда даже и родственникамъ, словно бы ребенка и нѣтъ; причемъ или ребенка только прячутъ передъ входомъ постороннихъ лицъ или же послѣднихъ совершенно не допускаютъ въ ту кибитку, гдѣ есть охраняемый ребенокъ. Чаще всего, что такая охрана длится нѣсколько мѣсяцевъ, но иногда годъ и дольше ***). Вотъ почему въ кибитку семейнаго калмыка не всегда возможно войти, и если только дверная кошма опущена, то необходимо предварительно испросить позволенія на входъ: иначе можно внести съ собою большое несчастье въ кибитку. Третье средство сохраненія жизни дѣтей — посвященіе ихъ, хотя фиктивное, хурулу подъ названіемъ манжиковъ. Наконецъ практикуется, какъ предохранительное средство родъ талисмановъ: къ волосамъ дѣтей прикрѣпляютъ или серебряныя монеты изъ числа подаренныхъ ребенку въ день рожденія и омовенія, или же мелкія раковины «моган толга» (змѣиная головка).

Но собственно у калмыковъ заботы вызываетъ первый сынъ, иногда и другіе сыновья, рожденіе же дочери, за исключеніемъ развѣ первородной или же при не имѣніи дѣтей вообще, не радуетъ родителей, и потому только при первенцѣ соблюдаются всѣ церемоніи, при остальныхъ дѣтяхъ зурхачи приглашается развѣ богатыми, а то обходятся безъ него: не гадаютъ о счастьи и сами даютъ имя, и вмѣсто пиршествъ — все ограничивается угощеніемъ чаемъ женщинъ, присутствующихъ при родахъ.

Родильницу немедленно послѣ родовъ поятъ холодной водой, и она въ первый же день встаетъ съ постели и начинаетъ исполнять работы по кибиткѣ. Пищу ей по возможности улучшаютъ, рѣжутъ барана и готовятъ «шулюм» въ теченіе 10—15 дней; первые 2—3 дня чай даютъ жидкій, а потомъ уже обыкновенный. Ребенку скоро послѣ рожденія кладутъ въ ротъ немного бараньяго сала и потомъ саломъ прикармливаютъ постоянно во весь періодъ, пока мать его кормитъ своей грудью. По мѣрѣ выростанія дитяти въ 1-й еще годъ даютъ и «бозо», разбалтывая его молокомъ или же просто водой. Малютокъ пеленаютъ довольно крѣпко привязывая къ доскѣ, и надолго, особенно въ холодное время года, а для испражненій въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ дѣлаютъ отверстіе.

При кормленіи грудью ребенокъ кладется не перпендикулярно къ ногамъ матери, какъ у русскихъ, а наискось и даже прямо между ногъ ея, почему ребенокъ находится всегда въ наклонномъ положеніи съ приподнятою головкою.

Когда ребенокъ уже настолько подросъ, что можетъ держаться рученками, мать носитъ его не у груди, а садитъ себѣ подъ плечо, какъ бы верхомъ на свой правый бокъ, такъ что одна ножка ребенка находится спереди, а другая сзади праваго бока матери, а рученки цѣпляются или за плечо или просто за одежду матери, которая своей правой рукой слегка поддерживаетъ его подъ сѣдалище. Благодаря та-

*) Насколько въ именахъ калмыковъ играетъ роль случайность, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ день рожденія зайсанга Онкорова Багацахуровскаго улуса въ хотонѣ его отца ночевалъ киргизскій владѣлецъ и старшина Бегели, и потому новорожденный былъ такъ названъ (хотя собственно это есть только прозвище). Нѣкоторые изъ Дербетовскихъ калмыковъ были демонстрируемы на Парижской всемірной выставкѣ, и когда отцы были на выставкѣ, у двухъ изъ нихъ родились дѣти: мальчикъ и дѣвочка; мальчикъ названъ „Парижъ", а дѣвочка „Франція". Въ 1885 году при ставкѣ Икицохур. улуса у калмыка Доба Хараева родился внукъ въ то время, когда завѣдывать улусомъ пріѣхалъ чиновникъ Лѣснякъ и ребенокъ былъ названъ „Лѣснякъ".

**) Напр. депутата калмыцкаго народа всѣ калмыки зовутъ по прозвищу Базька Тугаевъ, хотя его настоящее имя Наранъ; прозвище же дано случайно по имени козла въ хотонѣ, съ которымъ ребенокъ былъ друженъ. У одного калмыка Барунъ-Кетчиперова рода Малодербетевскаго улуса сына звали Шонца; былъ однажды въ кибиткѣ его зайсангъ, ребенокъ повелъ себя при немъ неприлично, и зайсангъ обругалъ его: „му кебюн" (гадкій мальчикъ!), брань эта перешла въ кличку ребенка и теперь его, уже женатаго человѣка, всѣ зовутъ не иначе, какъ „Мукебюнъ Баслеевъ".

***) Напр. у зайсанга Бага-Цохур. улуса Сумъяна Аки Манджіева не пускали въ кибитку лицъ изъ другого улуса два года.

кому способу ношенія дѣтей, ноги у нихъ нѣсколько выгнуты и совершенно приспособлены къ верховой ѣздѣ, и, можетъ быть, это отчасти вліяетъ на то, что калмыки обоего пола съ самаго дѣтства хорошо держатся на лошади и слывутъ за лихихъ наѣздниковъ.

Къ сферѣ обрядовъ семейно-кибиточной жизни принадлежатъ еще тѣ, которые сопровождаютъ событія печальнаго характера — болѣзнь и смерть.

Астраханскіе калмыки чрезвычайно жизнелюбивы. Этимъ объясняется между прочимъ почти полное отсутствіе среди калмыковъ самоубійствъ и рѣдкая любовь ихъ къ лѣченію.

Въ данный моментъ въ астраханской степи лѣченіе является съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формахъ къ ихъ услугамъ: а) европейская медицина въ лицѣ оффиціальныхъ докторовъ, фельдшеровъ и оспопрививателей; б) азіатская медицина въ лицѣ калмыцкихъ «эмчи»; в) религія въ видѣ спеціально приспособленныхъ для этой цѣли молитвъ и обрядовъ; г) знахари калмыцкіе — «удгун» и «бё»; наконецъ д) знахари сосѣднихъ народностей, особенно татаръ.

И калмыки при болѣзняхъ обращаются ко всѣмъ способамъ врачеванія, то послѣдовательно мѣняя одинъ на другой, то чаще разомъ, совмѣстно: принимая лѣкарство доктора европейскаго, больной калмыкъ пьетъ «шулюм» и воду, по назначенію калмыцкаго «эмчи», слушаетъ молитвы отъ болѣзней гелюнга, гадаетъ у «бё» и не откажется воспользоваться татарскимъ знахаремъ *).

Лѣченіе и татарскихъ лѣкарей, и національныхъ калмыковъ, между прочимъ, сопровождается отбираніемъ вещей, присутствіе которыхъ и вызываетъ болѣзнь; но у калмыцкихъ знахарей («удгун» — мужчины и «бё» или «бабга» — женщины) есть и свои пріемы. Напр. «бе» или «бабга илгин» (въ Яндык. ул. на уроч. Чапчилганъ ок. ватаги Воробьевыхъ), лѣчила такъ: разспрашивала больного о болѣзни и потомъ отсылала домой; ночью она видѣла сны и сообразно уже имъ вновь явившагося больного лѣчила нашептываніемъ, сопровождая слова разными манипуляціями рукъ въ родѣ сжиманія больныхъ членовъ и пр. Главная ея спеціальность женскія болѣзни и между прочимъ сифилисъ («мерес»). Но чаще всего, что «бё» и «удган» болѣзнь опредѣляютъ, разсматривая серебряную монету, предложенную больнымъ, а лѣчатъ, удаляя изъ кибитки вредоносную вещь. Нерѣдко въ одномъ лицѣ «удган» или «бё» сливается еще «задчи», вѣдуны, повелители грома и молніи и вызыватели дождя. Если такого знахаря просятъ калмыки напр. о дождѣ, то онъ выходитъ на бугоръ, нашептываетъ надъ камнемъ, потомъ имъ третъ объ одежду, и, по мнѣнію калмыковъ, въ результатѣ подобныхъ манипуляцій «является скоро дождь съ громомъ и молніею». Другіе «задчи» обладаютъ силою управлять змѣями, и когда нужно вызвать грозу и дождь, то такой человѣкъ беретъ змѣю за хвостъ, а голову ея кладетъ въ воду и держитъ такимъ образомъ, нашептывая таинственныя слова нѣкоторое время, послѣ чего «является туча и дождь». Если «задчи» захочетъ, чтобы туча прошла мимо него, то беретъ свѣжій аргасунъ и бросаетъ его вверхъ, по направленію къ тучѣ, произнося при этомъ заклинанія, и «туча раздѣляется на двѣ половины и дождь проходитъ по обѣимъ сторонамъ, минуя знахаря».

Въ разрядѣ народныхъ знахарей калмыковъ находятся еще «одчи» — костоправы, которые лѣчатъ исключительно вывихи, переломъ костей какъ у людей, такъ и у животныхъ; лѣченіе ихъ совершенно механическое. Костоправовъ довольно много въ степи и нѣкоторые изъ нихъ пользуются славою опытности и имѣютъ большую практику **).

Благодаря легковѣрію и любви калмыковъ къ лѣченію, слава лѣкаря, которая всегда вызываетъ и хорошія приношенія, пріобрѣтается очень легко, и любой гелюнгъ, запасшись какимъ-нибудь средствомъ отъ одной болѣзни, въ родѣ хотя бы хины, и окруживъ свое лѣченіе секретомъ и таинственностью - быстро пріобрѣтаетъ паціентовъ. Но собственно услугами знахарей пользуются или бѣдняки, для которыхъ «эмчи» и религіозныя церемоніи не доступны, или же и люди состоятельные, но уже послѣ того, какъ лѣченіе у послѣднихъ не принесетъ пользы. Лѣченіе калмыцкихъ «эмчи» (лекарей) помимо приниманія разныхъ снадобій и измѣненій въ питаніи (о чемъ говорится подробно въ отдѣлѣ о духовенствѣ) сопровождается многими обрядностями, изъ которыхъ двѣ носятъ народный характеръ. По воззрѣніямъ калмыковъ самыми радикальными средствами для выздоровленія признается «кюрюм» (или «хорюм») — выкупъ за жизнь. «Хорюм» состоитъ въ богослуженіи, совершаемомъ надъ боль-

*) На фактъ лѣченія калмыковъ татарскими знахарями, о чемъ можно слышать нерѣдко по окраинамъ степи, мнѣ пришлось натолкнуться въ 1884 г. въ Яндыковскомъ улусѣ. Калмыкъ серебряникъ Керетова р. аймаку зайс. Салтанова привезъ къ себѣ изъ с. Солянки (ок. Калмыцк. Базара) татарскаго лѣкаря для леченія своей жены, которая сошла съ ума и потеряла способность говорить. Татаринъ явился въ степь въ сопровожденіи еще двухъ лицъ, въ видѣ работниковъ. Практики оказалось много: кромѣ больной жены привезшаго его калмыка, татаринъ лѣчилъ еще дѣвушку, которая лишилась волосъ на головѣ, лѣчилъ старика отъ боли въ спинѣ и многихъ другихъ. Лѣченіе его сопровождалось писаніемъ на бумагѣ по-татарски какихъ-то словъ, которыя вручались для храненія больнымъ, и даваніемъ всѣмъ одного и того же лѣкарства изъ привезенной съ собою бутылки, а также отбираніемъ вещей, вредныхъ для больныхъ (ружья, украшенія и пр.). За свое лѣченіе, кромѣ вещей, онъ бралъ овецъ, козъ и даже у одного взялъ корову.

**) Въ Яндыковскомъ улусѣ слылъ за умѣлаго „одчи“ калмыкъ Керетова р. Маджи Багаевъ, но особенно славился въ Эркетеневскомъ улусѣ опекунъ Цатанова р. Сарранъ Эрдніевъ; практиковала и дочь послѣдняго, находившаяся въ замужествѣ въ Мочагахъ за калмыкомъ Экъ-Багутова р. Аваджи Мунаджіевымъ.

нымъ и сопровождаемомъ обязательно жертвами со стороны семьи больного въ пользу хурула или духовенства части семейнаго имущества. Такое цѣлебное молитвословіе совершается всегда торжественно, съ хурульною музыкою, при участіи многочисленнаго духовенства, (человѣкъ 20 напр)., требуетъ обильныхъ издержекъ (напр. косяка лошадей въ жертву хурулу и платы участникамъ изъ духовенства—рубля по два каждому) и подъ силу лишь людямъ весьма состоятельнымъ; но для семей, не способныхъ къ подобнымъ издержкамъ, «хорюм» замѣняется средствомъ не менѣе цѣлебнымъ, но болѣе простымъ—удаленіемъ изъ хозяйства больного какого-нибудь предмета, причиняющаго болѣзнь. Дѣло въ томъ, что въ числѣ причинъ болѣзней, по воззрѣнію калмыковъ, видную роль играютъ темныя силы, которыя, избравъ для себя орудіемъ какой-либо предметъ въ хозяйствѣ (напр. цѣнный лапшикъ, дорогую чашку, лошадь извѣстной масти и т. д.), причиняютъ комулибо изъ семьи болѣзненныя страданія, а потому достаточно удалить такіе вредоносные предметы для данной семьи или лица, и болѣзнь прекращается. Искусство отыскать гибельный для здоровья предметъ и указать способъ удаленія его и принадлежитъ ламаитскимъ «эмчи», и обыкновенно наиболѣе благотворнымъ способомъ признается пожертвованіе тѣхъ или другихъ предметовъ на хурулъ или духовному лицу. Но когда надъ больнымъ испробованы разныя средства лѣченія, и они оказались безполезными,—а спрошенный зурхачи признаетъ, что причина болѣзни—дѣйствіе какоголибо злого духа на больнаго, тогда совершается еще церемонія выселенія, переселенія или отвлеченія этого духа отъ больного («ясалгàн» или «дàрылгà ясалгáн»). Приглашается въ кибитку больного гелюнгъ, который дѣлаетъ изъ тѣста разныя фигуры—свиней, козловъ, обезьянъ, лошадей и пр., вообще фигуръ 10 и болѣе, разставляетъ ихъ на кошмѣ у изголовья больного, читаетъ молитвы и ведетъ продолжительныя бесѣды съ фигурами, передвигая ихъ въ тоже время съ мѣста на мѣсто, переноситъ имя больного на эти фигуры и въ концѣ концовъ выходитъ изъ кибитки и забрасываетъ слѣпки *).

Средство врачебное, получаемое также отъ представителей религіи, это «бу», которое не столько лѣчитъ, сколько предохраняетъ отъ болѣзней и имѣетъ характеръ талисмана. Гелюнгъ, къ которому калмыки обратились бы за «бу», пишетъ на бумажкѣ священныя изреченія, зашиваетъ въ матерію и надѣваетъ на шею паціенту, и съ того момента «бу» уже не снимается. Видовъ «бу» много—есть «бу» отъ болѣзни, «бу»—отъ испуга, «бу»—отъ грозы и пр.; но только «цакилган» или «цаклаган» «бу» отъ грозы можетъ принадлежать не лично одному лицу, а всей семьѣ, и потому хранится въ кибиткѣ на ряду и вмѣстѣ съ другими бурханами.

Сходное дѣйствіе съ «бу» имѣетъ и «мирде» (о которомъ говорится въ главѣ о духовенствѣ), ему приписывается цѣлебное свойство, а потому и «мирде» возлагаютъ на больныхъ.

Смерть въ семьѣ калмыка имѣетъ всегда потрясающее дѣйствіе, и мертваго члена семьи калмыки не столько жалѣютъ, какъ боятся. «Мертвецъ самъ не сознаетъ,—говорятъ калмыки,—что онъ умеръ, а чтобы убѣдиться, живъ ли, или умеръ, онъ ступаетъ ногой въ золу очага, и если не окажется слѣда на золѣ, то это значитъ, что онъ умеръ. Онъ все слышитъ, что дѣлается вокругъ него, и если что либо происходитъ непріятное, то сердится и грѣшитъ, а потому-то надъ умершимъ, пока онъ не похороненъ, читаютъ молитвы», чтобы отвлекать и его и присутствующихъ.

Мертвеца оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, пока не явится зурхачи и не опредѣлитъ по сличенію времени рожденія и смерти, какому виду погребенія слѣдуетъ предать покойника; послѣ этого сверхъ одежды, въ какой умеръ человѣкъ, завертываютъ его въ кошму или коверъ всего и обвязываютъ тесьмами, такъ что трупъ какъ бы запеленывается. Зурхачи не только опредѣляетъ погребсти умершаго въ водѣ, въ землѣ, въ деревѣ, въ желѣзѣ или же въ огнѣ, но еще назначаетъ въ какую сторону обратить головой, дать ли трупу лежачее, сидячее или другое положеніе, и какъ только всѣ указанія получены, семья спѣшитъ приготовленіями къ похоронамъ, которыя скоро и заканчиваются безъ всякой торжественности. Исключеніе представляетъ погребеніе черезъ сожженіе, но не фиктивное, какое бываетъ у бѣдняковъ, когда въ могилу бросаютъ огонь только, а фактическое, доступное людямъ состоятельнымъ. Погребеніе черезъ сожженіе признается не только почетнымъ, но и особенно полезнымъ для загробной жизни человѣка и потому считается великимъ счастьемъ, если кому выпадаетъ на долю сожженіе. Фактически сжигаютъ только ламъ, бакшей, гелюнговъ, нойоновъ и зайсанговъ.

Церемонія сжиганія состоитъ въ слѣдующемъ. Копаютъ яму вблизи хурула въ сажень глубины и въ ростъ умершаго человѣка длины; по короткимъ сторонамъ этой ямы дѣлаютъ еще двѣ маленькія ямы одинаковой глубины съ первой и соединяютъ ихъ съ середней ямой подземной галлереей. Въ центральную яму ставятъ таганы и кладутъ хлопокъ или вообще что-либо легко-воспламеняющееся и обливаютъ масломъ. До сожженія покойника чисто обмываютъ, одѣваютъ въ особый костюмъ и шапку, съ нарисованными на ней бурханами, облѣпляютъ всего писанными молитвами, сажаютъ на скамейку и, поддерживая его въ такомъ положеніи, несутъ, какъ бурхана, въ сопровожденіи духовенства съ хуруль-

*) „Ясылган“ совершается вообще при перемѣнѣ имени (наприм. у невѣсты — „сюрь ясалган“), когда хотятъ оградить человѣка отъ дѣйствія злого духа, напр. новорожденнаго въ семьяхъ, гдѣ дѣти умирали и т. д.

ной музыкой и народа, сначала вокругъ хурула, а потомъ и къ ямамъ. Здѣсь покойника снимаютъ со скамейки, надѣваютъ на него мѣшокъ изъ коленкора, который скрываетъ его совершенно и кладутъ въ длинную яму на таганы. Начинается богослуженіе, и при пѣніи опредѣленныхъ молитвъ гелюнги, держа въ рукахъ длинные шесты съ горящею на концахъ ватою, насыщенною масломъ, слегка касаются покойника, наконецъ въ одинъ изъ моментовъ они зажигаютъ хлопокъ въ ямѣ; богослуженіе продолжается, пока покойникъ не сгоритъ. Послѣ того надъ ямами ставятъ кибитку, и въ ней остается на ночь нѣсколько человѣкъ сторожить. На другой день изъ золы выбираютъ кости, а ямы засыпаютъ; кости пережженныя толкутъ и наполняютъ ими сдѣланные изъ тѣста сосуды въ видѣ храмовъ и хранятъ въ ящикахъ какъ святыню, и потомъ раздаютъ этотъ костяной порошокъ, конечно, въ самыхъ минимальныхъ частяхъ ѣсть больнымъ.

Такъ какъ послѣ смерти душа покойника еще 49 дней находится—по воззрѣнію калмыковъ—въ пути къ новому своему обиталищу, то, чтобы ускорить и облегчить этотъ путь, а также уменьшить ея грѣхи земные, семья покойника совершаетъ богослуженія и приноситъ дары духовенству и хурулу: обыкновенное явленіе, что въ хурулъ и въ руки духовныхъ лицъ переходитъ за это время все лично принадлежащее покойнику имущество — одежда, украшеніе и пр., а кромѣ того даются еще деньги и животныя: бараны, коровы и лошади.

Въ кибиткѣ покойника тоже предпринимаются нѣкоторыя мѣры для облегченія загробнаго странствованія души покойника, именно, въ теченіе всѣхъ 49 дней въ кибиткѣ горитъ неугасимая «зулу» (лампада) и въ это время семейство старается ничего не дѣлать, кромѣ самаго необходимаго, какъ приготовленіе пищи, уходъ за скотомъ, особенно же избѣгаютъ въ это время шить, плести, ткать, такъ какъ нитки, которыми будетъ производиться работа, «станутъ спутывать ноги покойнику и замедлятъ его путешествіе». Кромѣ того кибитка переносится на другое мѣсто и очищается молитвословіемъ духовнаго лица.

Бракъ, родины, болѣзнь, погребеніе и годовыя жертвоприношенія—все это событія съ характеромъ нормы, неизбѣжности, которыя необходимо уже повторяются въ жизни каждой кибитки; но встрѣчаются конечно еще у калмыковъ и событія экстраординарнаго характера, которыхъ повтореніе въ каждой кибиткѣ болѣе или менѣе случайно, не обязательно, но которыя въ свою очередь имѣютъ уже выработанный обычно-обрядовой ритуалъ.

Къ такимъ явленіямъ относятся: а) *пирушки*, б) *арько-вареніе* и в) *обычаи гостепріимства*.

Пирушки у калмыковъ, кромѣ свадебныхъ и родинныхъ, главнымъ образомъ связываются съ посѣщеніемъ гостей, ради которыхъ и устраивается гулянье. Пирушки бываютъ двухъ видовъ: съ танцами и безъ нихъ; на послѣднихъ обыкновенно присутствуютъ люди пожилые, и всякая пирушка складывается изъ питья арьки, причемъ произносятъ болѣе или менѣе торжественно-вычурныя «ёрали» (пожеланія), и угощенія мясомъ, чаемъ, кумысомъ и пр. Гораздо оживленнѣе пирушки съ танцами и пѣснями, гдѣ присутствуетъ и главную роль играетъ молодежь. Такія увеселенія всегда происходятъ ночью, начинаются, когда уже на дворѣ стемнѣетъ и оканчиваются съ разсвѣтомъ. Во всѣхъ частяхъ калмыцкой степи «вечерянки», какъ ихъ называютъ сами калмыки, совершаются настолько по одному и тому же шаблону, что описаніе одной изъ нихъ совершенно вырисуетъ характеръ ихъ.

Когда на дворѣ стемнѣетъ, въ кибитку начинаютъ входить сначала женщины, рѣдко въ одиночку, большею же частью группами, а позже являются уже и мужчины, и напротивъ чаще по одному. Гости всѣ располагаются всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ. У кровати сидятъ хозяева: мужъ у изголовья, жена у ногъ. Отъ хозяевъ направо къ двери располагаются на постланныхъ шердыкахъ мужчины по старшинству лѣтъ и сословія (духовныя лица и зайсанги ближе къ хозяину), въ одинъ или въ нѣсколько рядовъ, смотря по числу гостей, налѣво все пространство отъ хозяйки и до дверей въ соотвѣтствующемъ же порядкѣ женщины. Около хозяина, или около одного изъ гостей мужчинъ, ставится сосудъ съ арькой и двѣ или одна чашка («а́га»); изъ среды же женщинъ выдѣляется музыкантъ на домбрѣ («домбрйчй»), который и располагается около порога съ лѣвой стороны. Пирушку открываютъ мужчины. Поднимаются, по приглашенію хозяина, два лица, хорошо въ калмыцкомъ смыслѣ поющихъ, берутъ въ руки по чашкѣ, которыя наполняются арькой, становятся передъ почетнѣйшими изъ гостей мужчинами, не выключая и хозяина, и затягиваютъ пѣсню. (Обыкновенно «уту́ дун», или «шаштыр дун» — длинную, протяжную). Пропѣвши нѣсколько куплетовъ, пѣвцы останавливаются; гости, не вставая, берутъ изъ рукъ чашки, молча выпиваютъ арьку и чашки возвращаютъ, послѣ чего пѣвцы доканчиваютъ уже пѣсню. Вслѣдъ затѣмъ мужчины садятся, передавъ чашки свои предварительно двумъ женщинамъ, вставшимъ по предложенію хозяина. Женщины въ такомъ же порядкѣ, какъ и мужчины, подносятъ арьку сначала всѣмъ мужчинамъ по порядку старшинства, какъ они сидятъ, а затѣмъ и женщинамъ, начиная съ хозяйки или почетной гостьи и подвигаясь къ двери. Если кто изъ гостей не пьетъ арьки, то онъ долженъ отвѣдать («амсху арька́»). Когда всѣ гости обнесены разъ, то первую пару женщинъ смѣняетъ другая, но теперь арьку предлагаютъ однимъ мужчинамъ, строго придерживаясь порядка старшинства. Женщинамъ водки уже не предлагаютъ, а вмѣсто того передъ ними ставятъ одинъ или два раза въ вечеръ «сладкія угощенія»—пряники, борцокъ и т. п.

Всю ночь съ самыми короткими перерывами про-

исходятъ въ одномъ и томъ же порядкѣ пѣніе и питье арьки. Одновременно съ этимъ происходятъ также безпрерывно и танцы, начинаясь послѣ того, какъ обнесутъ арькой всѣхъ гостей въ первый разъ.

Сначала вечера обыкновенно танцуютъ въ одиночку, потомъ по два, и лишь дѣти танцуютъ въ бо́льшемъ количествѣ. Только первый танцоръ встаетъ по приглашенію хозяина; остальныхъ же приглашаетъ самъ танцующій: онъ прикасается слегка къ лѣвому плечу одного изъ присутствующихъ, и тотъ смѣняетъ его, и такое приглашеніе носитъ названіе «бйгѐн ögенѐ». Танцоръ всегда становится противъ «домбрйчй» лицомъ къ нему; если же танцуютъ двое, то становятся одинъ за другимъ, лицомъ все-таки къ «домбрйчй», причемъ если участвуетъ женщина, то она становится впереди, а мужчина сзади ея.

Домбра раздается безпрерывно всю ночь, причемъ уставшій музыкантъ смѣняется другимъ, танцующіе безпрерывно являются и порядокъ такой нарушается лишь эпизодами въ родѣ, наприм., слѣдующаго: танцуетъ какой-нибудь ребенокъ-сирота или бѣднякъ и онъ, по приглашенію хозяина, протанцовавши передъ домбрйчй, начинаетъ пѣть какую-нибудь шутливую или дѣтскую («ахархан-дун») пѣсню и, приплясывая обходитъ съ протянутыми руками всѣхъ гостей, (держась порядка все-таки старшинства), а гости дарятъ его мелкими монетами.

Женщины сидятъ все время пирушки совершенно спокойно и по виду безучастно къ происходящему: рѣдко проскользнетъ улыбка или раздастся сдержанный шопотъ; мужчины же ведутъ себя развязнѣе и, по мѣрѣ выпитой водки, языкъ все болѣе и болѣе развязывается. Сначала пѣніе и танцы происходятъ спокойно, но потомъ въ поощреніе пѣвцовъ и танцоровъ начинаютъ раздаваться возгласы: «хадрысь!» (бодрѣй!) «ёркгѐ!» (выше!) Возгласы сначала прорываются въ одиночку, а потомъ становятся общимъ крикомъ всѣхъ мужчинъ, причемъ каждый кричитъ, что̀ есть силы.

Къ концу вечеринки ряды мужчинъ видимо начинаютъ рѣдѣть; по мѣрѣ того, какъ хмѣль одолѣваетъ, мужчины незамѣтно выходятъ изъ кибитки и уже не возвращаются. Каждая вечеринка заканчивается ужиномъ; рѣдко предлагаютъ чай, а обыкновенно баранину. Причемъ сначала ужинъ подаютъ женщинамъ и только уже остатки отъ женщинъ въ тѣхъ же посудахъ, что ѣли женщины, передаются мужчинамъ. Послѣ ужина встаютъ женщины и уходятъ, и «вечерянка» заканчивается.

Танцы калмыковъ совершенно оригинальны и однообразны: они состоятъ въ движеніи рукъ, притопываніи на одномъ мѣстѣ съ небольшими легкими, мѣрными скачками справа налѣво и слѣва направо и съ весьма рѣдкими круговыми движеніями. Прежде всего у танцующаго руки поднимаются вверхъ, причемъ у богато одѣтыхъ женщинъ рукава свѣшиваются настолько, что закрываютъ кисти рукъ; у мужчинъ же, напротивъ, кисти открыты и движенія пальцевъ составляютъ одну изъ фигуръ танца. Характерный пріемъ въ танцахъ состоитъ въ томъ, что когда одна рука поднимается вверхъ и впередъ, другая опускается внизъ и назадъ, причемъ кисть руки выворачивается нѣсколько впередъ (и вверхъ) и назадъ (внизъ), движеніе происходитъ медленно и едва замѣтными для глазъ прыжками, особенно вверхъ; когда рука поднялась вверхъ, она вытягивается во всю длину и у мужчинъ мускулы сильно напрягаются. По временамъ одна рука берется въ бокъ, а другой въ это время дѣлаются движенія почти круговыя сверху внизъ. По временамъ рука опущенная внизъ загибается назадъ, причемъ танцующая женщина попеременно то правою, то лѣвою рукою, именно верхнею частью кисти слегка третъ по боковой поверхности одежды, производя особый шелестъ. У мужчины движенія рукъ сопровождаются судорожными подергиваніями то всего стана, но такъ, что нижняя половина корпуса не принимаетъ участія въ судорогахъ, то судорожное движеніе, постепенно возростающее въ силѣ и скорости, охватываетъ поочередно то правое, то лѣвое плечо, то весь корпусъ слегка наклоняется впередъ, а голова при этомъ впередъ и нѣсколько въ сторону. Пальцы рукъ у мужчинъ, при поднятіи вверхъ, тоже движутся то вмѣстѣ, то порознь. Что касается движенія ногъ, то женщины танцуютъ почти на одномъ мѣстѣ съ едва замѣтными легкими передвиженіями то вправо, то влѣво, при этомъ обѣ ноги движутся легко, плавно и положеніе всего корпуса женщины при танцѣ ровное, спокойное. У мужчины движенія энергичнѣе, требуютъ болѣе мѣста и изрѣдка бываютъ круговыя.

Однообразіе и бѣдная варіировка частностей въ танцахъ калмыковъ связывается теперь уже довольно установившимися пріемами, исполненіе которыхъ обязательно болѣе или менѣе для всякаго танцующаго. Главныхъ установившихся пріемовъ, или фигуръ въ калмыцкомъ танцѣ собственно пять: 1-я фиг. «тошна»,—когда ноги дѣлаютъ поступательныя движенія справа налѣво и слѣва направо; 2-я фиг.— «сюбеган тӱлнѐ», когда руки берутся попеременно въ бокъ и производятся судорожныя движенія плечами; 3-я фиг.—«доро̀ орнэ̀», когда танцующій нѣсколько пригибается впередъ; 4-я фиг.—«э̂мен цокна», когда дѣлаются еще особыя движенія плечами — вверхъ, сжимая ихъ, и внизъ, расправляя, и 5-я фиг. «иргимэ̀»—обороты вокругъ себя. Самые же танцы не носятъ отдѣльныхъ названій, а называются по мотивамъ игры на домбрѣ: «чикин-ден», «тӱ̂ла» (заяцъ) и пр.

Музыкальный инструментъ, подъ игру котораго производятся танцы, — это «домбы́р». «Домбы́р» имѣетъ большую аналогію съ великорусской балалайкой, хотя форма ея болѣе разнообразится, чѣмъ послѣдняя. Устройство ея такое: къ невысокому ящику 3-хъ угольной или закругленной формы (фиг. 40) придѣлана длинная ручка, такъ что весь инстру-

ментъ въ длину бываетъ болѣе 1 аршина. Струнъ въ домбрѣ двѣ—басъ и прима, настроенныя въ унисонъ: на ящикѣ струны привязываются къ колышкамъ и поддерживаются, какъ въ скрипкѣ подставкой («тепке́»), а на ручкѣ натягиваются двумя колышками («чикѐн»); вдоль ручки расположены 8 ладовъ («берне́»), навязанныхъ изъ струнъ.

Игра на домбрѣ производится такъ, какъ и на балалайкѣ, т. е. легкими движеніями рукъ слѣва на право ударяютъ по струнамъ и, само собою разумѣется, что звуки получаются глухіе, тихіе, и самая игра совершенно однохарактерна. Только благодаря небольшому пространству кибитки пляска подъ домбыръ возможна; иначе звуковъ инструмента не было бы слышно; при большихъ собраніяхъ иногда разомъ играетъ 2—3 домбры. Инструментъ настолько не сложенъ, что обыкновенно его дѣлаетъ каждый калмыкъ себѣ и только немногіе покупаютъ. Цѣна хорошей домбры 2 р. Струны для нея выдѣлываютъ калмыки изъ кишекъ овецъ.

Нерѣдко игра на домбрѣ служитъ лишь акомпанементомъ къ пѣнію пѣсенъ шутливыхъ («ахархан дун») и историческихъ («хŷчин цâга́н дун»).

Болѣе пріятный, но весьма рѣдко встрѣчаемый уже теперь въ степи музыкальный инструментъ «ятăга́». Этотъ инструментъ скорѣе всего можетъ быть названъ 8-ми струнными гуслями. «Ятăга́» (фиг. 41 *а*) представляетъ собою длинный ящикъ аршина въ $1^1/_2$ и даже болѣе, изогнутый въ одномъ мѣстѣ подъ тупымъ угломъ; толщина ящика около $^1/_4$ арш., а ширина около $1^1/_2$ четв.; короткая часть изгиба представляетъ собою ножку; на противоположномъ отъ изгиба концѣ ножка («кэль») сдѣлана въ видѣ подставки. По всей нижней поверхности инструмента сдѣланы небольшія круглыя отверстія, а на верхней — помѣщены металлическія струны, которыя на прямомъ концѣ «ятăга̀» укрѣплены колышками («шикширге») неподвижно, а на другомъ, именно на ребрѣ изгиба («дер») натягиваются посредствомъ ключа подвижными колышками («чикин»). Каждая изъ 8-ми струнъ поддерживается довольно высокими деревянными подставками («тепке́»), которыя располагаются не врядъ, а какъ показано на рисункѣ. При игрѣ «ятăга̀» ставятъ на землю, музыкантъ, сидя около нея, правой рукой перебираетъ струны близко къ концу ихъ, а лѣвой ладонью руки надавливаетъ ихъ позади подставокъ, чѣмъ и измѣняетъ тоны. Переборъ струнъ бываетъ двухъ родовъ: то струны берутъ пальцами, какъ въ игрѣ на гитарѣ, то ихъ отбиваютъ ногтями пальцевъ. Игра на «ятăгѣ» довольно мелодична.

Вообще нужно замѣтить, что калмыки любятъ музыку, почти всѣ они играютъ на «домбрѣ», и къ нимъ начинаютъ проникать и русскіе инструменты—скрипка («скрыпка»), гармонія («гармонь»); пришлось встрѣтить въ степи у калмыковъ даже рояль («роель»), аристонъ, музыкальный ящикъ. Самую игру на разныхъ инструментахъ калмыки обозначаютъ разными терминами («цокне́», «дельдѐне́», «татне́»), сообразно съ характеромъ игры, именно: 1) «домбыръ цокнѐ, хонхо (колокольчикъ) «цокнѐ», и рояль «цокнѐ»; 2) «ятăга̀» дельдѐне́», также и «кингерге цанг дельденѐ», (религ. инстр.). 3) «скрыпка татне́», а равно «гармонь», «бичкюрь», «бюря», «дунг татне́».

Второй видъ увеселенія—это арько-вареніе.

Арько-вареніе въ кибиткѣ калмыковъ происходитъ довольно часто: арьку не варятъ только семьи, не имѣющія скота. Особенно сильно идетъ производство арьки весною, когда дойнаго скота много и корма̀ обильны. Тогда рѣдкая семья не варитъ арьки ежедневно, семьи же болѣе богатыя скотомъ варятъ въ день по два и по три раза. Но потомъ, по мѣрѣ уменьшенія кормовъ и пониженія удоя, сокращается и арько-вареніе, а зимою оно и совершенно исчезаетъ: арьку въ это время можно встрѣтить лишь у степныхъ богачей. Обыкновенно въ кибитку, гдѣ варится арька, собираются пожилыя лица, главнымъ образомъ мужчины со всего хотона, такъ что получается всегда родъ пирушки. Самое питье арьки сопровождается обычно-обрядовымъ церемоніаломъ. Когда арька готова, женщина снимаетъ крышку и ставитъ котелъ передъ хозяиномъ кибитки. Послѣдній прежде всего наливаетъ арьки въ «таклын цёкцо» (жертвенную чашку) и ставитъ ее передъ бурханами на «таклын ширэ̂ (жертвенный столикъ) или на барунъ-баранѣ; а затѣмъ совершается обрядъ «зулŷк—эркгĕхѐ», который состоитъ въ слѣдующемъ. Хозяинъ льетъ въ чашку немного арьки и выливаетъ ее въ огонь очага, произнося: «кгалын окын тенгыр иршатыгѐ» (пусть милуетъ насъ огненный Окинъ-тенгиръ); льетъ во второй разъ арьку въ чашку и мечетъ ее въ небо, вверхъ со словами: «деэдын олын бурхан иршатыгѐ» (пусть милуютъ насъ всѣ боги); третью чашку мечетъ въ дверь и говоритъ: «эркнêсю эмельта̀ мёрин бичикгї хоехгетгѐ» (пусть лошадь стоитъ въ сѣдлѣ постоянно); «орши—ортŏга̀, гарпи ботŏга̀, ёха гекію ёбчин ўга̀ болтога̀, ёба̀ икю зарга ўга̀ болтŏга̀» (пусть будетъ приходъ, а не расходъ; да минетъ всякая болѣзнь; да не зовутъ хозяина въ судъ); въ 4-й разъ льетъ арьку на «хапхык» (слѣпокъ изъ глины) со словами: «чингис-бокдо-хан сакŷсын оршаджи́» (пусть милуетъ сакусынъ Чингисъ Богдо-хана); наконецъ, пятую подаетъ уже или почетному гостю, или же, если такого нѣтъ въ кибиткѣ, самъ выпиваетъ, а потомъ уже питье идетъ по порядку старшинства сначала въ ряду мужчинъ, а потомъ въ ряду женщинъ, пока первая чашка не обойдетъ всѣхъ, послѣ чего пьютъ и внѣ порядка. Каждый изъ пьющихъ первую чашку старается произнести «ёраль»—пожеланіе, выраженное въ возможно общихъ витіеватыхъ фразахъ, напр.: «пусть сбудется то, что желаютъ старшіе», или «пусть духовенство укрѣпится, а міръ возвеселится».

Описанный обрядъ «зулŷк экгĕкё» иногда варіируется; напр., къ фразѣ—«пусть милуетъ духъ хра-

нитель Чингисъ Богдо-хана», прибавляютъ «и насъ»; въ рѣчи при литьѣ за порогъ вставляютъ еще фразу: «если кто спроситъ, чья это кибитка, то это кибитка такого-то» (имя и отчество хозяина). Въ улусахъ владѣльческихъ, гдѣ нойоны живутъ въ улусахъ, при литьѣ на «хапхык» упоминаютъ и имя владѣльца. Иногда, если въ кибиткѣ находится русскій чиновникъ или русское лицо вообще, то калмыки прибавляютъ слова «цаган хан» (бѣлаго царя). Но нерѣдко уже среди калмыковъ весь сложный обычай «зулук ергехѐ» практикуется въ сокращенномъ видѣ, именно, при литьѣ арьки въ прежнемъ порядкѣ каждый разъ произносится одна и та же фраза—«цок керхен».

Арька, какъ видно изъ обрядовъ брачныхъ и родинныхъ, играетъ важное значеніе въ бытѣ калмыковъ, но она, кромѣ этого, приносится въ подарокъ и важному гостю, и зайсангу, и нойону, и «бортого арьки» считается довольно почетнымъ подаркомъ. Но еще болѣе цѣнится въ бытѣ калмыковъ арька, какъ угощеніе, непринятіе котораго не только обидно, но и грозитъ несчастіемъ кибиткѣ. Если посторонній входитъ въ кибитку въ то время, когда варится «тепленькая» или только дѣлаются приготовленія къ ея варенію, онъ уже не долженъ уйти раньше, какъ напитокъ будетъ готовъ и гость выпьетъ или хотя отвѣдаетъ его. Относительно другихъ кушаньевъ обычаи менѣе требовательны: зашедшему въ кибитку при вареніи, напр., мяса или чаю, нельзя уѣзжать, не отвѣдавши пищи; но если только дѣлаются приготовленія къ ихъ варенію, то онъ можетъ ограничиться тѣмъ, что броситъ «аргасун» (кизякъ) въ огонь очага, а затѣмъ выйти. Въ такихъ требованіяхъ калмыцкой семьи къ посѣтителямъ ея кибитки выражается гостепріимство калмыковъ, чѣмъ вообще отличаются астраханскіе калмыки.

Кибитка калмыка, кромѣ экстра-ординарныхъ случаевъ, какъ болѣзнь, роды и т. п., всегда открыта для постороннихъ, и каждый калмыкъ, знакомый или незнакомый, заходитъ въ любую кибитку. Онъ входитъ, спокойно садится на мѣстѣ согласно національному этикету, закуриваетъ трубку, принимаетъ участіе въ разговорѣ, какъ у себя въ кибиткѣ; хозяева, если только это лицо не изъ важныхъ, нисколько не нарушаютъ своего порядка въ жизни; но если они станутъ ѣсть или пить что-либо, они обязательно предложатъ и вошедшему. При угощеніи гостя всегда угощаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сѣлъ. Обыкновенно пищу наливаютъ въ чашку, если это чай, или хозяйка кладетъ въ табыкъ мясо, а хозяинъ или слуга держатъ чашку и подаютъ гостю, если онъ старше ихъ; если же онъ моложе, то самъ держитъ чашку, пока хозяйка наливаетъ. Изъ рукъ подающаго гость беретъ чашку лѣвой рукой, а правой передъ зайсангомъ, старухой и вообще передъ уважаемымъ лицомъ дѣлаетъ особый знакъ почтенія, который будетъ описанъ ниже, и начинаетъ пить или ѣсть. Выпивши, онъ молча подаетъ чашку и ему снова наливаютъ; когда же хочетъ отказаться, то произноситъ только «болхо» (довольно). Рѣдко гостя упрашиваютъ еще ѣсть или пить, произнося «эдельтын» (кушайте), и въ свою очередь гость не благодаритъ за угощеніе—это неприлично, равно какъ неприлично и отказаться отъ пищи, когда ее предлагаютъ: нужно хоть отвѣдать («амсху») и затѣмъ передать кушанье меньшему. Угощаютъ калмыки тѣмъ, что у нихъ подъ руками; но при пріѣздѣ и особенно отъѣздѣ важному гостю стараются предложить «бѣлаго напитка»—кумыса или арьяну; пріѣхавшему лицу «бѣлымъ напиткомъ» («напитокъ дружбы и мира») хозяева выражаютъ свой привѣтъ, а отъѣзжающему желаютъ счастливаго пути.

И относительно гостепріимства калмыки мало различаютъ своего отъ инородца: и русскому, и татарину, и армянину хозяева равно предложатъ пищу и въ свою очередь никогда не откажутся отъ угощенія инородца или вообще пріѣзжаго, разъ послѣдній принялъ угощеніе хозяевъ. Вотъ почему калмыкъ не всегда согласится взять или назначить плату, напр., съ чиновника или путешественника за взятое въ его кибиткѣ мясо или молоко; но онъ приметъ въ видѣ подарка не только что-либо съѣстное, или вещь, но даже и деньги.

Гость, по воззрѣнію калмыковъ, важное лицо въ кибиткѣ и на обязанности хозяина лежитъ не только ограждать его личность, но и охранять имущество, и хозяинъ обязывается по требованію обычаевъ даже вознаградить, если бы у его гостя, т.-е. лица, находящагося въ его кибиткѣ, уворована была какая-нибудь вещь. И дѣйствительно, у калмыковъ случаи воровства изъ кибитокъ чрезвычайно рѣдки, а еще рѣже—воровство у пріѣзжихъ.

2. Жизнь хотоновъ: Группировка кибитокъ и виды хотоновъ. Повседневная жизнь. Перекочевки. Игры и забавы.

Отдѣльная калмыцкая кибитка никогда не стоитъ особнякомъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ. Особняки-кибитки—это или кибитки пастуховъ, которые передвигаются за стадами по мѣрѣ вытравливанія ими корма, или кибитки рыбаковъ въ черневыхъ мѣстахъ, сидящихъ отдѣльно ради улова, или, наконецъ, изрѣдка кибитки, промышляющія воровствомъ; послѣднія сидятъ или въ степныхъ низинахъ, или прячутся за возвышенными холмами, вдали отъ дороги; но ихъ количество ничтожное и

главнымъ образомъ онѣ встрѣчаются въ такихъ болѣе дикихъ улусахъ, какъ Эркетеневскій, Харахусовскій и Икицохуровскій улусы. По мнѣнію самихъ калмыковъ, подобныя кибитки служатъ именно передаточными пунктами для воровъ скота. Изъ кибитокъ-особняковъ тоже рѣдкія остаются отдѣльно на зиму, а то и онѣ примыкаютъ къ группамъ кибитокъ.

Вообще же кибитки калмыковъ собираются въ группы, или *«хотоны»*. Какъ можно уже было видѣть изъ свадебнаго обычая, вновь создающаяся путемъ брака кибитка примыкаетъ сразу же къ хотону отца мужа. Такое присоединеніе не чисто механическое, но болѣе внутреннее: новая кибитка есть лишь отдѣльная единица бытовая, но не хозяйственная. Въ хозяйственномъ отношеніи она не стоитъ отдѣльно отъ кибитки отца, братьевъ, а иногда и дяди и племянниковъ, но входитъ въ это хозяйство лишь, какъ составная его часть: невѣстка съ четвертаго дня отправляется уже въ кибитку отца мужа работать, и здѣсь же она и ея мужъ имѣютъ и столъ. Такъ что кибитка отца или старшаго брата, дяди, замѣняющихъ отца, является центромъ для всѣхъ кибитокъ семьи: въ ней происходитъ работа женщинъ, въ ней готовится пища для всѣхъ кибитокъ семьи, изъ нея же исходятъ распоряженія по всему хозяйству. Только по волѣ старшаго, ради спокойствія, иногда кибитка его не служитъ общею кухнею, или же въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ для кухни назначается отдѣльная кибитка. Такимъ образомъ калмыцкая семья лишь въ исключительныхъ случаяхъ отождествляется съ отдѣльною кибиткою, обыкновенно же ее составляютъ нѣсколько кибитокъ, стоящихъ въ разныхъ степеняхъ родственнаго старшинства. Сообразно съ этимъ у калмыковъ выработались обычаи расположенія кибитокъ семьи (фиг. 43): центромъ служитъ кибитка отца (а) или старшаго въ семьѣ, кибитка сына ставится сзади кибитки отца или по лѣвую сторону отъ нея (б); если есть двѣ кибитки сыновей, то кибитка старшаго сына ставится хотя нѣсколько сзади и направо отъ кибитки отца, а второго—сзади и налѣво отъ нея; кибитка замужней дочери (вдовы) выдвигается впередъ кибитки отца направо (в), кибитка сестры (вдовы) ставится рядомъ направо и нѣсколько все-таки впередъ (г), кибитка брата рядомъ налѣво [1]). Нерѣдко впрочемъ дѣлается отступленіе въ расположеніи хотонныхъ кибитокъ отъ требованій родственнаго этикета, но лишь какъ уступка хозяйственнымъ потребностямъ: кибитки располагаются такъ, чтобы скотъ ночью былъ огражденъ какъ можно плотнѣе и со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ получалась бы защита отъ волковъ и воровъ.

Кромѣ того, обычай установилъ требованія и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ семьи, причемъ особенное вниманіе обращено на женщинъ, которыя входятъ всегда въ семьи изъ чужихъ семей. Невѣста, входя въ семью мужа, не называетъ по имени родителей его, дядей съ женами, старшаго брата и вообще старшихъ родственниковъ, а даетъ имъ всѣмъ собственныя названія, («хадымыхў нерын», или «хадмык нерын»), напр. Маджи называетъ Шибѐ, вмѣсто Убуши—Соколта и проч.; это почтеніе распространяется иногда и на собаку семьи, которую невѣстка въ такомъ случаѣ называетъ не «ноха», а «даган». И своими дѣйствіями невѣстка должна выражать уваженіе къ старшимъ: она не можетъ сидѣть, когда отецъ или старшій изъ семьи мужа стоитъ, развѣ только въ это время она займется работою. Входя въ кибитку старшаго, она садится лишь по приглашенію, а выходя, переступаетъ порогъ, оборотившись лицомъ внутрь кибитки. Если ей приходится идти вмѣстѣ съ старшимъ, то она идетъ не рядомъ, а сзади его. Подобнымъ требованіямъ обычая слѣдуютъ и всѣ члены семьи, наблюдая во всемъ старшинство. Напр., при старшемъ лицѣ никто изъ младшихъ, даже его жена одновременно съ нимъ не пьютъ чаю, кумысу и проч., а начинаютъ пить, когда отвѣдаетъ старшій, и пьютъ опять его по старшинству; при равныхъ членахъ въ семьѣ могутъ пить разомъ всѣ, кромѣ жены.

Благодаря такому этикету уваженія, въ калмыцкой семьѣ обыкновенно посуды бываетъ не много, напр. одна, двѣ, три чашки, и затрудненій не происходитъ, потому что чашка послѣ старшаго переходитъ къ младшему.

Семейно-родственное начало составляетъ главное основаніе для группировки кибитокъ въ хотонъ, и родственный хотонъ можно назвать первымъ и основнымъ видомъ хотона, хотя въ чистомъ видѣ эту форму теперь можно рѣдко наблюдать. Но и въ группировкѣ хотона не изъ родственныхъ кибитокъ нельзя не замѣчать слѣдовъ родственнаго принципа, хотя бы только въ видѣ фикціи. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще строго сохраняется обычай, что въ составъ хотона посторонняя кибитка принимается послѣ того, какъ хозяинъ ея дастъ согласіе подчиниться обычаямъ хотона, чѣмъ онъ какъ бы дѣлается родственникомъ. Только родственностью основаній еще не вполнѣ отжившихъ можетъ объясниться такой фактъ, что въ хотонѣ совершенно не родственномъ къ старшему между ними относятся какъ бы къ старшему по родству [1]). Далѣе, каждый хотонъ среди калмыковъ, какъ родственный, такъ и

---

[1]) Сообразно съ такими требованіями обычая, располагаются и всѣ прочія родственныя кибитки. Кибитки калмыковъ, кромѣ перекочевокъ, мѣняютъ часто, недѣли черезъ двѣ, мѣста на одномъ и томъ же пунктѣ, и при этомъ соблюдается правило, что младшій не ставитъ своей кибитки на томъ мѣстѣ, гдѣ была кибитка старшаго, отца, дяди, старшаго брата.

[1]) Напр. въ Мало-Дербетов. улусѣ на урочищѣ Амета Бургуста въ хотонѣ Барунъ-Кетчинерова рода изъ 18 кибитокъ калмыка Баслея (отца Мукебена Баслеева) всѣ хотонные называютъ или — „âва“ (близкіе родственники) или „дâва“ (остальные) и никто по имени.

неродственный, всегда носитъ названіе по старшему въ немъ. На принципъ родства въ организаціи всякаго хотона указываетъ и обычай принятія въ хотонъ сиротъ.

Если, напр., сирота безродный избираетъ себѣ опредѣленный хотонъ для жизни, то даетъ клятву— «ондӑ чарин тöриль», иначе принимаетъ какъ бы присягу на родство и поступаетъ подъ защиту покровителей хотона—«э̆дже абын сакусен», или «уртыксын сакусен», т.-е. умершихъ предковъ. Въ клятвѣ, посредствомъ которой пристаетъ къ хотону сирота, дается обѣщаніе, что клянущійся, его дѣти и дальнѣйшіе потомки будутъ уважать всѣ обычаи и установленія хотона и родства, наприм. жена приставшаго къ хотону не будетъ показывать непокрытой головы передъ старшими хотона, не станетъ называть поименно старшихъ хотона и т. д. На родственное начало въ организаціи хотона указываетъ и обычай помощи однохотоннымъ.

Въ случаяхъ свадьбы, родинъ или несчастія кого-либо, обѣднѣвшій калмыкъ за помощью обращается обыкновенно къ своимъ родственникамъ («тöриль»), а также наравнѣ съ родственниками — къ однохотонникамъ. Для этого онъ покупаетъ водки (или достаетъ арьки) и раздаетъ по бутылкѣ на кибитку, прося помочь ему или поддержать его, и взамѣнъ получаетъ по барану, коровѣ, такъ что составляется цѣлое хозяйство. Такой второй видъ хотона можно назвать составнымъ или смѣшаннымъ или даже сброднымъ.

Въ третьемъ типѣ хотоновъ уже къ родственному принципу примѣшивается начало сословности — это хотоны духовенства, зайсанговъ и нойоновъ. При нойонахъ и зайсангахъ, кромѣ обѣднѣвшихъ, всегда живутъ калмыки въ видѣ прислуги, и послѣдніе носятъ названіе «цохор». Кибитки ихъ, хотя располагаются нѣсколько поодаль отъ семейства зайсанговъ или нойоновъ, но составляютъ одинъ хотонъ съ ними. Такимъ образомъ подобный хотонъ будетъ состоять изъ кибитокъ родственныхъ и кибитокъ крѣпостныхъ людей. Подобное же соединеніе происходитъ и въ хотонахъ хурульныхъ, но только здѣсь «цохор» составляется не изъ подвластныхъ кибитокъ, а изъ кибитокъ призрѣваемыхъ хуруломъ и рабочихъ; («цохор» составляютъ также хотоны при ставкахъ улусовъ).

Четвертый типъ хотона организуется уже на принципѣ хозяйственно-экономическомъ: въ составъ такого хотона входятъ родственныя кибитки человѣка состоятельнаго и его рабочихъ, которые здѣсь уже не называются «цохор».

Наконецъ, въ калмыцкой степи подъ вліяніемъ заработковъ на сторонѣ выработался еще пятый типъ хотона—промышленный, гдѣ кибитки группируются въ силу того, что работаютъ на одного хозяина; это хотоны при рыбныхъ промыслахъ, при соляныхъ озерахъ и проч.

Жизнь внутренняя хотона, по какому бы типу онъ ни сплотился, всегда одинакова и однообразна. Она складывается изъ занятій внѣ кибитки по скотоводческому хозяйству, изъ работъ въ кибиткѣ по сооруженію одежды и изъ приготовленій и пріемовъ пищи.

Калмыки, какъ мы уже сказали въ первой главѣ, готовятъ себѣ пищу въ нормальное время три раза въ теченіе сутокъ. Время, остающееся отъ затратъ на пищу и набиваніе трубокъ, идетъ уже на хозяйственныя занятія, которыя у женщинъ всегда кропотливѣе, сложнѣе и показнѣе.

Едва наступилъ день, еще до восхода солнца, поднимаются женщины и идутъ къ скоту, доятъ коровъ и отряжаютъ скотъ на пашу, здѣсь же вблизи хотона; не отпускаются одни телята, которыя остаются привязанными. Наступаетъ часъ «урюни» — завтрака: женщины готовятъ пищу, и къ этому времени встаютъ уже и мужчины и остальные члены семьи. Ѣда у калмыковъ всегда производится по одному приблизительно такому шаблону: всѣ собрались, пища готова, старшій наливаетъ въ «дѣджин цёкцё» (жертвен. чашку) чаю, или кладетъ въ нее кусокъ мяса или другой пищи, которая сготовлена, и ставитъ ее передъ бурханами («дѣджин берхӯ»), а потомъ пьетъ самъ чай, а за нимъ и другіе; если же сготовленъ «махан», то онъ хозяйкою предварительно раскладывается въ два «табык'а»: одинъ для мужчинъ, а другой для женщинъ. Когда пища съѣдена, дѣти поѣдаютъ и то, что ставилось передъ бурханами.

Послѣ завтрака подростки обоихъ половъ отправляются къ скоту, мужчины идутъ поить скотъ, очищать худуки, копать новые, или же отправляются по дѣлу на сторону, осѣдлавъ лошадь, а не то сидятъ по кибиткамъ и курятъ трубки, а женщины идутъ готовить аргасунъ (кизякъ). Рогатый скотъ всегда ночуетъ въ одномъ мѣстѣ, вблизи кибитокъ, и оставляетъ пометъ; женщины пользуются этимъ, собираютъ его еще свѣжимъ руками, складываютъ въ кучки и, примѣсивши къ нему немного земли, скатываютъ въ вальки, которые, по мѣрѣ накопленія, стаскиваютъ въ одно мѣсто около кибитокъ, гдѣ есть растительность и гдѣ менѣе всего ходитъ скотъ и ѣздятъ люди. Здѣсь тѣсто кизяка раздѣляется на катышки; катышки расплющиваются въ лепешки, продавливаются пальцами, и такія лепешки раскладываются тутъ же на травѣ для просушки.

Промежутокъ между работою на приготовленіе кизяка и обѣдомъ уходитъ на битье масла, варенье арьки и на работы по кибиткѣ: шитье и починка одежды, тканье «хошлым» (тесьмы), пряденье шерсти, плетенье веревокъ и пр. Послѣ обѣда женщины и подростки-дѣвушки, взявши «ӯта» (кожаные мѣшки) отправляются въ степь собирать сухой аргасунъ на топливо и возвращаются съ полными мѣшками къ тому времени, когда наступаетъ уже пора прихода съ пастбища скота, вечернее доеніе коровъ, устройство его на ночь. Остатокъ времени затрачи-

вается на складываніе утромъ разложенныхъ для просушки плитокъ аргасуна: ихъ складываютъ въ круглыя кучи и сверху отъ сырой погоды замазываютъ глиной съ свѣжимъ каломъ; на другой день на ту же кучу кладутъ новыя плитки, и такъ куча ростетъ до того времени, пока хотонъ не откочуетъ. Передъ выкочевкой кучи окончательно замазываются сверху и оставляются на мѣстѣ: это топливо для зимы, и его свезутъ потомъ постепенно въ мѣста, гдѣ будетъ зимняя кочевка.

Мужчины послѣ обѣда обыкновенно спятъ, а тамъ наступаетъ время вечерняго водопоя, когда они отправляются къ худукамъ. Вмѣстѣ со скотомъ возвращаются подростки-пастухи, и къ вечеру собирается вся семья.

Наступаетъ время ужина, и затѣмъ въ хотонѣ воцаряется мертвая тишина. Лѣтомъ калмыки не зажигаютъ огня и съ наступленіемъ полныхъ сумерокъ жизнедѣятельность хотона затихаетъ съ тѣмъ, чтобы съ зарей снова пробудиться.

Зимой картина жизни хотона нѣсколько мѣняется; женщины болѣе сидятъ съ дѣтьми въ кибиткѣ, а зато мужчинамъ въ это время работы прибавляется: на нихъ уже лежитъ забота о скотѣ, бродящемъ въ степи, о сохраненіи его во время шургановъ, объ очисткѣ мѣста отъ снѣга для ночевки верблюдовъ и проч.

Тамъ монотонно проживаетъ хотонъ день за днемъ до новой перекочевки; перекочевка оживляетъ все населеніе. Когда мѣсто для новой кочевки хозяевами хотона осмотрѣно, приступаютъ къ ломкѣ кибитокъ и навьючиванію верблюдовъ. Приводятъ вьючный скотъ и начинаютъ разбирать кибитки, что у торгоутовскихъ калмыковъ выражается словомъ — «разбирать кибитку», а у дербетовскихъ — «ломать кибитку».

Прежде чѣмъ уложатъ верблюда для навьючиванія, кладутъ подъ нимъ два неравной длины аркана, сшитые вмѣстѣ на серединѣ такъ, что скрѣпленіе, обшитое кошмой («кистѐ аргамджà») приходится подъ брюхомъ верблюда. На спину улегшагося верблюда кладутъ прежде всего кошму, выкроенную сообразно съ горбами и самые горбы обертываютъ кошмами, а середину между двухъ горбовъ заполняютъ шубами, овчинами, кошмами. По обоимъ бокамъ верблюда кладутъ или «тѐрмѐ» (рѣшетки) съ надѣтыми по обоимъ концамъ «термúн дуктỳ» (мѣшки въ $^1/_2$ арш. длины, изъ чернаго, краснаго или бѣлаго сукна, бѣдняки обходятся и безъ нихъ), или привязываютъ по связкѣ унинъ, вложенныхъ въ кошемные небольшіе мѣшки (дуктỳ), или, наконецъ, части кровати. Все наложенное обвязываютъ первымъ арканомъ, лежащимъ подъ верблюдомъ, болѣе короткимъ, и образуютъ такимъ путемъ первый нижній вьюкъ, который носитъ названіе «хом». Сверхъ него кладутъ короткій арканъ и потомъ привѣшиваютъ связанные вмѣстѣ или два сундука равнаго вѣса, или два «ỳкюк», связываютъ ихъ арканомъ и на спинѣ скручиваютъ палочкой («тек»); далѣе кладутъ вещи со стороны головы и хвоста и образовавшееся на спинѣ углубленіе — заполняютъ мягкою рухлядью. Все это покрываютъ или большимъ ковромъ, или пологомъ, или кошмой и обвязываютъ по разнымъ направленіямъ длиннымъ арканомъ («эки аргамджи»). Этимъ заканчивается навьючиваніе, и получается «темеи ацан» (навьюченный верблюдъ). Въ томъ же порядкѣ навьючиваютъ и остальныхъ верблюдовъ. Когда всѣ верблюды навьючены, ихъ заставляютъ встать и привязываютъ одного сзади другого всѣхъ верблюдовъ семьи. На верблюдовъ при кочевкѣ навьючиваютъ не болѣе 15 пудовъ, такъ какъ вещи громоздкія. Для средней кибитки нужно 8—12 верблюдовъ, а для бѣдной 3, и только полукибитка навьючивается на двухъ животныхъ. Такимъ образомъ всегда получается довольно большой караванъ. Впереди каравана ѣдетъ верхомъ на лошади (а у бѣдныхъ идетъ пѣшкомъ) хозяйка кибитки и ведетъ за «бурунтук» (поводъ) 1-го верблюда, или же ее замѣняетъ работникъ, и въ такомъ случаѣ хозяйка ѣдетъ рядомъ съ верблюдомъ, гдѣ находятся дѣти, или же сидитъ вмѣстѣ съ ними; на навьюченныхъ верблюдахъ помѣщаются также старики и старухи.

У достаточныхъ людей всѣ члены семьи, которые могутъ ѣздить, т.-е. кромѣ малолѣтнихъ дѣтей и глубокихъ стариковъ, и самъ хозяинъ ѣдутъ на лошадяхъ. Рядомъ съ караваномъ гонятъ и скотъ или работники, или подростки, или самъ хозяинъ. Караванъ идетъ шагомъ, но молодежь, ѣдущая на лошадяхъ, устраиваетъ на пути родъ скачекъ, забавляется, веселится, поетъ пѣсни.

На пути, если переходы большіе, караванъ останавливается, и населеніе его подкрѣпляетъ себя взятыми съ собою на этотъ случай продуктами — молокомъ, кумысомъ, арькой. Если вблизи дороги каравана встрѣчаются хотоны родственниковъ или знакомыхъ, то хотонные приглашаютъ къ себѣ въ кибитки и угощаютъ кочующихъ арькой, кумысомъ, а главнымъ образомъ чаемъ.

На новое мѣсто прежде всѣхъ прискакиваютъ верховые, снимаютъ сѣдла, треножатъ лошадей, разводятъ огонь и закуриваютъ трубки; тѣмъ временемъ подходятъ верблюды и ложатся; вьюки съ нихъ снимаютъ, а ихъ пускаютъ пастись. Начинается немедленно постройка кибитокъ. Если на мѣстѣ кочевки есть уже раньше осѣвшія кибитки, то хозяева послѣднихъ приносятъ прикочевавшимъ чай, кумысъ, аръянъ, поздравляютъ съ новосельемъ. Въ случаяхъ же осѣданія на урочищѣ, гдѣ нѣтъ сидящихъ кибитокъ, то, построивши кибитку совершенно, вносятъ въ нее огонь и прежде всего варятъ чай.

Такимъ порядкомъ совершаются всѣ перекочевки въ калмыцкой степи, исключая первой кочевки послѣ зимы, когда совершается еще такая обрядовая церемонія: послѣ того, какъ навьюченныхъ верблюдовъ поднимутъ на ноги и выравняютъ въ одну линію, на пути, куда предполагается итти каравану,

разводятъ въ два ряда огни, бросаютъ въ нихъ соль, и караванъ проѣзжаетъ между огней.

Но есть уже и отступленія отъ типичной формы перекочевки. Въ черневыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ и верблюдовъ и сухопутной дороги, калмыки кочуютъ на лодкахъ; по окраинамъ степи, гдѣ явился уже въ калмыцкихъ хозяйствахъ рабочій скотъ, кочуютъ и на арбахъ, запряженныхъ верблюдами, и на воловьихъ телѣгахъ. Бѣдняки при недалекихъ перекочевкахъ за неимѣніемъ верблюдовъ вьючатъ лошадей и коровъ.

Въ разныхъ мѣстахъ степи, въ разное время года и при разныхъ условіяхъ погоды, переходы при перекочевкахъ бываютъ далеко не сходны. Весною, когда кормовъ много, переходы небольшіе; лѣтомъ же, при засухахъ, напротивъ, пространства, проходимыя при перекочевкахъ, увеличиваются.

Но вообще въ разъ, за одинъ день кочующій караванъ никогда не проходитъ болѣе 25 верстъ, обязательно уже ночуетъ и даже дѣлаетъ дневку. По проходимому пространству перекочевки обыкновенно самими калмыками дѣлятся на три типа: большая кочевка—около 25 верстъ, средняя—около 20 и малая—около 15 верстъ; эти перекочевки и служатъ собственно у калмыковъ мѣрою вообще пространства подъ именемъ «берй».

Что же касается условій, которыя вызываютъ перекочевки и регулируютъ ихъ, то они довольно многосложны. Существенныя причины, управляющія кочевками астраханскихъ калмыковъ, безъ сомнѣнія, чисто хозяйственно-экономическія и топографическія, но примѣшиваются къ этимъ причинамъ и побужденія обрядовыя, суевѣрныя. Какія бы условія хозяйственныя ни являлись для ускоренія перекочевки, но калмыкъ не послѣдуетъ за ними, не справившись предварительно о тяжелыхъ дняхъ, а такихъ дней не мало бываетъ въ году.

Вотъ списокъ тяжелыхъ дней: каждый мѣсяцъ «ноха эдыр» (дни собакъ), которые въ одинъ мѣсяцъ повторяются два раза, т.-е. въ годъ 24 дня «ноха»; день кочевки годового хозяина; 3, 13 и 23 каждаго мѣсяца въ дни «сарын горбун горбундў», или 36 дней въ году; въ большой черный день «ики хара эдыр» или «кгамба-кгюндзык», каждаго мѣсяца, именно: 7 декабря, 4 января, 21 февраля, 8 марта, 16 апрѣля, 24 мая, 9 іюня, 18 іюля, 27 августа, 10 сентября, 20 октября и 30 ноября, или въ годъ 12 дней; дни спеціально запрещающіе кочевки, именно: 11 и 12 декабря, 8—9 января, 4—5 февраля, 4—5 марта, 2, 3 и 10 апрѣля, 7 и 28 мая, 25—26 іюня, 23—24 іюля, 20—21 августа, 18—19 сентября, 16—17 октября, 13—14 ноября; т.-е. еще 25 дней. Такимъ образомъ въ году бываетъ 98 дней тяжелыхъ, или правильнѣе около 90 дней, такъ какъ въ нѣкоторые дни сходятся и по два запрещенія. Это только дни, обязательные для руководства всѣмъ калмыкамъ. Но есть еще дни тяжелые частные для рода и даже семьи. Напр. въ Шабинеровомъ роду Яндыков. ул., кромѣ общихъ дней, существуютъ еще особые дни: а) «саран горбун дербен дў горчй эбдык ўга», именно 4, 14 и 24 каждаго мѣсяца, когда нельзя выѣзжать даже изъ хотона; б) дни «кгюнцта», когда самъ хозяинъ не удаляется отъ хотона и не даетъ лошади и верблюда для поѣздки другому. Однимъ словомъ, не менѣе $^1/_3$ года нельзя кочевать. Если же какая-нибудь крайность вынуждаетъ въ одинъ изъ назначенныхъ дней кочевать, то хозяинъ долженъ предварительно наканунѣ снять съ кибитки верхнюю кошму, покрывающую харачи. Очевидно, сниманіе кошмы съ кибитки наканунѣ откочевки въ тяжелый день есть уступка хозяйственно-экономическимъ требованіямъ.

Въ степи въ періоды засухъ, когда хозяйство калмыковъ терпитъ и отъ недостатка кормовъ и водопоевъ, одинъ дождь производитъ буквально перестановку кибитокъ; послѣ дождя уже на другой день нерѣдко нельзя найти ни одной кибитки на томъ урочищѣ, гдѣ ихъ было много наканунѣ дождя [1]). При засухахъ кибитки толпятся около худуковъ и колодцевъ ради водопоя, и потому здѣсь въ окружности кормы истреблены, но лишь выпалъ дождь, кибитки немедленно снимаются, идутъ въ глубь степей, гдѣ образовались «цандык'и» (дождевыя лужи) и гдѣ корма, благодаря недоступности степи по безводью въ сухое время, сохранились. Пропускъ въ этомъ случаѣ даже одного дня для хозяйства калмыцкаго имѣетъ весьма серьезное значеніе, и вотъ на такіе-то случаи и сдѣлана уступка, дозволяющая перекочевки и въ неположенные для этого дни, при условіи снятія верхней кошмы наканунѣ запрещеннаго дня. Хозяйственно экономическія причины, вызывающія и регулирующія перекочевки, сводятся къ корму и водопою. Степь калмыцкая въ данный моментъ, при примитивныхъ способахъ ея кочевыхъ обитателей добывать почвенную воду, не равно доступна въ разныхъ своихъ мѣстахъ для эксплоатаціи ея кормовъ: тѣ мѣста степи, гдѣ есть поверхностная вода, или гдѣ подъ силу отдѣльному хотону или группѣ хотоновъ выкапывать себѣ «худук» (копань), обитаемы въ теченіе круглаго года; но есть не мало мѣстъ въ степи, гдѣ поверхностной воды нѣтъ, а почвенныя воды залегаютъ глубоко,—и такія мѣста населяются лишь зимою, или же въ дождливые періоды въ другое время года. Отсюда раз-

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: на урочищѣ Ёбсыръ нкицохуров. ул. при худукахъ до дождей 14—15 августа 1885 г. сидѣли 10 хотоновъ и болѣе чѣмъ сто кибитокъ Зюнгар рода калмыковъ, а послѣ дождя, который образовалъ по степи „цандыки“ (лужи), здѣсь остался одинъ хотонъ въ 8 кибитокъ. На урочищѣ Шолда (Икиц. ул.) 9 августа того же года было 8 хотоновъ, но вода въ худукѣ испортилась, и 14 августа остался только одинъ хотонъ въ 7 кибитокъ. На уроч. Хорто (Эркетенев. ул.) 24 іюля 1885 г. сидѣло болѣе 200 кибитокъ около цандыковъ, разбиваясь на хотоны по 3, 5, 8, 9 и 10 кибитокъ: всѣ они скочевали сюда послѣ выпавшаго здѣсь дождя.

селеніе калмыковъ по степи, группировка ихъ по урочищамъ и по хотонамъ совершенно различны, смотря по состоянію кормовъ и водопоевъ.

Зимою и въ дождливое время года калмыки сидятъ большими хотонами и распредѣляются по урочищамъ довольно равномѣрно, сообразно отношенію наличнаго скота къ корму и водѣ; въ сухое время года картина другая: хотоны раскалываются, мельчаютъ и стекаются въ мѣста худучныя, и цѣлыя пространства степи обезлюдѣваютъ совершенно. Въ годы благопріятные по количеству выпадающей влаги кочевки регулярны, послѣдовательны: съ весны калмыки удаляются отъ зимовки въ глубь степи, а къ осени приближаются къ зимовкѣ, послѣдовательно вытравляя кормъ; тогда-то практикуются малые и средніе переходы—въ 15—20 верстъ за разъ; въ годы же засухъ калмыки мечутся по степи, идутъ зигзагами, скачками, то уходя быстро впередъ, то возвращаются назадъ,—переходы понятно увеличиваются.

Но рядомъ съ хозяйственно-экономическими причинами топографическаго типа вліяютъ на кочевки и причины чисто экономическія; иначе въ степи кочуютъ бѣдняки, иначе среднія хозяйства, иначе богачи,—все зависитъ отъ числа скота и вида скота—лошадей, овецъ, верблюдовъ и рогатаго скота. Бѣдняки, для ничтожнаго количества скота которыхъ не требуется особенныхъ запасовъ корма, тѣмъ болѣе, что рогатый скотъ и верблюды ихъ мирятся и съ скудными кормами, наименѣе подвижны, и перекочевки ихъ вращаются въ сравнительно небольшихъ районахъ; тутъ, конечно, вліяетъ и недостатокъ вьючнаго скота для дальнихъ перекочевокъ. Совершенную противоположность составляютъ степные богачи; ихъ табуны лошадей и стада овецъ быстро истребляютъ подножный кормъ и требуютъ много воды, отчего и является громадность проходимыхъ ихъ стадами пространствъ и частая смѣна кочевокъ. Собственно семьи богачей всегда остаются въ предѣлахъ излюбленныхъ, насиженныхъ мѣстъ, а двигаются безпрерывно лишь ихъ стада съ семьями пастуховъ. Въ благопріятное для скота время, скотъ богачей бродитъ огромными стадами и табунами, и пастухи двигаются за ними съ семьями, осаживаясь небольшими хотонами; въ періоды безкормицы и засухъ стада разбиваются, не останавливаются подолгу на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и тогда пастухи уже слѣдуютъ за ними безъ семей, налегкѣ. Подъ вліяніемъ часто повторяющихся безкормицъ и засухъ въ Астраханской степи выработался и особый типъ кочевки пастуховъ — «хош»: пастухи идутъ за стадами безъ кибитокъ, имѣя при себѣ только вьючнаго верблюда, на которомъ сложена необходимая одежда, съѣстные припасы и посуда, и верховыхъ лошадей подъ себя; вьючный верблюдъ замѣняется иногда арбой. Нельзя не замѣтить, что крупныя хозяйства въ степи являются въ свою очередь регулирующими условіями для перекочевки менѣе состоятельныхъ семей: гдѣ есть крупные скотоводы и гдѣ идетъ ихъ скотъ, тамъ уже нѣтъ мѣста для обитанія среднихъ кибитокъ, только бѣдняки кое-какъ могутъ проживать.

Въ данное время, хотя неодинаково точно и не равно строго, калмыцкая степь уже подраздѣлена фактически не только между улусами калмыковъ, но и ихъ родами и даже болѣе — аймаками, а кое-гдѣ и еще меньшими единицами.

Обитаніе на опредѣленныхъ мѣстахъ съ разными топографическими условіями по вопросамъ о кормѣ и водѣ отражаются и на системахъ кочевокъ по разнымъ мѣстностямъ; тогда какъ степные калмыки въ годъ обязательно проходятъ сотни и тысячи верстъ, калмыки черневые, или приэргенскіе дѣлаютъ десятки и много сотни.

Въ промежуткахъ между перекочевками монотонная жизнь хотона нарушается пирушками по случаю свадьбы, родинъ, пріѣзда гостей, такъ какъ въ увеселеніи одной кибитки принимаютъ участіе и всѣ кибитки хотона. Но существуютъ и другія развлеченія у каждаго хотона—это игры въ шахматы, въ карты и игры-забавы молодежи.

Рѣдкій хотонъ не имѣетъ шахматъ («шатыр») и мало калмыковъ мужчинъ неиграющихъ въ нихъ. Система игры калмыковъ и распредѣленія отдѣльныхъ фигуръ не носитъ ничего оригинальнаго; особенность составляютъ развѣ названія фигуръ: король — «хан», королева или «визарь» — «бирсын» (вельможа), офицер — «темен» (верблюдъ), лошадь — «мёрйн», слонъ или башня — «тергéн» (арба), солдатъ, пѣшка — «кебюнь» (мальчикъ, солдатъ).

Что касается до формы фигуръ, то въ большинствѣ случаевъ шахматы калмыковъ представляютъ просто маленькія деревянныя кругляшки, одноцвѣтныя; черныя же отъ бѣлыхъ отличаются только тѣмъ, что въ одни изъ нихъ вбиты маленькіе гвоздики. Между собою фигуры отличаются то величиною, то числомъ вбитыхъ гвоздей или сдѣланныхъ нарѣзовъ; но иногда попадаются шахматы, гдѣ фигуры отличаются и своею формой (фиг. 44); у богатыхъ зайсанговъ можно встрѣтить покупные шахматы. При игрѣ въ шахматы двухъ лицъ обыкновенно собирается цѣлая группа зрителей, и каждый изъ нихъ своими замѣчаніями и совѣтами принимаетъ участіе въ игрѣ.

Но за шахматами не замѣчается у калмыковъ того возбужденія, которое охватываетъ ихъ въ карточныхъ играхъ. Карты есть заимствованіе у сосѣдей русскихъ, и потому всѣ названія фигуръ, за немногими исключеніями, тоже русскія, только фонетически измѣненныя нѣсколько: тузъ — «туз», король — «кỳруль», королева — «керл», валетъ — «китет», десятка и т. д. называются по числу очковъ («нỳден»); бубны — «бумен», трефы — «сартык», черви — «кезлé», пики — «шетын». Игръ въ карты довольно много и всѣ онѣ азартныя. Вотъ болѣе упо-

требительныя изъ нихъ: «кезырь»—игра въ 7 картъ, «геркю»—въ 4 карты и «ремиз»—въ 3 карты. Играютъ калмыки въ карты съ страшнымъ увлеченіемъ. Калмыцкій архивъ въ Астрахани заключаетъ въ себѣ цѣлую литературу по развитію въ степи карточной игры и по борьбѣ администраціи съ этою язвою въ теченіе цѣлаго столѣтія, но и теперь еще среди калмыковъ не мало случаевъ проигрыванія не только денегъ, но и скота.

Молодежь калмыцкая, кромѣ шахматъ, картъ, борьбы, имѣетъ еще свои особенныя развлеченія, доступныя къ тому же обоимъ поламъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) «Шага̀ на̂дылган»—дѣтская игра въ «альчики» или кости, ничѣмъ не разнящаяся по процессу съ повсюду распространенною игрою русскихъ ребятъ. 2) «Цаган мо̀дон хаэлган»—игра ночная, въ темнотѣ. Предварительно наматываютъ изъ шерсти клубокъ, потомъ играющіе (взрослая молодежь и подростки) раздѣляются на двѣ группы; одна изъ группъ, которой достался по жребію или по соглашенію клубокъ, бросаетъ его въ степь въ направленіи, напередъ условленномъ, и потомъ всѣ играющіе бѣгутъ отыскивать; нашедшій торопится прибѣжать съ клубкомъ до назначеннаго мѣста, на него нападаютъ участники игры изъ другой партіи, а свои защищаютъ; за какой групой останется клубокъ, та его и бросаетъ. 3) «Хорьмѐ хото̀ на̂дху̀»—требуетъ много лицъ и напоминаетъ собою русскую игру въ ворона. Всѣ играющіе становятся одинъ за другимъ, кромѣ одного, который становится противъ этой вереницы; они стараются поймать кого-нибудь изъ играющихъ и увести, а стоящій первымъ защищаетъ, обороняетъ ихъ. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ лица, кромѣ впереди стоящаго, не будутъ отбиты. 4) «Долан ходжгу̀р, неге тöджигир». Изъ числа играющихъ выбирается два лица—сирота и старшина; сирота становится въ сторонѣ, а старшина со всѣми играющими садится на землю; подходитъ сирота къ старшинѣ и говоритъ: «моя мать родила на льду семь голыхъ мальчиковъ и одного плѣшиваго, и проситъ мяса на варево». Старшина указываетъ одного изъ числа играющихъ, говоря: «возьми барана». Сирота приближается къ барану и, закрывъ ему лицо, ударяетъ пальцами въ голову, показавъ предварительно всѣмъ играющимъ, какимъ именно пальцемъ онъ касается; закрытый полой игрокъ долженъ назвать этотъ палецъ, и если не узнаетъ, то уводится сиротой. Такимъ же образомъ уводитъ и второго. Обоимъ уведеннымъ онъ даетъ свои вымышленныя названія. Послѣ этого, явившись и испросивъ позволенія у старшины на уводъ кого-нибудь, закрываетъ послѣдняго полой и вызываетъ по вымышленнымъ именамъ одного изъ двухъ уведенныхъ раньше, а покрытый долженъ узнать, кто именно явился, и если не узнаетъ, то уводится и получаетъ свое названіе вмѣстѣ съ двумя прежде уведенными. Затѣмъ является еще за 4, 5, 6, 7 и т. д., при чемъ всѣмъ уведеннымъ каждый разъ дается прозвище. Когда уже уведены всѣ, кромѣ старшины, то послѣдній отправляется къ сиротѣ и говоритъ ему: «у меня пропалъ теленокъ,—не видалъ ли его сирота»? Послѣдній отвѣчаетъ: «видѣлъ, что твой теленокъ пошелъ за арбой» (или «телѣгой»),—и при разговорѣ выпускаетъ одного изъ уведенныхъ, говоря: «вотъ твой теленокъ». Всѣ пускаются догонять бѣглеца, ловятъ его, и игра заканчивается. 5) «Сар дарагу̀р кгюудык кебюн». Двѣ равныхъ группы играющихъ становятся другъ противъ друга и каждый изъ нихъ крѣпко держится рука за руку. Одинъ изъ играющихъ выкрикиваетъ такія фразы: «Сар дарагур кгюудык кебюн, сяахен бичкюр тäтадык кебюн! Нарын дарагур кгюудык кебюн, нарынь бичкюр тäтадык кебюн! Орун дарагур кгюудык кебюнъ, оночита̀ бючкюр тäтадык кебюн! На̂дзахен кебюн на̂ркгö!» (Подъ луной бѣгающій мальчикъ, играя на прекрасномъ бичкюрѣ (музык. инстр. родъ трубы)! Подъ солнцемъ бѣгающій мальчикъ, играя на тонкомъ бичкюрѣ! Подъ постелью бѣгающій мальчикъ, играя на отличномъ (особливо) бичкюрѣ? Съ ближняго края мальчикъ, бѣги сюда!) Крайній изъ противуположной партіи бѣжитъ и натискомъ старается разорвать въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ руки своихъ противниковъ, и если оторветъ, то отбитая имъ часть уводится въ свою группу и т. д.

Подобныхъ игръ не мало у калмыковъ; есть еще игра денная—«бюсхнапцан», вечерняя—«бильцык бултулган» и пр.

Большинство игръ лѣтнія, производимыя на дворѣ, зимою же все населеніе сидитъ по кибиткамъ и развлекается главнымъ образомъ картами, шахматами и игрою на домбрѣ, если только и это дозволяетъ температура кибитки.

3. Жизнь общественная: Сословныя группы. Церемоніи при здорованіи и встрѣчѣ. Народные праздники.

Между явленіями обычно - обрядоваго быта калмыковъ, которыя не могутъ уже быть пріурочены ни къ жизни отдѣльной кибитки, ни къ жизни хотона, вниманіе привлекаютъ прежде всего явленія изъ области сословныхъ отношеній калмыковъ.

У астраханскихъ калмыковъ существуетъ три сословныхъ группы: 1) высшее по происхожденію, владѣльческое сословіе, нойоно-зайсангское («сеэдут»), 2) низшее по происхожденію, крѣпостное, масса, чернь («харчут»), и 3) сословіе духовное («ховрык»), которое стоитъ внѣ первыхъ обоихъ по своему положенію и связано равно съ обоими по своему происхожденію.

Въ воззрѣніяхъ калмыковъ отношеніе крѣпостного къ своему владѣльцу носитъ еще много слѣдовъ отношенія раба къ своему владыкѣ. Но оригинальности степной жизни во многомъ сглаживаютъ на практикѣ все это: одинаковая степень развитія, однородность обстановки, тождественность занятій сближаютъ въ повседневной жизни господъ съ ихъ рабами. Особенно въ этомъ отношеніи сближающимъ образомъ дѣйствуетъ обстановка проживанія калмыковъ. Кочевки калмыковъ разбросаны на такомъ огромномъ пространствѣ и такъ безпрестанно перетасовываются, что въ степи уже не можетъ быть и рѣчи о сплоченіи, единеніи и изоляціи высшаго сословія: всѣ семейныя торжества, празднества и печальныя церемоніи высшаго сословія непремѣнно вводятъ чернь въ жизнь его и единятъ ихъ, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ чернь является гостями и дѣятельными членами семейныхъ церемоній зайсанговъ и нойоновъ. И брачныя церемоніи, и торжества при родинахъ, и простыя пирушки для высшаго сословія только и возможны подъ условіемъ допущенія въ свою среду всѣхъ своихъ однохотонныхъ, такъ какъ семьи одинаковаго положенія кочуютъ далеко. И обратно, семейное торжество однохотонной кибитки черни сопровождается участіемъ и семьи зайсанга, такъ какъ послѣдняя имѣетъ возможность дѣлить свой досугъ только среди своихъ близъ-живущихъ простыхъ калмыковъ.

Отчасти такому сближенію помогаютъ и взаимные браки обоихъ сословій, хотя пока у калмыковъ смѣшанные браки случаются въ одномъ направленіи: зайсанги женятся нерѣдко на простыхъ калмычкахъ, вводя ихъ въ свою семью, но не выдаютъ своихъ дочерей въ среду простонародья.

Но особенно сглаживаніе между-сословныхъ отношеній происходитъ и должно возрастающимъ образомъ усиливаться, благодаря зарожденію среди калмыковъ довольно сильнаго и теперь уже независимаго класса калмыцкой имущественной аристократіи. Богатство экономическое въ степи есть теперь такая уже сила, передъ которою блѣднѣютъ и исчезаютъ преимущества по рожденію: степной богачъ изъ крѣпостного сословія въ данное время среди калмыковъ не только стоитъ независимо отъ сословныхъ предразсудковъ, но на него калмыцкая масса во многомъ перенесла формы прерогативъ нойоно-зайсангскаго сословія, и передъ нимъ небогатый зайсангъ стоитъ наравнѣ со всѣмъ экономически подвластнымъ ему населеніемъ. Собственно говоря, теперь сословныя привиллегіи зайсанговъ только прибавка къ ихъ экономической состоятельности и юридическому праву.

Нельзя не замѣтить еще одного фактора, разрушительно дѣйствующаго на разложеніе сословныхъ предразсудковъ,—это внесеніе въ калмыцкую среду вмѣстѣ съ грамотою европейскихъ воззрѣній на жизнь и положеніе личности: всѣ калмыки, получившіе образованіе даже въ астраханскомъ калмыцкомъ училищѣ или въ уѣздномъ училищѣ, не говоря уже о побывавшихъ въ гимназіяхъ, фельдшерской школѣ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же занимавшихъ какое либо служебное положеніе въ родѣ переводчиковъ, депутатовъ и пр.,—являются въ сословныхъ традиціяхъ отрицательнымъ началомъ, и ихъ положеніе несомнѣнно такъ или иначе отражается и въ средѣ невѣжественнаго калмыцкаго населенія.

Такъ какъ уже и теперь сословныя привиллегіи зайсанговъ есть только плюсъ къ ихъ экономической состоятельности и юридическому праву, которое исчезнетъ скоро съ отмѣною послѣдняго, то и обычаи и обряды, выражающіе ихъ сословное положеніе, находятся въ періодѣ отживанія. Къ числу такихъ отживающихъ обычаевъ нужно отнести обрядъ «дѣджи», который состоитъ въ слѣдующемъ: ежегодно выборные отъ каждаго рода отправляются порознь къ своему нойону на поклонъ; при этомъ ему несутъ сваренныхъ барана и лошадь и нѣсколько «бортого» арьки. Въ Малодербетовскомъ улусѣ, по показанію калмыковъ, «дѣджи» прекратилось по желанію самого нойона. Также прекратился въ Малодербетовскомъ улусѣ и другой обычай чествованія нойона тѣмъ, что ему доставлялось изъ каждыхъ 10 кибитокъ по одному барану. Такимъ образомъ въ Малодербетовскомъ улусѣ изъ 10000 кибитокъ къ столу владѣльца ежегодно преподносилось цѣлое стадо въ 1000 головъ. Не практикуется

въ Малодербетовскомъ улусѣ также обычай, что въ случаяхъ чествованія нойономъ гостей изъ другихъ улусовъ ему предоставлялось обычаемъ право брать первую попавшуюся скотину и рѣзать на угощеніе. Но всѣ эти отмѣны убыточныхъ для подвластныхъ калмыковъ обычаевъ, впрочемъ, есть дѣло личныхъ взглядовъ теперешняго владѣльца, и они еще могутъ возродиться, такъ какъ существуютъ въ воззрѣніяхъ массъ. Теперь можно наблюдать лишь чествованіе въ видѣ «беликтѐ зâгелган»—посѣщеніе съ подаркомъ при проѣздѣ нойона, или же и дома къ нему являются калмыки на поклонъ съ «бортого» арьки и бараниной, при чемъ несутъ самые почетные куски.

Нойонъ, по воззрѣнію калмыковъ, въ отношеніи остальныхъ является какъ бы хозяиномъ стада: онъ можетъ распоряжаться калмыками, какъ хочетъ, воленъ продать, промѣнять, нанять каждаго простого калмыка. Онъ происходитъ не отъ людей, а отъ боговъ—«тенгкгир изюрта», и есть воплощеніе божества («худилган»). Обмануть, оскорбить нойона—все равно, что оскорбить бурхана. Если бы даже нойонъ и сдѣлалъ несправедливость, то и это ему не будетъ поставлено въ вину: богъ спасаетъ его отъ грѣха. Даже нарушеніе нойономъ обычаевъ народныхъ составляетъ не грѣхъ и не преступленіе нойона, а несчастіе народа. Нойонъ воленъ распорядиться не только простымъ человѣкомъ, но и зайсангомъ и духовнымъ лицомъ. Безъ разрѣшенія нойона не можетъ произойти даже посвященіе манжика въ гецулы, а гецула — въ гелюнги. Вотъ почему, когда теперешнему малодербетовскому нойону было всего 8 лѣтъ, то и тогда испрашивали его позволенія на посвященіе въ іерархическій санъ. Нойонъ же можетъ гелюнга собственной волей обратить въ гецула и даже ниже.

Зайсангство же — это только боковое, родственное поколѣніе нойонскаго рода, или же чаще—служилое сословіе, и потому оно является само подчиненнымъ нойону. Такимъ происхожденіемъ зайсангства объясняетъ калмыкъ и переходъ на него части прерогативъ самихъ нойоновъ. Прерогативы между прочимъ выражаются не только въ сборѣ въ свою пользу денегъ съ извѣстной части крѣпостныхъ, но и въ полученіи обязательныхъ приношеній къ столу ихъ. Въ данное время среди калмыковъ еще въ довольно большой силѣ обычай доставлять къ столу своего аймачнаго зайсанга продукты, и можно еще и теперь встрѣчать зайсанговъ, которые совершенно не трогаютъ своихъ стадъ для своего стола, а получаютъ барановъ отъ аймачныхъ. Существуетъ также по отношенію къ зайсангамъ и обычай—«биликтѐ зâгелган».

Весьма характерно выражаются между-сословныя отношенія у калмыковъ въ церемоніяхъ и пріемахъ здорованія. Здорованье съ нойонами носитъ названіе «цаган берâлган» и состоитъ въ слѣдующемъ: гелюнгъ при встрѣчѣ съ нойономъ приближается къ нему поспѣшно и подставляетъ локоть правой руки, за который слегка беретъ нойонъ; зайсангъ же, а иногда и простолюдинъ, подходя къ нойону, становится на правое колѣно и подставляетъ правое плечо, къ которому прикасается нойонъ; но чаще простолюдины при здорованьи, стоя прямо, дѣлаютъ особый знакъ вѣжливости и покорности рукой: сблизивъ на правой рукѣ, приложенной къ груди, конецъ большого пальца съ среднимъ и указательнымъ, отводятъ быстро руку отъ груди впередъ и двигаютъ пальцами такъ, какъ если бы хотѣли щелкнуть. Здорованье между остальными калмыками называется просто «цагâлган»; при этомъ зайсанги между собою при здорованьи соприкасаются ладонями, гелюнги тоже, но только черезъ спущенный рукавъ верхней одежды, простонародье же съ зайсангами здоровается такъ, что или, ставъ на колѣни, подставляетъ правую руку, которой зайсангъ касается выше локтя, или же, стоя прямо, дѣлаютъ описанный выше знакъ рукой; такимъ же жестомъ простонародье здоровается и съ іерархическимъ духовенствомъ, кромѣ ламы, которому воздаются почести бурхана, т. е. передъ нимъ падаютъ на колѣни, наклоняютъ голову, и онъ касается рукою головы.

Если обращаются съ рѣчью къ нойону или ламѣ, то произносятъ «зергесӱ», «нойона зâргѐ», «лама зâргѐ», къ зайсангу или гелюнгу—просто «зâйсанг», «кгѐлюнкг», и только знатныхъ изъ нихъ величаютъ «зâрге», но никогда никого изъ нихъ не называютъ въ глаза по имени, а употребляютъ соотвѣтственный титулъ («кюнден перын») — нойонъ, лама, зайсангъ и пр.

Привиллегированныя сословія у калмыковъ всегда окружаются слугами, носящими особыя названія: калмыки, живущіе кибитками при нихъ, называются «нтопирмут»; личные слуги при духовенствѣ называются—«сёбӱни», при нойонахъ и зайсангахъ — «яльчи», «яльчирмут», а остальная прислуга, мужчины и женщины—«кетёчи»; съ послѣднимъ же названіемъ бываютъ слуги и при простыхъ калмыкахъ. Нойонъ, зайсангъ и члены ихъ семей не только ѣздятъ въ сопровожденіи слугъ, но слуги сопровождаютъ ихъ, идя на почтительномъ отдаленіи, сзади всегда, куда бы они ни шли; при этомъ за мужчинами идетъ мужская прислуга, а за женщинами женская; у болѣе почетныхъ и важныхъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, сзади ихъ находятся по два лица.

При посѣщеніяхъ кибитокъ не только нойоны и и лама, но также зайсанги и гелюнги чествуются какъ почетные гости и старшіе, помимо ихъ лѣтъ; для угощенія ихъ всѣ семьи, кромѣ крайнихъ бѣдняковъ, держатъ особыя чашки, которыя въ остальное время лежатъ спрятанныя. Относительно же вообще посѣщенія кибитокъ и пріема гостей обычаями калмыковъ устанавливается цѣлый рядъ обря-

довыхъ требованій, въ которыхъ все формулируется отношеніемъ старшаго къ младшему.

Когда входитъ въ кибитку младшій относительно хозяина, то онъ останавливается у порога (мужчины съ лѣвой стороны, а женщины съ правой отъ входа) и ждетъ привѣтствія хозяина: «мендѐ бёта» (здоровъ ли?). Отвѣтивъ «мѐнде» (здоровъ) и сдѣлавъ описанный выше знакъ рукою, (если хозяинъ зайсангъ или іерархическое духовное лицо), вошедшій садится, отступя немного отъ порога послѣ приглашенія хозяина — «сӱ» (садись). Въ присутствіи старшаго младшій садится на оба колѣна; дозволяется иногда садиться и на одно колѣно, но только съ тѣмъ, чтобы подогнуто было колѣно, ближайшее къ старшему. Разговоръ начинаетъ старшій обыкновенно разспросомъ: откуда? кто? за какимъ дѣломъ? и такимъ образомъ подходитъ своими вопросами къ изложенію цѣли посѣщенія. Сдѣлавъ все, что нужно, младшій встаетъ; на пожеланіе хозяина «дäерта харзыне» (благополучно встрѣтиться) отвѣчаетъ «менде баятен» (будьте здоровы) и уходитъ безъ поклона, при чемъ порогъ переступаетъ, оборотившись лицомъ въ кибитку.

При входѣ въ кибитку равнаго, вошедшій произноситъ, «мендѐ бёта» и послѣ «мѐнде» хозяинъ садится, смотря по полу, на правой или лѣвой сторонѣ, какъ ему заблагоразсудится, только этикетъ не позволяетъ ему прилечь; при разговорѣ и прощаніи первенства не наблюдается, и нерѣдко пришедшій поднимается и уходитъ совершенно молча.

Старшаго, особенно зайсанга или гелюнга, хозяинъ выходитъ встрѣчать внѣ кибитки, у дверей, и если старшій пріѣхалъ, то хозяинъ беретъ лошадь подъ уздцы, помогаетъ сойти съ сѣдла и убираетъ лошадь. Старшему въ кибиткѣ гостю предоставляется первенство и при здорованьи и при прощаніи, а также и при разговорѣ, и только съ незнакомыми все-таки начинаетъ разговоръ хозяинъ. Прежде чѣмъ почетное лицо сядетъ, ему постилаютъ «шердык» (кошму) у «барун баран'а» — для мужчины, и у «зюн баран'а» — для женщины.

Садится вошедшій, какъ вздумается, — старшій обыкновенно по-турецки, поджавши ноги, но и старшее лицо не можетъ протянуть даже одной ноги, и лишь ближайшимъ родственникамъ дозволяется прилечь на локоть. Хозяинъ садится въ этомъ случаѣ лишь послѣ гостя и встаетъ разомъ съ нимъ, а если явился нойонъ или старшее духовное лицо, то хозяинъ можетъ сѣсть только по приглашенію гостя.

Если въ кибиткѣ нѣтъ мужчины, а женщина, то здѣсь обращается вниманіе на то, кто старше и по лѣтамъ и по сословію; если же входитъ женщина при хозяинѣ, то, кромѣ зайсангшъ и нойоншъ, всякая женщина считается младшею и идетъ на женскую половину. Зайсангши при пріемѣ посѣтителей, особенно важныхъ, всегда сидятъ у ногъ постели на шердыкѣ или на возвышеніи, поджавши ноги по-турецки. Если пріѣхала женщина, то ей помогаетъ слѣзть съ лошади и сѣсть на лошадь младшій мужчина, у зайсанговъ — мужская прислуга.

Въ разговорахъ младшіе не называютъ старшихъ по имени, а употребляютъ: «кюнден перын», «нойон», «зайсанг», «лама», «бокши», «кгелюнкг», старшихъ изъ простонародья называютъ «эвген» и т. д.

Къ событіямъ обще-народной жизни калмыковъ должны относиться нѣкоторые праздники. Сравнительно съ праздничными днями другихъ народовъ у калмыковъ ихъ бываетъ довольно мало, да и обычаи проживанія въ праздничные дни совершенно оригинальны. Въ самые большіе праздники нарушаютъ повседневную норму жизни только тѣ лица семьи, которыя въ это время отправляются въ хурулы: они одѣваются въ лучшія одежды и остаются праздными; остающіеся же въ кибиткѣ члены производятъ всѣ тѣ работы, которыя дѣлаютъ и въ будніе дни. Такое отношеніе калмыковъ къ праздникамъ объясняется самымъ характеромъ кочевого быта и скотоводческаго хозяйства, при которомъ невозможно сдѣлать ни одного перерыва, или отдать праздности хотя одинъ день: скотъ требуетъ постояннаго и безпрерывнаго ухода и присмотра.

Нѣкоторое исключеніе среди праздниковъ составляетъ «Цаган сара», когда значительная часть калмыковъ собирается при хурулахъ, и калмыцкія семьи одѣваются вообще по праздничному, улучшаютъ пищу, заготовляютъ печенье и принимаютъ гостей. «Цаган сара» бываетъ ранней весною, въ первыхъ числахъ марта, и есть собственно праздникъ весны, послѣ котораго калмыки бросаютъ зимнія кочевки и начинаютъ весеннія, самыя веселыя перекочевки, при достаткѣ кормовъ, обиліи молока и арьки. Но ламаизмъ стремится и этому празднику придать колоритъ узкой религіозности. Ему предшествуетъ чисто церковный праздникъ — «хучин хурул», длящійся съ 24 февраля по 1-е марта по ламаитскому исчисленію, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Икицихуровскихъ хурулахъ) всего одинъ день. Согласно религіозной легендѣ, асимилировавшейся съ народнымъ воззрѣніемъ, въ это время воспоминается моленіе народа объ освобожденіи «Окон-тенгир-бурхун'а» изъ плѣна у мангусовъ, а «Цаган сара» — это празднованіе побѣды «Окон-тенгир'а» надъ этимъ чудовищемъ, и продолжается праздникъ 7 дней. Съ этого времени и по 15-е марта калмыки при здорованіи касаются пальцами правыхъ рукъ взаимно другъ друга повыше кисти, говорятъ «мендѐ» и дарятъ другъ другу мускатные орѣхи («билик») и круглыя печенья въ родѣ лепешекъ — «цельбек». Съ 8 марта и по 15-е праздникъ заканчивается постомъ — «бурхани дюцин» (божій день).

Второй праздникъ, тоже весенній — «Ӱрсын хурул», или «Урус саран хурул», бываетъ въ теченіе

7 дней съ 8 по 15 мая, когда воспоминаются три момента изъ земной жизни Бурхана-Бокши или Сакія Муни: 8-го рожденіе его и обращеніе на 35 году жизни въ святого, а 15-го смерть его послѣ 80 (60) лѣтъ жизни.

Третій праздникъ, лѣтній, 4 іюля, называется «Деныи шинен дюцен», или просто «дюцен», день выхода «Шакджи-Муни» на проповѣдь. Этотъ праздникъ представляетъ собою день особенно полезный для жертвъ и приношеній въ хурулъ: кто пожертвуетъ въ этотъ день копейку, учитъ духовенство, то она будетъ равняться рублю, потому что тогда и добро, равно какъ и зло, воздается сторицею.

Осенній праздникъ, 15-го августа (въ Хошоут. улусѣ 15-го сентября) — «Майдрин хурул», праздникъ въ честь будущаго Мессіи, и въ это время совершается торжественный выносъ бурхана Майдри изъ хурула на возвышенное мѣсто; къ этой религіозной церемоніи стекается много народа.

Поздно осенью, 24 октября, празднуется «Дюцен»—большой постъ въ воспоминаніе Шакджи-Муни, который въ это время вернулся отъ своей матери изъ «Гадын-тенгёри», куда онъ отправлялся по случаю ея болѣзни; но это праздникъ церковный по преимуществу.

Наконецъ, зимою, около 25 декабря, бываетъ «Шин Джил», или «Зула»—Новый годъ.

Однако всѣ исчисленные праздники все-таки пріурочены къ требованіямъ ламаизма и отмѣчаются религіозными церемоніями и богослуженіями; болѣе же запечатлѣны народнымъ характеромъ два празднества калмыковъ: въ декабрѣ — «Джилин эзынтоудын эдыр», т. е. день кочевки хозяина года, и въ концѣ августа или въ началѣ сентября— «Усун оршан», праздникъ освященія воды, когда калмыки собираются у ближайшихъ рѣкъ, озеръ, ручьевъ, прудовъ, или даже «худук'овъ» (степныхъ колодцевъ) или «цандык'овъ» (дождевыхъ лужъ) и послѣ освященія воды духовными лицами устраиваютъ общее угощеніе, но безъ напитковъ. Оба эти праздника подвижные и ежегодно опредѣляются ламаитскими астрологами («зурхачи»).

Глава III-я.

ЛАМАИТСКОЕ ДУХОВЕНСТВО У АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

Ламаитскій монастырь — „хурулъ“. Кибитки-храмы. Изображенія „бурхановъ“ и священныхъ предметовъ. Молельные инструменты. Священные сосуды. Жилыя кибитки духовныхъ лицъ. Одежда духовенства. Священно-служительскія должности. Хурульныя должностныя лица. Обученіе ламаитовъ при монастыряхъ. Обрядовая сторона богослуженія. Хозяйственная организація хуруловъ. Религіозныя и экономическія отношенія духовенства къ народной массѣ. Хурульныя зданія. Численность духовенства.

Астраханскіе калмыки, за выключеніемъ ничтожнаго количества калмыковъ-христіанъ, по религіи— ламаиты, и ихъ безбрачное духовенство («хуврык», или по народному, «хара махла», т. е. желтая шапка) живетъ въ монастыряхъ, которые всегда кочуютъ отдѣльно отъ остальныхъ калмыковъ. Монастырь астраханскихъ калмыковъ обыкновенно называется «хурул», и ихъ во всѣхъ семи улусахъ считается въ настоящее время 63.

Во всякомъ ламаитскомъ монастырѣ всегда бываетъ три рода кибитокъ: а) кибитки-храмы или священныя кибитки («хурля̀ кгер», или «эркгѐ») б) кибитки духовенства («кгелинкг-эркгѐ») и в) кибитки простыхъ калмыковъ («ишкге-кгер»), въ которыхъ живутъ призрѣваемые на хурульный счетъ бѣдняки, хурульные пастухи, и иногда покровители хуруловъ, какъ бы старосты—зайсанги съ своей прислугой.

По внѣшнему виду кибитка-храмъ («хурля̀ кгер») отличается отъ обыкновенной калмыцкой кибитки обязательно бѣлымъ цвѣтомъ кошемъ, а отъ кибитокъ духовенства—центральнымъ положеніемъ среди прочихъ кибитокъ монастыря и величиной: она дѣлается на 10, 12, 16 и даже болѣе рѣшетокъ («тѐрмѐ») и самыя «тѐрмѐ» всегда почти больше обыкновенныхъ по размѣру. Внутри же кибитка храмъ имѣетъ такой видъ: противъ дверей весь сегментъ круга (фиг. 44) занимаетъ возвышеніе («ширѐ») для литыхъ изображеній бурхановъ («шутен» или «цутхўмур бурхан»). Это возвышеніе устраивается изъ сундуковъ и шкафиковъ, покрывается ковромъ и бываетъ двухъ типовъ: или «джанкша» съ уступомъ или ступенькою впереди, или вмѣсто послѣдней впереди ставятся отдѣльные столики. На верхней площадкѣ «джанкш'и» помѣщаются «шутен'ы», а сзади нихъ ящики съ «дарцик'ами»— живописными изображеніями бурхановъ, или же послѣднія лежатъ сзади всего возвышенія, такъ что ихъ не видно за коврами. Впереди возвышенія въ однихъ случаяхъ на уступѣ, а въ другихъ случаяхъ на отдѣльныхъ столикахъ (фиг. 44, I. II) помѣщаются сосуды и приспособленія для жертвопри-

ношеній бурханамъ, для куренія имъ оиміама, для возжиганія свѣтильника и для «аршана»—священнаго напитка.

Отъ жертвенныхъ столиковъ и почти до самой двери въ два ряда идутъ сидѣнья для духовенства при богослуженіи («джабда̀»—фиг. 44, III), именно: разостланы «шердык'и» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не во всѣхъ хурулахъ въ одинаковомъ количествѣ и не въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ «джабда̀») сдѣланы изъ кошемъ четыреугольныя возвышенія для сидѣнья уважаемыхъ, почетныхъ или должностныхъ лицъ изъ духовенства. Направо отъ «джабда», у стѣны, помѣщается иногда постель (фиг. 44, IV) «бурхачи»—лица́, которому поручена забота и оберегаціе священныхъ предметовъ «хурля кгер»; обыковенно же въ этихъ мѣстахъ, равно какъ и на лѣвой сторонѣ (фиг. 44, V), стоятъ сундуки съ хурульнымъ имуществомъ и помѣщаются нѣкоторые хурульные инструменты, напр. барабаны. Въ промежуткахъ между «джанкша» и рѣшеткой кибитки (фиг. 44, VI), или же, при широкомъ «джанкша», впереди нея, стоятъ «кюрде́»—молитвенные барабаны. Въ проходѣ между сидѣньями духовенства (фиг. 44, VII) помѣщаются во время богослуженія крошечные столики; въ другое же время эти столики стоятъ около стѣнъ кибитки. Въ нѣкоторыхъ «хурля кгер» справа, около жертвенника, устраивается «ширя» (постель)—помѣщеніе для разныхъ реликвій святыхъ мужей хурула.

Къ религіознымъ предметамъ «хурля кгер» принадлежатъ: а) *изображенія бурхановъ*, б) *священные сосуды* и в) *богослужебные инструменты*.

Изображенія бурхановъ (божествъ) въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ бываютъ трехъ видовъ: 1) «Шутен» или «Цутхумур бурхан», 2) «Дарцик» или «Керикг шутен» и 3) «Мирдѐ».

«Шутен» или «Сергу шутен»—это литыя изображенія бурхановъ. Обыкновенно шутены бываютъ вылиты изъ мѣди или бронзы, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ изъ серебра (наприм. «Аюша» около $1/2$ аршина высоты въ Большомъ Цатановомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса) или золота («Далай-Лама» нѣсколько болѣе $1/4$ аршина въ Тюменевскомъ хурулѣ Александровскаго улуса). Шутены представляютъ всегда одну фигуру божества на круглыхъ пьедесталахъ безъ всякихъ почти аксессуаровъ [1]).

Благодаря трудности пріобрѣтенія и высокой цѣнѣ литыхъ изображеній бурхановъ, послѣднихъ не бываетъ много при хурулахъ: обязательно въ каждомъ «хурля кгер» есть одинъ шутенъ, бываетъ и болѣе одного. Болѣе девяти въ одномъ храмѣ не приходилось встрѣчать [2]).

Вообще же число бурхановъ, ихъ величина и даже видъ—чисто условное, случайное явленіе, собственно-же въ «хурля кгер» обязательно бываетъ одинъ шутенъ, именно съ изображеніемъ того бурхана, которому посвященъ храмъ. Шутены, закутанные въ шелковые лоскутки желтаго или краснаго цвѣта, помѣщаются въ спеціально приспособленныхъ для каждаго деревянныхъ ящикахъ или кіотахъ—«шутен—хобул» или «ордо̆харши»; но въ хурулахъ, помѣщаемыхъ не въ кибиткахъ, а въ спеціальныхъ зданіяхъ, для шутеновъ устраивается иногда общій «хобул» [3]).

Второй видъ священныхъ изображеній—это живописныя изображенія бурхановъ на четыреугольныхъ кускахъ матеріи—«дарцик», родъ хоругвей. Вверху «дарцик» прикрѣпляется къ древку, на которое онъ наматывается и хранится при перекочевкѣ и въ непраздничное время въ ящикахъ; во время же праздниковъ «дарцик'и» развѣшиваются вездѣ по стѣнамъ «хурля—кгер», а самые большіе изъ нихъ привѣшиваются даже къ «унин'амъ» и свѣшиваются въ срединѣ кибитки. Величина «дарцик'овъ» самая различная: отъ $1/2$ арш. до сажени и даже больше. Приготовленіемъ «дарцик'овъ» въ степи занимаются спеціалисты—живописцы изъ ду-

---

[1]) Астраханскими калмыками съ конца прошлаго столѣтія шутены выписываются изъ Монголіи черезъ Петербургъ, въ рѣдкихъ случаяхъ вывозятся самими калмыками оттуда же, а иногда пріобрѣтаются просто по случаю. Такъ, нѣсколько лѣтъ назадъ зайсангъ Яндыковскаго улуса Кекшинъ Оргичкѣевъ купилъ къ Петербургѣ, при посредствѣ доктора изъ бурятъ Б., у какого-то любителя рѣдкостей бронзовый вызолоченный шутенъ бурхана Махагала не болѣе $1/4$ арш. высоты за 600 руб., но по словамъ самого зайсанга, теперь хурулъ, которому онъ подарилъ шутена, не отдаетъ его и за 6000 руб. У калмыка Джанкшіева на Калмыцкомъ Базарѣ бронзовый вызолоченный бурханъ Бакша менѣе $1/4$ арш. вывезенъ недавно изъ Монголіи и стоитъ 100 руб. Все это наглядно показываетъ, какъ не легко пріобрѣтаются астраханскими калмыками шутены. Въ самое ближайшее къ намъ время стали дѣлать для калмыковъ литыхъ бурхановъ, по заказу, въ Москвѣ у Постникова и въ Ростовѣ на Дону, хотя, впрочемъ, русскими мастерами пока пользуются главнымъ образомъ хурулы Мало-Дербетевскаго улуса; подновленіе же шутеновъ, въ видѣ новаго золоченія, производится ювелирами гор. Астрахани. Шутены строго и тщательно оберегаются духовенствомъ; въ нѣкоторыхъ хурулахъ можно встрѣтить литыхъ бурхановъ, вывезенныхъ изъ Тибета въ началѣ XVIII столѣтія, а изрѣдка попадаются даже и такіе, которые были принесены съ собою еще предками астраханскихъ калмыковъ, прикочевавшихъ въ предѣлы Волги въ XVII вѣкѣ.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса въ одной кибиткѣ находится бурханъ Шакджи-Муни, а въ другой—Дарька. 2) Въ Большомъ Эрденіевомъ хурулѣ Харахусовскаго улуса въ главной кибиткѣ - бурханъ Шакджи—Муни. 3) Въ большомъ Цатановомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса—четыре: Манза Шири, Б. Аюша, Нюебо̆р узю̆кчи и Окон-Тенкгер. 4) Въ большомъ Эмчиновомъ хурулѣ въ одной кибиткѣ четыре шутена. 5) На Калмыцкомъ Базарѣ въ хурулѣ находится девять бурхановъ.

[3]) Наприм., въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ девять шутеновъ помѣщаются въ одномъ шкафикѣ, разбитомъ на клѣточки: въ срединѣ бурханъ Дарька—самый большій по величинѣ шутенъ, около $1/2$ арш.; надъ нимъ Зонкуа, подъ нимъ Аюша, справа (сверху внизъ) два Зонкуа, изъ нихъ одинъ самый маленькій, и Манза Шири; слѣва (сверху внизъ)—Шакджи-Муни, Парамит-Билик и Малян—Кгекген.

ховенства—«зурачи». Иногда «дарцик» представляетъ одну фигуру божества, справа котораго вверху нарисовано солнце, а слѣва—луна, но гораздо чаще можно встрѣтить, что на «дарцик'ѣ» изображенъ или бурханъ и вокругъ него цѣлый рядъ изображеній изъ его земной жизни, или символы. Такъ, вокругъ центральной фигуры Шакджи-Муни (Будда) рисуются весьма часто картины изъ его жизни—отъ рожденія до смерти; на «дарци'кѣ» бурхана Абидва рисуется 8 «субурган'овъ» (часовень). Бываютъ «дарцик'и» съ изображеніемъ нѣсколькихъ бурхановъ, которые располагаются вокругъ центральнаго божества «дарцика» [1]). Но можно встрѣтить въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ «дарцик'и» и съ 50 фигурами [2]). Есть еще «дарцик'и» съ картинами нравственнаго или символическаго значенія [3]). Всѣ «дарцик'и» рисуются красками, золотомъ и серебромъ, но встрѣчаются «дарцик'и» бурхана Майдри, которые вышиваются шелкомъ, золотомъ и серебромъ. Вышиванье производится калмыцкими женщинами (главнымъ образомъ дѣвушками и вдовами), требуетъ много времени и стоитъ дорого [1]).

Третій видъ изображеній—«мирдѐ» («шутен») или «менкгу»; это миніатюры, хранящіяся въ металлическихъ (серебряныхъ) ящикахъ, такъ что «мирдѐ»—это родъ медальона съ религіознымъ значеніемъ. Ящичекъ для «шутен'а» («орда хàрши» или «мемкгу») имѣетъ разную форму, смотря по формѣ самого бурхана, но обыкновенно состоитъ изъ коробки, которая закрывается двумя дверками («хасибчи»), на внутреннихъ сторонахъ которыхъ бываютъ изображенія бурхановъ прислужниковъ; наприм., у Дарьки они держатъ слѣва «аршан», а справа «таян», и потомъ закрѣпляются длинной булавкой, вдѣтой въ отверстія, находящіяся вверху и внизу (фиг. 45). Обыкновенно «мирдѐ» носится на шеѣ, для чего привязываются къ нему тесемки. Самый бурханъ—миніатюра имѣетъ видъ какъ бы камеи.: на пластинкѣ—круглой, квадратной или продолговатой, находятся рельефныя изображенія бурхана. Самая пластинка обыкновенно окрашена въ красный цвѣтъ, а изображеніе бурхана нерѣдко покрывается золотомъ и серебромъ. «Шутен» лежитъ въ ящичкахъ всегда завернутый въ шелковую матерію («торкгон»). Сдѣланы «шутен'ы» довольно искусно; дѣлаются они изъ смѣси песку и глины («шора»—пыль), а изъ песку, по ученію ламаитовъ, состоитъ и тѣло человѣка. «Мирдѐ» имѣетъ смыслъ не то лѣкарства, не то талисмана, и ему приписывается способность избавленія носящаго отъ всякаго вреда, даже отъ пули. Ихъ вывозятъ изъ Монголіи и высоко цѣнятъ.

На медальонахъ «мирдѐ» можно встрѣтить изображенія какъ отдѣльныхъ бурхановъ, такъ и цѣлыя картины [2]).

---

[1]) Наприм., схематическій рисунокъ дарцика Майдри: въ центрѣ представленъ въ сравнительно большемъ размѣрѣ бурханъ Майдри, вверху справа—Дарька, слѣва Чакшиба, съ боку справа — Лама, Аюша, Одче-бурхан, слѣва — Юм, Манза Шири, Абидва; внизу—Далай Лама, Зонкуа и Баньчен—Эрдни.

[2]) Напримѣръ, въ Большомъ Ульдучиновомъ хурулѣ (въ южныхъ Мало-Дербетахъ) есть два дарцика, на каждомъ изъ которыхъ нарисовано по 50 „хубилган'овъ" (воплощеній) Шакджи Муни.

[3]) Напримѣръ, на одномъ „дарцик'ѣ" земля представлена въ видѣ четырехъ концентрическихъ круговъ: первый кругъ—наружный, сравнительно тонкій, раздѣляется на 12 равныхъ частей; онъ называется „демберлин" и представляетъ 12 картинъ—олицетвореній той или другой нравственной сентенціи. Такъ, наприм., въ первой клѣткѣ нарисованъ человѣкъ, который ведетъ за палку слѣпца: это означаетъ, что знающій человѣкъ управляетъ невѣждой; во второй клѣткѣ изображенъ каменный домикъ, внѣ домика одинъ человѣкъ дѣлаетъ камни, а внутри другой разрушаетъ сдѣланное: „безполезный трудъ не приводитъ къ цѣли"; въ третьей клѣткѣ нарисовано дерево, на которомъ сидитъ птица, подъ деревомъ трава и на ней лисица мечется: „не должно разсѣеваться мыслями" и т. п. Второй кругъ, болѣе широкій, безъ раздѣленій, представляетъ рядъ изображеній изъ жизни земной и загробной; внизу картины изъ земной жизни: доеніе коровъ, земледѣлие, вверху—царство „тенгри", свѣтлыхъ геніевъ: рядъ домиковъ съ садиками, и около нихъ „тенгри" пьютъ кумысъ; между землей и „тенгри" помѣщены картины разныхъ мученій въ загробной жизни: „таму" (адъ), гдѣ нарисованъ огонь и мучащіеся грѣшники; „берит"—чудовище, въ которое обращаются тоже люди; „адусен"—міръ животныхъ, какъ слѣдующая стадія перехода душъ; „асри"—въ видѣ голыхъ существъ, сражающихся копьями—переходная ступень къ „тенгри". Третій кругъ раздѣленъ пополамъ: правая половина черная, а лѣвая бѣлая; въ лѣвой человѣкъ, въ видѣ „гелюнга" (духовнаго лица) ведетъ другого человѣка съ земли въ рай, а въ правой половинѣ человѣка тащатъ цѣпью въ адъ. Четвертый кругъ—зеленый, съ такими рисунками: внизу—свинья („гаха"), сверху—курица или пѣтухъ („така"), а ихъ соединяетъ слѣва змѣя („мокга"), что означаетъ: свинья—глупость, змѣя—злость, а пѣтухъ (или курица)—зависть,—три главные порока людей. Вверху этого „дарцик'а", выше всей фигуры круга, нарисованъ цвѣтокъ „Мокгус—эделекчи"; ниже его, около середины круга, человѣкъ на корточкахъ, съ опущенными глазами,—это праведникъ (Дани Дараксен), а справа, вверху бурханъ Шакджи Муни, въ стоячемъ положеніи: онъ указываетъ рукой на правоученія картины, какъ бы приглашая къ исправленію.

[1]) Напримѣръ, въ Эки-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса есть „дарцик", который вышитъ 112 лѣтъ тому назадъ, при чемъ вышивался три года, такъ что вышиванье начато 115 лѣтъ тому назадъ. Въ Большомъ Баруно-Керетовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса есть два „дарцик'а" бурхана Майдри—старый и новый, и послѣдній сдѣланъ лѣтъ 10 назадъ. Работа производилась подъ руководствомъ и по указаніямъ „зурачи" (живописцевъ) хурула калмыцкими дѣвушками и женщинами, при чемъ замужнія женщины брали работу на домъ, а дѣвушки и вдовы жили при хурулѣ, гдѣ для нихъ поставлены были двѣ кибитки. Исполнена работа съ технической стороны замѣчательно искусно: не сразу разберешь, что бурханъ вышитъ, а не нарисованъ блестящими красками, такъ хорошо подобраны цвѣта и такъ тонка работа во всѣхъ деталяхъ.

[2]) Вотъ, напримѣръ, описаніе нѣкоторыхъ миніатюръ: 1) на круглой пластинкѣ отлиты два изображенія: внизу бурханъ Сакшиба съ четырьмя руками; двѣ подняты кверху, а двѣ сложены на груди; на головѣ „тетим"; наверху бурханъ Абидва. 2 На такой же пластинкѣ представленъ Эрлик-ханъ въ сидячемъ положеніи, съ тремя глазами, изъ которыхъ одинъ на лбу; видъ страшный и свирѣпый; пра-

Въ хурулахъ, равно какъ и въ частныхъ кибиткахъ, находятся часто и другіе предметы, которымъ придается религіозное значеніе, наравнѣ съ «шутен'ами», «дарцик'ами», и «мирдѐ»; это—а) портреты ламъ, б) символическія буквы и в) священныя реликвіи.

Очень часто можно встрѣтить рядомъ съ «шутен'ами» фотографическую карточку оффиціальнаго ламы всѣхъ астраханскихъ калмыковъ, который жилъ въ 1885—87 гг. въ Багацохуровскомъ улусѣ. Въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, главнымъ образомъ въ сѣверной его части, рядомъ съ «шутен'ами» помѣщается фотографическій портретъ Кебюн-Ламы, или оффиціально извѣстнаго подъ именемъ Кебюн-бакши (въ Дунду-хурулѣ), который умеръ лѣтъ 12 тому назадъ; онъ снятъ въ священной одеждѣ ламы [1]).

На «джанкш'ѣ» иногда находятся рисунки буквъ (фиг. 46 а и б) это, по объясненію бакши Багахурула Мало-Дербетовскаго улуса, символическія индійскія буквы, вмѣщающія въ себѣ множество молитвъ; этихъ символическихъ буквъ нѣсколько, и онѣ называются: Липзе, Бу-Асри, Седым-бу и пр.

Къ числу вещей, удостоиваемыхъ поклоненія, принадлежатъ еще разныя реликвіи, въ видѣ одежды, постели и другихъ предметовъ, оставшихся послѣ святыхъ мужей—ламъ, бакшей [2]).

Къ одному разряду съ символическими буквами нужно отнести символическія фигуры, которыя рисуются или вырѣзываются на жертвенныхъ столикахъ. Всѣ такія фигуры носятъ названіе «эрдни» (драгоцѣнность), и всѣхъ ихъ 16, въ двухъ порядкахъ, по 8 въ каждомъ порядкѣ.

Первый порядокъ — Немен эрдни (8 эрдни) или Немен Кюсмин такал (фиг. 47): а) Эрдни Церен нойон (рисунокъ представляетъ нойона), б) Мерин-эрдни (лошадь), в) Зан-эрдни (слонъ), г) Тошмиль-эрдни (вельможа), д) Хатын-эрдни (нойонша), е) Мани-эрдни (молитва?), ж) Кюрдé-эрдни (молитвенный барабанъ) и з) Дзиндымин-эрдни.

Второй порядокъ — Немен эрдни (фиг. 48). а) Кюрдé, б) Чимик (украшеніе), в) Алтын утцын (золотая нить), г) Дунг (раковина), д) Бадма-цецык (цвѣтокъ), е) Алтын бомбо (золотой бомбо), ж) Алтынъ заксын, з) Шукюр (зонтикъ).

На этихъ же столикахъ еще рисуется или вырѣзывается «Лу»—злое существо въ видѣ змѣи съ огромною головой (обыкновенно изображаются двѣ змѣи) и «Кюнен-толга»—человѣческая голова, съ отвратительными чертами лица, которая помѣщается всегда въ центрѣ рисунковъ. Изъ двухъ порядковъ «эрдни» чаще встрѣчается второй: ими кромѣ столиковъ украшаютъ и хурульныя постройки съ наружной стороны.

Къ другимъ принадлежностямъ хурульныхъ кибитокъ нужно отнести прежде всего «Кюрдé»—молельный барабанъ (фиг. 49). Онъ дѣлается въ степи самими калмыками и состоитъ изъ полаго цилиндра, на наружной сторонѣ котораго вырѣзаны символическія буквы. Черезъ центръ цилиндра проходитъ желѣзный стержень, на который наматывается внутри цилиндра столько свитковъ съ молитвами, что они заполняютъ всю полость цилиндра. Внизу стержень изогнутъ въ видѣ колѣнчатаго вала такъ, что посредствомъ привязанной къ изгибу тесьмы («хошлым») цилиндръ свободно вертится. Цилиндръ «кюрдѐ» вставляется въ деревянный станокъ, который устраивается такимъ образомъ: два деревянныхъ креста (одинъ верхній, другой нижній) связываются между собою четырьмя брусками, образуя родъ клѣтки, внутри которой и помѣщается цилиндръ, при чемъ стержень его вставляется (подвижно) въ верхній и въ нижній крестъ. При богослуженіи духовенство всегда, а въ праздники и простолюдины, приводятъ въ движеніе цилиндръ, что и замѣняетъ молитву. Такіе же цилиндры ставятся и въ молельняхъ, выстроенныхъ на могилахъ или въ честь умершихъ. Величина «кюрдé» самая различная: есть четверти въ двѣ-три въ діаметрѣ, но есть и громадные, имѣющіе въ діаметрѣ сажень. Иногда «кюрдé» помѣщается на открытомъ воздухѣ, и тогда онъ приводится въ движеніе вѣтромъ, для чего сверхъ стержня прикрѣпляется четыре крыла. Посредствомъ самовращающихся «кюрдé» совершается безпрерывная молитва.

Вторая принадлежность хурульной кибитки—«бомбó» — сосудъ съ аршаномъ (фиг. 50), въ который

вой рукой онъ замахивается скелетомъ человѣка, а лѣвой страстно прижалъ къ себѣ женщину. Эрлик-ханъ сидитъ на быкѣ, насилующемъ женщину.—3) На золотомъ фонѣ отлита Дарька; она сидитъ на „дебескир'ѣ" (кошмѣ); правая рука опущена, волосы распущены и связаны въ концахъ пучками, на головѣ „тетим", вокругъ головы расположены въ видѣ кольца бурханы, на шеѣ—ожерелье, на лѣвой рукѣ два пальца соединены, слѣва — цвѣтокъ „гунда-цецык".— 4) На синемъ фонѣ представленъ золотой Шакджи Муни; правая рука опущена, а лѣвая покоится на животѣ.

[1]) Портретъ Кебюн-Ламы, нарисованный красками однимъ „гецулемъ", я встрѣтилъ въ Ики-хурулѣ, въ кибиткѣ одного гелюнга: онъ помѣщался на алтарѣ, вмѣстѣ съ „шутен'ами".

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) Въ Эрденіевомъ хурлѣ Харахусовскаго улуса, въ священной кибиткѣ „Эки-хурля", съ правой стороны, около бурхановъ, стоитъ „Ламин-шире" (столикъ Ламы) подъ постоянно опущеннымъ краснымъ балдахиномъ. Около „Ламин-ширѐ" лежитъ подушка, покрытая платкомъ, а на платкѣ „ула-махлá (шапка изъ желтаго верблюжьяго сукна, низъ красный), около шапки шелковый платокъ фіолетоваго цвѣта; эти вещи принадлежали Анджáтен-Ламѣ, основателю хурула. Въ другой кибиткѣ того же хурула — „докшитен-хурля", справа, около бурхановъ тоже находится „Ламин-ширé", который принадлежитъ гелюнгу Чимбил-Ламѣ; это былъ второй Лама, послѣ котораго сохраняется только простой „цецик бадма" (цвѣтокъ). — 2) „Ламинъ-шире" есть и въ Большомъ Баруновомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса, и 3) въ Большомъ хурулѣ Икицохуровскаго улуса. Вообще, рѣдкій изъ хуруловъ, особенно большихъ, не имѣетъ „Ламин-ширя" или какой-нибудь вещи, оставшейся послѣ святыхъ мужей. Въ однихъ хурулахъ эти вещи сохраняются въ общихъ священныхъ кибиткахъ, въ другихъ же для нихъ существуютъ отдѣльныя кибитки или постройки, называемыя „Ламин-ширя".

вставленъ пучекъ павлиньихъ перьевъ («бомбон эдын»). «Бомбо» всегда стоитъ на жертвенномъ столикѣ, передъ бурханами, и изъ него даютъ аршанъ приходящимъ поклониться. Для приготовленія аршана, что происходитъ во время богослуженія «укал», употребляются еще двѣ принадлежности: «манра» и «тôли». «Манра»—это родъ небольшого таза. На стѣнкахъ «манра» снаружи вырѣзаны 8 эрдни второго порядка, а на днѣ представлено схематическое изображеніе вселенной: въ центрѣ—гора—«семер-ула», въ видѣ квадрата, вокругъ нея 8 эрдни перваго порядка, а по краямъ—«тыб» (міры). «Тôли» (зеркало)—металлическій гладкій кружокъ, такого размѣра, что совсѣмъ легко вкладывается въ «манра»; одна его сторона полирована, а на другой находится ручка, за которую и держатъ «тôли». «Бомбо», «манра» и «толи» дѣлаются всегда изъ серебра, иногда вызолачиваются [1]).

Что касается жертвенныхъ столиковъ, то они нерѣдко бываютъ очень искусно и изящно сдѣланы: отчетливая и красивая рѣзьба «эрдни», «кюнен-толга» и «лу» раскрашиваются зеленою и красною краскою, а иногда покрываются и позолотой, а весь столикъ окрашивается обыкновенно въ красный цвѣтъ.

На жертвенныхъ столикахъ постоянно находятся, кромѣ «бомбо», слѣдующіе предметы: а) цѣлая группа металлическихъ, чаще всего серебряныхъ, чашечекъ («тöклын цёкцё») обыкновенной калмыцкой формы, съ хлѣбными зернами, пряниками, деревяннымъ масломъ и печеньями особой формы; б) оригинальный подсвѣчникъ для куренія «кюджи»—благовонной свѣчки, приготовляемой въ хурулахъ изъ смѣси разныхъ благовонныхъ смолъ и растеній, но преобладающая составная часть—можжевеловыя ягоды; в) «зула» для возжиганія лампады.

Необходимую принадлежность «хурля-кгер», или правильнѣе хурула, составляютъ музыкальные инструменты, употребляемые при богослуженіи. Число инструментовъ во всѣхъ хурулахъ не одинаково, но видъ ихъ всегда тождественъ: это—«дунг», «кгенкгеркгé», «докýр», «бичкюр», «кган-дöма», «бюря», «цанг», «денкшя», «селèн», «каранкга», «хонхò», «яркй», «очйр» и «арамбрý».

1) «Дунг»—крупная, обыкновенно бѣлаго цвѣта, морская раковина, изъ семьи трубороговыхъ (buccinida) и шишаковыхъ (cassida); такая раковина всегда по концамъ оправляется въ серебро.

2) «Кгенкгеркгè»—родъ турецкаго барабана (фиг. 51 а). Онъ состоитъ изъ барабана, сдѣланнаго изъ выдѣланной козлиной кожи, натянутой на деревянный обручъ (около 1 арш. въ діам. и ок. $^1/_4$ шир.), въ срединѣ выпуклый и разрисованный изображеніемъ змѣи («лу»); иногда эта змѣя и другіе символическіе знаки просто вырѣзаны на деревѣ. Кожа—бѣлаго цвѣта, а ободокъ краснаго съ зеленой змѣей. Барабанная палочка («докýр»), которою ударяютъ по кожѣ, представляетъ родъ молотка, довольно оригинальной конструкціи: къ деревянной рукояткѣ придѣланъ мѣдный или желѣзный проволочный полу-обручъ, заканчивающійся деревяннымъ круглымъ молоточкомъ, обтянутымъ кожей (фиг. 51 б). Послѣ игры барабанъ за петлю вверху привѣшивается къ стѣнкѣ кибитки.

3) «Бичкюр»—это деревянная труба (фиг. 52 I, II), которая оправляется въ серебро; серебряныя оконечности соединяются обыкновенно серебряною цѣпочкой. «Бичкюр»—труба разборная и состоитъ изъ пяти частей: первая (фиг. 52 а) склеена изъ двухъ желобковъ, которые обтянуты семью кольцами; тонкій конецъ обдѣланъ на-глухо въ серебряное кольцо, а на толстомъ находится широкое подвижное кольцо; вторая часть (фиг. 52 б) — широкій металлическій наконечникъ трубы, въ который продѣвается часть *а* и натягивается плотно на подвижное кольцо; третья часть металлическій наконечникъ, съ тонкаго конца представляющій какъ бы два спаянныхъ бубенца (фиг. 52 в); четвертая часть — это какъ бы металлическая розетка, которая натягивается плотно на тонкую трубку (фиг. 52 г), и пятая часть — сдѣланный изъ чакана наконечникъ или пищикъ (фиг. 52 д), который привязывается къ тонкому концу *в* ниткой.

4) «Кган-дöма»—серебряная, или же только высеребренная труба, оригинальной формы, со сдавленными стѣнками; она издаетъ пронзительные, однотонные звуки и требуетъ ужаснаго напряженія при игрѣ, почему на ней играютъ только моментами. Обыкновенно ихъ бываетъ двѣ. По своему виду «кган-дома», или «кган-клин», напоминаетъ берцовую кость, и нерѣдко по всей длинѣ густо обвивается человѣческими волосами.

5) «Бюря»—громадная мѣдная труба, около сажени длины и болѣе $^1/_4$ въ діаметрѣ толстаго отверстія, издающая при игрѣ густые басовые звуки, которые постепенно то повышаются, то понижаются. «Бюря» составляется изъ трехъ почти равныхъ отрѣзковъ, которые входятъ одинъ въ другой (фиг. 53).

6) «Цанг» — родъ двухъ литавръ или тарелокъ, сдѣланныхъ изъ особаго сплава; игра на нихъ заключается въ томъ, что тарелки ударяются одна о другую то какимъ-нибудь изъ краевъ, то всею ихъ плоскостью, при чемъ вызываются звуки то отрывистые, то долгіе, дребезжащіе. При игрѣ на «цанг» ихъ держатъ за привязанные къ верхнему концу лоскутки матеріи.

7) «Денкшя»—родъ «цанг'а», но гораздо меньше, около четверти въ діаметрѣ.

8) «Селèн»—тоже родъ «цанг'а», но выпуклость меньше и ниже, и края нѣсколько загнуты наружу.

9) «Каранкга» употребляется только въ малодербетовскихъ хурулахъ. Инструментъ этотъ представляетъ металлическій тазъ безъ выгнутой части; въ него бьютъ, какъ и въ барабанъ, молоточкомъ.

---

[1]) Обыкновенно ихъ приготовляютъ калмыцкіе мастера, но въ послѣднее время стали заказывать въ Москвѣ и въ Ростовѣ на Дону.

10) «Хонхо̀» — колольчикъ, менѣе четверти вышины, заканчивающійся вверху палочкою («очи̇̀р» — жезлъ). «Очи̇̀р» — особаго рода металлическая палочка, которую лицо, звонящее въ «хонхо̀» правой рукой, всегда держитъ въ лѣвой (фиг. 54).

11) «Яркѝ» — это три маленькіе бубенца, связанные вмѣстѣ и прикрѣпленные серебряной цѣпочкой къ серебряной ручкѣ въ видѣ «очир'а» (жезла) или другой формы.

12) «Арамбрѝ» — мало распространенный инструментъ; его совершенно нѣтъ въ мало-дербетовскихъ хурулахъ, а у торгоутовъ онъ употребляется едва ли не въ зюнгарскихъ только родахъ, куда онъ вывезенъ былъ изъ Зюнгаріи. «Арамбрѝ» представляетъ продолговатый четыреугольный деревянный ящичекъ, со сдавленными въ срединѣ стѣнками, а по краямъ съ обоихъ концовъ обтянутый кожей; къ нему прикрѣпленъ на ремешкѣ шарикъ, который и ударяетъ при движеніи руки то по одной, то по другой кожаной плоскости (фиг. 55).

Не всѣ изъ описанныхъ инструментовъ имѣются при каждомъ хурулѣ. Кромѣ «арамбру» и «каранкга», которые вообще мало распространены и употребительны, при многихъ хурулахъ нѣтъ и «бюря». Остальные инструменты бываютъ при всѣхъ хурулахъ, хотя и не въ равномъ количествѣ, что̀ зависитъ отъ богатства хурула и численности его персонала; но во всякомъ случаѣ трубъ всегда бываетъ парное число. Всѣ почти инструменты, кромѣ «дунг», «цанг», «денкшя» и «селен», которые черезъ Петербургъ пріобрѣтаются изъ Монголіи, прежде дѣлались внутри степи самими калмыками; но теперь въ степи найдутся мастера, которые только могутъ починить инструменты, а новые пріобрѣтаются по заказу, внѣ степи.

Всѣ перечисленные выше предметы составляютъ принадлежность каждаго «хурля-кгер», но въ отдѣльныхъ хурулахъ можно встрѣтить еще рядъ предметовъ, относящихся уже къ украшеніямъ. Напримѣръ, въ Большомъ Ба́гутовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса Эки «хурля-кгер» обита внутри чернымъ сукномъ, а по швамъ обшита парчей и трехцвѣтнымъ шелкомъ; сверху, впереди «джанкша», спускаются лоскутки желтаго цвѣта — «хорбусха» и изъ шелковой же матеріи сдѣланы украшенія: 1) «Чимик-джалцын» — широкія шелковыя ленты, висящія сверху до низу, и 2) „бадма-чимик" — тоже ленты, но составленныя изъ кистей и нашитыхъ кусочковъ опредѣленной формы. Иногда ленты «чимик» укрѣпляются вверху на маленькихъ ободкахъ, и тогда изъ нихъ образуется родъ висячихъ изъ матеріи столбовъ «чемик-кгол», или «дуктѝ»). Такъ сдѣланы украшенія въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ.

«Хурля-кгер» всегда занимаетъ болѣе или менѣе центральное положеніе среди жилыхъ кибитокъ духовенства. При этомъ въ однихъ хурулахъ двери всѣхъ кибитокъ обращены на востокъ, что дѣлается въ силу религіознаго убѣжденія, что всѣ святости находятся на востокѣ, и будущій правитель міра явится съ востока; въ другихъ хурулахъ двери открыты на югъ, въ чемъ нельзя не видѣть уступки климатическимъ условіямъ; наконецъ, въ третьихъ двери кибитокъ духовенства обращены къ священнымъ кибиткамъ, какъ религіозному центру монастыря. Все пространство внутри монастырскаго круга священно; въ него, напримѣръ, неприлично въѣзжать на лошадяхъ, итти по немъ съ кнутомъ или съ палкой въ рукахъ, курить и т. п. Въ нѣкоторыхъ хурулахъ внутри хурульнаго круга, кромѣ священныхъ кибитокъ, располагаются еще кибитки почитаемыхъ за святую жизнь лицъ изъ духовенства, кибитка оффиціальнаго ламы, кибитка ламъ частныхъ, а также кибитки бакшей и начальниковъ хуруловъ [1]).

Число собственно «хурля-кгер» въ разныхъ хурулахъ не одинаково и обусловливается почти исключительно богатствомъ хурула: есть хурулы съ одной «хурля-кгер», съ двумя, тремя, четырьмя, пятью, шестью и даже болѣе. Изъ нихъ, кромѣ «ламин-ширя», посвященныхъ отдѣльнымъ лицамъ, прочія «хурля-кгер» называются или по именамъ бурхановъ, въ честь которыхъ основаны, наприм. «Аюши-хурля кгер», «Малян-хурля» и проч., или по совершаемому въ нихъ богослуженію, напримѣръ, «докшитен-хурля», т. е. кибитка, въ которой происходитъ богослуженіе «докшит», или же по главенству: «ики-хурля» (большой хурулъ) и «бага-хурля» (малый хурулъ [2]).

---

[1]) Такъ, наприм., въ Эркетеневскомъ улусѣ внутри круга расположена кибитка хурульнаго бакши. Этотъ бакша славится между калмыками строгимъ исполненіемъ монастырскихъ требованій и извѣстенъ по всему улусу своимъ благочестіемъ. Въ Ики-хурулѣ М.-Дербет. ул. внутри круга расположены кибитки „стараго бакши" (или правильнѣе, хурульнаго ламы) и начальника хурула, но кибитка перваго стоитъ ближе къ священнымъ кибиткамъ, чѣмъ второго.

[2]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: 1) Въ Ики-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса изъ 5 хурульныхъ кибитокъ одна называется „Далай-Ламин-эркге" — въ честь Далай-Ламы, „шутен" котораго привезенъ съ Алтая еще до основанія хурула нойономъ Далай-Тайшаемъ, и при основаніи хурула эта кибитка поставлена первою. Вторая кибитка — „Ики-хурля-эркге", третья — „Докшитен-эркге", или „Бага-хурля"; четвертая — „Малян-эркге", названная въ честь бурхана Малянъ, „шутен" котораго вывезенъ съ Алтая, а пятая — „Цембе-Ламтын-ширя" — въ честь ламы Цембе. — 2) Въ Дунду-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса первая кибитка называется „Зонкувен-эркге" — въ честь бурхана, которому посвященъ и монастырь; вторая кибитка — „Ики-хурля-эркге" назначена для ежедневныхъ богослуженій, третья — „Манлан-эркге" — предназначена для ежедневнаго вечерняго богослуженія „манла"; четвертая — „Джиджан-хурля-эркге" — въ честь перваго ламы и основателя хурула 120 лѣтъ тому назадъ; пятая — „Ики-ширя-эркге" въ честь ламы Чунче; шестая — „Зеркшин" или „Кебюн-ширя-эркге" — въ честь ламы Кебюна; седьмая — „Курше-Ламин-эркге" — въ честь ламы Курше; восьмая — „Ширин-бакшин шире-эркге" посвящена ламѣ Ширину. — 3) Въ Ульдучиновомъ хурулѣ на Манычѣ пять священныхъ кибитокъ: Малян-хурля, Эки-хурля, Докшитен-хурля, Мани-хурля (съ большимъ „кюрдѐ") и

Кромѣ «хурля-эркге», «хурля-кгер», у каждаго хурула есть священныя постройки: «субурган'ы», «цац'ы», которыя всегда устраиваются на опредѣленныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ на мѣстахъ погребенія лицъ, въ честь которыхъ они поставлены; но о нихъ будетъ сказано ниже.

Что касается кибитокъ духовенства, то онѣ имѣютъ всегда такіе признаки и особенности, которые обусловливаются безбрачіемъ духовенства. Прежде всего кибитка духовнаго лица всегда бѣлая («цаган-кгер»), что̀ служитъ символомъ чистоты и непорочности. Внутри кибитки духовнаго лица отсутствуетъ все то, что характеризуетъ семью: главное—нѣтъ очага, этого символа семьи, и расположеніе предметовъ иное (фиг. 56). Прямо противъ дверей расположена божница («хобол»), которая состоитъ здѣсь не изъ отдѣльныхъ ящиковъ, а составляется изъ сундуковъ или столовъ, покрытыхъ ковромъ и образующихъ по направленію къ двери одинъ или даже нѣсколько уступовъ, какъ и въ «хурля-кгер». На верху расположены, лицомъ къ дверямъ, литыя изображенія бурхановъ въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ, или кіотахъ; сзади нихъ ставятся ящики съ изображеніями бурхановъ на матеріи («дарцик»); здѣсь же находятся и ящики съ религіозными рукописями. На нижнемъ уступѣ располагаются жертвенныя чашки, «зула» и «кюджи», а также четки и другіе священно-религіозные предметы. Направо отъ жертвенника помѣщается кровать, на которой нѣтъ никакихъ признаковъ брачной жизни, какъ «дебскир», «дерын зек», «келын зек» и пр. Налѣво чаще всего стоитъ тоже постель, такъ какъ обыкновенно въ кибиткѣ живетъ не одно лицо,—а не то сундуки съ имуществомъ. Около двери, налѣво помѣщается конская сбруя: сѣдла, уздечки, ногайки, а направо одежда и посуда. Во многихъ кибиткахъ свободная отъ мебели площадь устилается кошмами или коврами, и въ рѣдкихъ кибиткахъ нѣтъ кошмы передъ кроватью, особенно передъ стоящею направо, т. е. гдѣ спитъ старшее лицо кибитки. Въ кибиткахъ начальниковъ хуруловъ, особенно уважаемыхъ, передъ постелью налаживается возвышеніе на четверть отъ земли и выше, гдѣ сидитъ обыкновенно хозяинъ, поджавши ноги. Въ кибиткѣ ламы, высшаго духовнаго лица, это возвышеніе на одномъ уровнѣ съ постелью. Въ центрѣ кибитки нерѣдко вбивается колъ, къ которому и прикрѣпляется четыре веревки кибитки въ случаяхъ бури или урагана.

Но главное внѣшнее отличіе духовнаго лица отъ свѣтскаго составляетъ одежда. Духовныя лица не носятъ «шалбур», имѣютъ черезъ плечо «оркамджи» (родъ шарфа) и въ рукахъ четки («эркин»). Обыкновенную одежду ихъ составляютъ:

1) «Килик»—рубаха, какъ и у всѣхъ калмыковъ, съ большимъ воротомъ и съ разрѣзомъ напереди.

2) «Маик»—короткая юбка.

3) «Бешмет»—родъ длиннаго подрясника (краснаго цвѣта) со сборками на поясницѣ; длина его такая, что закрываетъ голенища обуви. Бешметъ напереди застегивается четырьмя или восьмью пуговицами. На бешметѣ два нашивныхъ кармана—«барун хаптакга» (правый карманъ) и «зюн-хаптакга» (лѣвый карманъ); на лѣвой сторонѣ есть еще верхній карманъ—«хор» (по-торгоутски) или «дакгым» (по-дербетовски).

4) «Лапшик» — верхній, часто желтый («хара̀») халатъ.

На головѣ носятъ шапки въ обыкновенное время двухъ видовъ:

1) «махла-шаны̀м» (фиг. 57) — кругленькая шапочка съ малиновымъ или краснымъ кумачнымъ околышемъ (I), верхъ желтый, тоже изъ кумачу, иногда изъ сукна (II), а на верху пунцовая «зала̀» (III).

2) Другая шапка «джатык», у мало-дербетовскихъ—«шетым» (фиг. 58). Околышъ (I) малиноваго или краснаго бархату, обшитый серебрянымъ или золотымъ шнуркомъ (II); верхъ изъ желтаго сукна (III), не совсѣмъ круглый, а восьмиугольный («немеп толга»), а наверху—пунцовая «зала̀» (IV). Обоихъ этихъ видовъ шапочки, лѣтнія, равно какъ и зимнія, одинаковыя съ свѣтскими калмыками, носятъ духовныя лица всѣхъ званій; такія шапки явились лѣтъ 30 назадъ. Но кромѣ нихъ высшее по іерархіи духовенство носитъ еще и особыя шапки:

3) «Тырцык» (фиг. 59)—шляпа; ее носятъ пожилые гелюнги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ «тырцык» надѣвается, находится пальца въ $1^1/_2$ толщины пуховый кругъ краснаго цвѣта; далѣе идутъ поля, натянутыя на кругъ изъ толстой проволоки, а потомъ низенькая, закругленная, осьмигранная тулья. Поля и тулья изъ желтаго сукна. На верху вышивается серебряными и цвѣтными шнурами кольцо съ узоромъ, а по срединѣ кольца вшита красная пуговица («шур»). При надѣваніи шляпа привязывается лентами подъ затылкомъ.

4) «Хаджилга» (фиг. 60)—теплая мѣховая шапка, которую носятъ гелюнги. На красномъ пуховомъ кругѣ (I) находится мѣховая (соболь, выдра) тулья (II) съ оторочкой (III), а потомъ желтый восьмигранный невысокій верхъ; на верху (IV) кольцо, вышитое серебромъ или цвѣтными шнурками (V), а по срединѣ—«шур» (красная пуговица).

„Зеркшин-шире"—это кибитка Зеркшин-ламы.—4) Въ Харахусовскомъ хурулѣ изъ пяти „хурля-кгер" 1-я называется „Ики-хурля", 2-я „Бага-хурля", 3-я „Манлан-кгекген-хурля", а четвертая и пятая — „Ламин-ширя".—5) Въ Мало-Харахусовскомъ хурулѣ, въ Мочагахъ, двѣ кибитки: 1-я „Ики-хурля", 2-я „Ламин-ширя".—6) Въ Бакшиновомъ хурулѣ Икицохуровскаго улуса—три священныя кибитки: 1-я отъ востока—„Ламин-ширя" въ честь ламы Санджи Аракба; 2-я „Эки-хурля", 3-я „Манлан-хурля". — 7) Въ Зюнгаровскомъ хурулѣ изъ двухъ кибитокъ одна называется „эки-хурля", а другая—„Манлан-хурля".

5) «Бадма-махла» (фиг. 61) — шапка, которую носитъ духовное лицо, но лишь въ торжественныхъ и исключительныхъ случаяхъ, при встрѣчѣ, наприм., важныхъ лицъ и проч. «Бадма-махла» по формѣ ближе всего подходитъ къ епископской митрѣ, но только ниже ея и имѣетъ меньшій изгибъ. Она желтаго цвѣта, кромѣ нижняго круга (I) краснаго и восьми лепестковъ («тал», II); на верху пунцовая «зала».

Обувью духовенства служатъ красные сафьянные сапоги, или же красные башмаки. Башмаки заимствованы отъ татаръ, прежде же носили сапоги. Поясъ («бюс») — длиною отъ $1^1/_2$ до 3 арш., изъ какой-нибудь цвѣтной матеріи, но не бѣлой.

Кромѣ того, у каждаго духовнаго лица около пояса виситъ *чабрун* (фиг. 62 а и б)—мѣдный или серебряный маленькій флаконъ съ пробкою; этотъ сосудъ вшитъ или въ кожу, или въ матерію, такъ что наружу выходитъ только горлышко. Флаконъ наливается водою, которая служитъ для полосканія рта передъ ѣдой или послѣ ѣды въ хурулѣ, послѣ куренья, передъ богослуженіемъ. Обшивка состоитъ изъ двухъ равныхъ пластинокъ, выкроенныхъ въ видѣ какихъ-либо фигуръ, и обшивается плотно вокругъ сосуда, при чемъ обшивка изъ матеріи предварительно расшивается (главнымъ образомъ наружная часть) шелками, золотомъ, серебромъ, стеклярусомъ, блестками, шнурками. Къ верхней части, около горлышка сосуда, прикрѣпляются или цѣпочки или чаще привѣшиваются шнурки, которые нѣсколько выше пробки сшиваются вмѣстѣ и прикрѣпляются къ металлическому кольцу, а къ нему прикрѣплена длинная тесьма для надѣванья вокругъ пояса.

Вся одежда, не выключая и обуви, бываетъ желтаго или краснаго цвѣта. Иногда красный цвѣтъ замѣняется малиновымъ, рѣдко (на особахъ низшихъ іерархическихъ ступеней) — фіолетовымъ, и только одинъ разъ мнѣ пришлось видѣть духовное лицо, одѣтое въ бешметъ ярко-зеленаго цвѣта. Красный и желтый—это цвѣта, по словамъ духовныхъ лицъ, особенно любимые бурханами, и собственно обуви этихъ цвѣтовъ не слѣдовало бы имѣть, такъ какъ ею касаются земли; если и носятъ теперь желтую и красную обувь, то это уже отступленіе, нарушеніе церковныхъ требованій, изъ подражанія татарамъ [1]).

Въ составъ духовенства поступаютъ по желанію родителей и посвящаются иногда съ самаго рожденія; но въ «манжик'и» или «сургалин-кебюн», ученики при хурулѣ, поступаютъ съ 10—12 лѣтъ. Въ каждый хурулъ поступаютъ только изъ тѣхъ родовъ, которымъ принадлежитъ хурулъ, и духовенство не переходитъ изъ одного хурула въ другой; иногда отдѣльныя лица изъ одного хурула живутъ въ другомъ по нѣскольку лѣтъ для изученія живописи, медицины, астрологіи, но по окончаніи курса возвращаются въ свой хурулъ [1]).

Поступленіе въ хурулъ не ограничено возрастомъ, но обыкновенно поступаютъ малолѣтки послѣ 10 лѣтъ. Администрація установила крайній возрастъ поступленія въ хурулъ не моложе 16 лѣтъ, но въ дѣйствительности при хурулѣ находятся дѣти далеко моложе этого возраста. По мѣрѣ возраста и изученія обрядово-богослужебныхъ требованій хурула происходитъ послѣдовательное возведеніе на разныя священнослужительскія ступени. Всѣхъ ступеней четыре: 1-я подготовительная, не священнослужительская, ученикъ — *сургалін-кебюн*; 2-я *манжік*, 3-я — *гецуль* и 4-я — *кіелюнки*. Въ «манжик'и» можно переводить всѣхъ «сургалин-кебюн»; для повышенія въ «гецул'и» нѣтъ опредѣленныхъ лѣтъ, а въ «гелюнг'и» — не ранѣе 20 лѣтъ. Для перехода съ одной ступени на другую важны успѣхи въ богослужебныхъ знаніяхъ.

Въ каждомъ хурулѣ существуютъ опредѣленныя должностныя лица:

1) Начальникъ хурула, который въ большихъ хурулахъ называется *бакшà*, а въ малыхъ—*ахлàчи*. Впрочемъ, это въ Торгоутахъ, въ Мало-Дербетахъ же *бакшà*—это званіе учителя, а начальникъ хурула безразлично называется «ахлàчи». «Ахлàчи» выбирается каждымъ хуруломъ изъ своей среды и утверждается ламой на безсрочное служеніе. «Ахлàчи» можетъ быть только гелюнгъ.

2) Блюститель порядка и благочинія — *гебкю*. Онъ выбирается каждымъ хуруломъ на годъ и обыкновенно вступаетъ въ должность съ Новаго года. Имъ можетъ быть гелюнгъ и гецуль. Онъ слѣдитъ за благочиніемъ при богослуженіи. Гебкю присвоены и особые знаки его должности, именно: шапка, которая дѣлается изъ плюша или сукна желтаго цвѣта, въ формѣ башлыка и съ бахрамой по среднему шву, палочка квадратная обыкновенно черпаго цвѣта съ металлическими наконечниками («джовук»), и особая одежда, въ видѣ мантіи малиноваго или темно-желтаго цвѣта («дагàма»).

3) Уставщикъ—*кгунзут* выбирается хуруломъ на неопредѣленное время изъ лицъ уважаемыхъ и при-

---

[1]) Насколько все красное и желтое почитается у калмыковъ и вообще у ламаитовъ, можно видѣть изъ того религіознаго обычая, что если калмыкъ увидитъ на землѣ что нибудь красное или желтое, будь это нитка или лоскутокъ,— онъ обязанъ наклониться, взять его и, встряхнувъ три раза, положить на чемъ-нибудь высокомъ, хотя бы на травѣ, лишь бы не прямо на землѣ.

[1]) Такъ, Большой Баруновъ хурулъ Яндыковскаго улуса принадлежитъ двумъ родамъ: Барунову и Керетову; въ Большой Эмчиновъ хурулъ (или Чонкорлиновъ хурулъ). Икицохуровскаго улуса поступаютъ изъ четырехъ родовъ: Тохан-кесикова, Эмчин (или Ботхан)—Шабинерова, Кетчинерова и Эльджукутчинова рода; въ Малый Зюнгарскій хурулъ Икицохуровскаго улуса—только изъ Зюнгарскаго рода: въ Мало-Цатхановъ хурулъ—изъ Цатханова и отчасти Кгунжкен-Шабинерова рода, но такъ, что на 13 билетовъ перваго приходится 5 билетовъ втораго.

томъ обладающихъ обыкновенно басомъ. Имъ можетъ быть гелюнгъ, гецуль и манжикъ.

4) Экономъ—*нирвé* выбирается безсрочно, но обыкновенно мѣняется часто, почти каждый годъ. Онъ слѣдитъ за хозяйствомъ, управляетъ хурульной кухней.

5) Помощникъ «гебкю» — *геик* выбирается на годъ; его обязанность слѣдить за созывомъ духовенства на богослуженіе и за порядкомъ.

6) Помощникъ «нирвé» (не всегда имѣется)—*зама* (поваръ).

7) *Кгонир*—назначается изъ «сургалин—кебюн» въ распоряженіе также «гебкю»; онъ прислуживаетъ при богослуженіи. Ихъ можетъ быть и нѣсколько.

8) *Бурхачи*—это лица изъ низшихъ ступеней, назначаемыя для заботы о бурханахъ: о чистотѣ, о возжиганіи передъ ними «зулà», «кюджи», о жертвенныхъ чашкахъ, для уборки хурульныхъ кибитокъ. Ихъ бываетъ и нѣсколько.

9) *Дунгчи* назначается на годъ изъ манжиковъ; его обязанность созывать духовенство въ хурулъ игрою на «дунг» (раковинѣ).

10) *Кгенкгеркчи* назначается на годъ, на два, на три. Онъ сзываетъ игрою на барабанѣ («кгенкгеркге») на богослуженіе и играетъ на «кгенкгеркге» въ хурулѣ.

Кромѣ такихъ должностныхъ лицъ каждаго хурула, есть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ улусахъ, лицо въ родѣ благочиннаго—старшій «бакша», который завѣдуетъ всѣми хурулами улуса. Старшій бакша выбирается всѣми хурулами и утверждается ламой; смѣна зависитъ только отъ ламы. [1]) Главой всего духовенства состоитъ «Лама», власти котораго присвоена особая желтая шапка («махла ỳла», фиг. 63) съ краснымъ бархатнымъ околышемъ.

Но кромѣ такого административно - религіознаго дѣленія, духовенство каждаго хурула расчленяется еще на нѣсколько группъ по своимъ научно—религіознымъ занятіямъ.

Монастыри астраханскихъ калмыковъ помимо ихъ религіознаго назначенія, являются еще средоточіемъ оригинальныхъ ламаитскихъ знаній.

Всѣ знанія ламаитскаго духовенства распредѣляются по четыремъ отдѣльнымъ спеціальностямъ: богословіе, астрологія, медицина и живопись, и въ каждомъ почти хурулѣ находятся представители всѣхъ этихъ знаній и ихъ ученики, именно: «бакши»—это учителя вѣры, «зурхачи» — астрологи, «эмчи»—медики, «зурачи»—живописцы.

Всѣ поступившіе въ хурулъ прежде всего обучаются калмыцкой грамотѣ, изучаютъ богослужебный уставъ и молитвы, знакомятся съ обрядовою стороною хуруловъ, и это продолжается почти до совершеннолѣтняго возраста. По мѣрѣ обнаруженія способностей, неспособные къ ученію уходятъ изъ хуруловъ и возвращаются въ свѣтъ, а способные дѣлаются духовными лицами, возвышаясь при этомъ послѣдовательно по священно-служительскимъ ступенямъ. До полученія первой священно-служительской ступени всѣ эти лица называются, какъ уже было сказано выше, «сургалин-кебюн», живутъ по кибиткамъ лицъ уже посвященныхъ въ религіозный санъ въ качествѣ послушниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ руководствомъ своихъ патроновъ, изучаютъ грамоту и богослужебный уставъ. Такимъ образомъ въ хурулахъ астраханскихъ калмыковъ нѣтъ общихъ школъ, а каждая кибитка есть мѣсто обученія, гдѣ обучаются два-три «сургалин-кебюн» по указаніямъ старшаго духовнаго лица. По мѣрѣ возраста и успѣховъ въ занятіяхъ «сургалин-кебюн» пріучаются практически къ участію въ богослуженіяхъ: въ качествѣ «бурхачи» ухаживаютъ за шутенами, за чистотою хурульныхъ кибитокъ, потомъ прислуживаютъ въ храмахъ при богослуженіи и проч. Параллельно идетъ и обученіе религіозной музыкѣ на отдѣльныхъ инструментахъ. Инструменты, на которыхъ играютъ при богослуженіи обыкновенно ученики,—это барабанъ («кгенкгеркге»), колокольчикъ («хонхо») и раковина («дунг») и можно думать, что съ этихъ инструментовъ и начинается обученіе религіозной музыкѣ. Вообще, учениковъ пріучаютъ играть не на одномъ, а на нѣсколькихъ инструментахъ. Вотъ почему среди духовенства нерѣдки лица, которыя умѣютъ играть на всѣхъ религіозныхъ инструментахъ, и нѣтъ ни одного духовнаго, который не умѣлъ бы владѣть хотя бы однимъ богослужебнымъ инструментомъ. Только тогда, когда ученики достигнутъ возраста, при которомъ обнаружатся ихъ способности и наклонности, начинается изученіе той или другой религіозно-научной спеціальности. Спеціализированіе знаній есть дѣло уже личнаго вкуса, выбора и необязательно для каждаго, почему большинство изъ духовенства не изучаетъ ни одной изъ спеціальностей, а ограничивается лишь знаніями богослужебно-обрядовыми: но и обратно: встрѣчаются лица, которыя изучаютъ по двѣ, по три спеціальности. Всѣ рукописи и по медицинѣ, и по астрологіи, и по богословію и по живописи изложены на монгольскомъ и тангутскомъ языкахъ, поэтому первая ступень, съ которой начинается изученіе всякой науки—это знакомство съ языкомъ. [1]) По мѣрѣ ознакомленія съ языкомъ, происходитъ приготовленіе для себя руководствъ по изучаемой спеціальности—списываніе рукописей подъ наблюденіемъ учителя. Такія условія усвоенія спеціальныхъ знаній дѣлаютъ то, что нельзя установить даже приблизительно числа лѣтъ для изученія той или другой спеціальности: все зависитъ отъ способностей учащаго и учащагося и отъ предварительныхъ знаній [2]).

---

[1]) Въ Ицикохуровскомъ улусѣ „старшимъ бакшей“ всѣхъ 8 хуруловъ улуса въ 1885 г. былъ гелюнгъ Эмчинова хурула.

[1]) Богослужебныя книги изложены тоже на тангутскомъ языкѣ, но изученіе ихъ происходитъ механически, безъ пониманія смысла, а путемъ лишь усвоенія наизусть.

[2]) Вотъ нѣсколько рельефныхъ примѣровъ. Начальникъ Большого Цатанова хурула, Яндыковскаго улуса, эмчи (докторъ),

Всѣ четыре отдѣла знанія нераздѣльно связаны съ религіей и служатъ ея цѣлямъ, и изучившіе ту или другую спеціальность являются представителями не науки, а религіи. Поэтому бакша среди калмыковъ является не только учителемъ вѣры, блюстителемъ нравственности, но и истолкователемъ всѣхъ космическихъ явленій, а равно и верховнымъ судьею, вѣдѣнію котораго подлежатъ всѣ дѣла изъ семейнаго права, не выключая и дѣлъ о наслѣдствѣ. Наравнѣ съ бакшой и «зурхачи» (астрологъ) есть участникъ всѣхъ событій, какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ каждой калмыцкой семьи: бракъ, роды, болѣзнь и смерть человѣка, успѣхъ въ хозяйствѣ перекочевка—все это совершается при участіи и по указаніямъ «зурхачи». Въ обязанность послѣдняго входитъ: а) слѣдить при бракахъ за лѣтами брачущихся, въ интересахъ счастія семьи; б) назначать «счастливыя имена» новорожденнымъ; в) въ случаѣ болѣзни, отыскивать причины ея; г) опредѣлять, какому виду погребенія предавать покойника; д) указывать, въ какую сторону положить лицомъ каждаго умершаго и т. д. И кромѣ всего этого, зурхачи дѣлаютъ вычисленія годовыя, опредѣляютъ путемъ вычисленій праздники, легкіе и тяжелые дни, а также время луннаго и солнечнаго затменія; предугадываютъ состояніе погоды, наступленіе холода и тепла и сообщаютъ разныя другія свѣдѣнія, важныя для степного хозяйства.

Сравнительно меньшая роль принадлежитъ калмыцкимъ докторамъ—«эмчи», которые имѣютъ дѣло только съ больными и приглашаются къ нимъ лишь послѣ опредѣленія «зурхачи» причинъ болѣзни.

Наконецъ живописцы—«зурачи»—являются уже просто хурульными ремесленниками: они, по заказу хуруловъ или отдѣльныхъ лицъ, рисуютъ «дарцики».

Но какой бы спеціальности ни было духовное лицо, оно проходитъ всѣ священнослужительскія ступени (наравнѣ съ другимъ духовенствомъ, не изучающимъ никакой спеціальности) начиная отъ манжика до гелюнга и ламы, можетъ избираться въ разныя должности (и только начальники хуруловъ избираются преимущественно изъ числа бакшей), и участвуютъ въ исполненіи всѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на духовенствѣ.

Въ кругъ обязанностей духовенства каждаго хурула входитъ участіе при обрядахъ: бракосочетанія, нареченія имени, погребенія, поминовенія, чтенія молитвъ надъ больнымъ, совершенія молитвословій по случаю бѣдствій—засухи, болѣзней и т. п., и наконецъ участіе въ богослуженіи, какъ ежедневномъ, такъ и праздничномъ.

Богослуженіе въ каждомъ хурулѣ совершается ежедневно два или три раза, смотря по уставу хурула. Общій ходъ богослуженія въ хурулахъ таковъ: два «дунгчи» или «кгенкгерчи» (смотря по роду службы) подъ наблюденіемъ гебкю или гепка съ оркамджи (родъ краснаго шарфа) черезъ плечо являются къ хурульной кибиткѣ, и всѣ трое предварительно обходятъ вокругъ хурульныхъ кибитокъ съ востока на западъ три раза, послѣ чего становятся у входа той изъ хурульныхъ кибитокъ, въ которой назначено богослуженіе (или же, если богослуженіе предположено совершить не въ одной кибиткѣ,—то у дверей главной кибитки) и трубятъ, послѣдовательно поворачиваясь на всѣ четыре стороны горизонта. Вскорѣ изъ отдѣльныхъ кибитокъ начинаютъ появляться тѣ изъ лицъ духовенства, которые въ этотъ день участвуютъ въ богослуженіи. Старшіе чины всегда одѣты въ лапшикъ, младшіе же являются въ камзолахъ, но у всѣхъ черезъ плечо обязательно надѣты «оркамджи». Всѣ лица, приближающіяся къ хурульной кибиткѣ, не идутъ прямо ко входу, а всегда подходятъ такъ, чтобы начать кругъ отъ входа съ восточной стороны и дѣлаютъ три общихъ круга вокругъ всѣхъ кибитокъ, причемъ идутъ или въ одиночку, или по два, по три въ рядъ (какъ случится). Сдѣлавши три полныхъ круга съ запада (если входъ обращенъ на югъ) или съ сѣвера (если на востокъ), приближаются ко входу въ ту кибитку, гдѣ будетъ богослуженіе, снимаютъ шапки и кладутъ передъ входомъ, лицомъ къ нему, три земныхъ поклона такимъ образомъ: руки, сложенныя концами пальцевъ, предварительно поднимаютъ ко лбу и наклоняются къ землѣ, затѣмъ, молящіеся, со сложенными руками, касаются лбомъ косяковъ у входа, отступаютъ, не оборачиваясь назадъ, берутъ шапку въ руки и, оставивъ обувь у дверей, входятъ уже въ хурульную кибитку. Здѣсь, положивши шапки гдѣ-нибудь въ сторонѣ, садятся каждый на заранѣе приготовленное для него мѣсто. Когда бываютъ въ сборѣ всѣ участники даннаго богослуженія, манжики приносятъ въ хурульную кибитку въ ушатахъ или въ домбо (смотря по количеству духовенства) чай или кумысъ (иногда также сушки) и разливаютъ его по чашкамъ, которыя приноситъ съ собою каждое лицо, начиная со старшихъ и до младшихъ членовъ; въ то же время два другіе или одинъ манжикъ раздаютъ сушки. Принявши сушки лѣвой рукой (въ правой чашка съ жидкостью), каждое лицо кладетъ ихъ на поставленный передъ нимъ столикъ и беретъ чашку обѣими руками. Когда кушанье роздано, наступаетъ молитва передъ ѣдой. Какъ и во всякомъ богослуженіи, начинаетъ всегда речитативное пѣніе молитвы «кгунзут», обыкновенно густымъ басомъ, тихо, а затѣмъ къ нему въ уни-

---

учился медицинѣ всего одинъ годъ, потому что тангутскій языкъ онъ уже зналъ предварительно; эмчи Цатанова хурула, Икинохуровскаго улуса учился четыре года; эмчи Зюнгарскаго хурула, Икицохуровскаго улуса изучалъ медицину пять лѣтъ; эмчи на урочищѣ Амта Бургуста въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, бывшій гелюнгъ, вышедшій изъ духовенства, учился 9 лѣтъ, и изъ нихъ 5 лѣтъ посвящены были на медицинскую практику; эмчи Мало-Харахусовскаго хурула въ Мочагахъ учился 11 лѣтъ, изъ которыхъ пять лѣтъ практиковалъ вмѣстѣ съ учителемъ. Подобная же разница въ числѣ лѣтъ, посвященныхъ наукѣ, замѣчается и при изученіи астрологіи, богословія и живописи.

сонъ присоединяются остальные, и молитва, начатая тихо, постепенно усиливается послѣдовательнымъ, почти незамѣтнымъ возвышеніемъ голоса. Молитва кончена, и происходитъ питье чаю или кумыса, которое идетъ безмолвно, причемъ въ чашку каждому наливаютъ столько разъ, сколько кто захочетъ, или сколько достанетъ. Каждый насытившійся облизываетъ чашку при посредствѣ пальцевъ до-суха, наполняетъ ее маленькими деревянными кружечками и кладетъ за пазуху, завернувши предварительно въ платокъ. Имѣніе при себѣ во время посѣщенія хурула чашки для духовенства обязательно, и дѣлается очевидно въ подражаніе Буддѣ, (который, не имѣя никакихъ запасовъ, являлся въ ближайшее поселеніе всегда съ своей чашкой, стучался въ двери, и если ему выносили чего-нибудь поѣсть, то получалъ пищу въ свою чашку и удалялся).

Такъ какъ на богослуженіе является не все духовенство, то оставшимся въ кибиткахъ маленькіе манжики изъ хурульной кибитки разносятъ пищу въ «домбо» или въ другой посудѣ. Почти всякое богослуженіе начинается пріемомъ пищи, причемъ въ хурульной кибиткѣ не ѣдятъ только мяса, его разносятъ прямо изъ кухни по кибиткамъ.

Послѣ того, какъ всѣ уже спрятали свои чашки, идетъ уже богослуженіе, которое бываетъ неодинаково, смотря по времени дня и по празднику, но каждое богослуженіе имѣетъ слѣдующія общія черты: 1) не только всякое богослуженіе, но и всякую пѣснь начинаетъ кгунзутъ; 2) начало всякаго богослуженія и всякой пѣсни бываетъ тихое, а потомъ всѣ голоса постепенно возвышаются; 3) пѣніе всегда речитативное и общее: никогда не бываетъ ни соло, ни дуэтовъ, ни тріо и пр. 4) при пѣніи всѣ голоса поютъ въ унисонъ. Одни изъ богослуженій состоятъ въ пѣніи только, другія же сопровождаются игрою на инструментахъ, то лишь на нѣкоторыхъ, то на всѣхъ, смотря по виду богослуженія. Въ игрѣ на инструментахъ трудно уловить мотивъ,— каждый инструментъ играетъ какъ бы отдѣльно, и получается шумъ; исключеніе представляетъ «бюря», игра на которой очень однообразна по варіантамъ, но самые варіанты всегда довольно уловимы. Наоборотъ, пѣніе отличается опредѣленностью и выдержанностью мотива, и какъ ни разнообразны, относительно, конечно, мотивы богослужебнаго пѣнія, всѣ они почти заканчиваются печально, меланхолически.

Всякое богослуженіе исполняется сидя, совершается въ обыкновенной одеждѣ, съ обнаженной головой. Нѣкоторою особенностью во внѣшней обстановкѣ отличаются, какъ кажется, только богослуженія: 1) «данжик», 2) чтеніе «нома» и 3) «укал». Отличіе перваго и второго состоитъ въ томъ, что они совершаются въ особой одеждѣ; особенность же укала, сравнительно съ другими богослуженіями, та, что во время него происходитъ освященіе аршана и зеренъ, что совершается такимъ образомъ: въ извѣстный моментъ богослуженія манжикъ подноситъ чашку съ зернами главному лицу въ богослуженіи—бакшѣ и держитъ ее передъ нимъ, стоя на колѣняхъ; бакша, подъ звуки «хонхо», «цанг» и «денкша», разбрасываетъ немного зеренъ въ стороны. Потомъ также подносятъ и ставятъ на столикѣ домбо съ аршаномъ, «толи», «манра» и платокъ; бакша, при звукахъ тѣхъ же инструментовъ, троекратно переливаетъ изъ «домбо» на «толи», откуда аршанъ сбѣгаетъ въ «манра», закрываетъ платкомъ и переливаетъ потомъ опять въ домбо, и такъ до трехъ разъ. Послѣ освященія «аршана» манжикъ подноситъ къ лицу каждой духовной особы «кюджи», сначала на правой сторонѣ, потомъ на лѣвой, и разноситъ аршанъ, наливая его каждому на ладони; получившій аршанъ немного отпиваетъ, а остальнымъ мажетъ себѣ грудь и лобъ.

По окончаніи богослуженія прежде другихъ поднимается гебкю и, взявши въ обѣ руки палочку своей власти, съ которою онъ сидитъ во все время богослуженія, производитъ ею движенія слѣва направо сначала передъ правымъ рядомъ, а потомъ передъ лѣвымъ; по движенію гебкю прежде поднимаются сидящіе по правую сторону, а потомъ—по лѣвую. Каждый выходящій, взявши шапку, выходитъ за дверь, надѣваетъ обувь, кладетъ шапку на землю, дѣлаетъ три поклона, прикладывается къ косяку дверей лбомъ и обходитъ троекратно вокругъ «хурля кгер», а потомъ уже отправляется въ свою кибитку.

Что касается видовъ богослуженія, то ихъ довольно много, и при томъ не одинаково у всѣхъ хуруловъ: каждый хурулъ имѣетъ свой отдѣльный уставъ, по которому и опредѣляются богослуженія.

Всѣ члены отдѣльнаго хурула ассоціируются между собою довольно оригинально: между тѣмъ какъ въ административно-церковномъ отношеніи хурулы представляютъ одну монастырскую общину съ подчиненіемъ отдѣльнаго лица обще-хурульному уставу и выборнымъ хурульнымъ властямъ, какъ во время богослуженія, такъ и внѣ его и даже за предѣлами хурула,—въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи у нихъ параллельно существуютъ два начала—общинное и личное. Каждый хурулъ имѣетъ спеціальныя общинныя хурульныя средства, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ скотѣ, и ими пользуются сообща всѣ члены хурула; но въ тоже время каждый отдѣльный членъ имѣетъ еще и свое собственное имущество и хозяйство, и нерѣдко очень значительное. Такъ что по имущественному положенію члены любого хурула далеко неравны: есть между ними бѣдняки, есть и богачи.

Хурульныя средства создаются изъ двухъ источниковъ: черезъ пожертвованія отдѣльныхъ прихожанъ хурула и путемъ исполненія различныхъ религіозныхъ требъ членами хурула. Какъ тѣ, такъ и другія средства, въ видѣ ли денегъ, скота или вещей, распредѣляются на три части: одна часть

идетъ въ пользу лицъ заработавшихъ или получившихъ пожертвованія; другая распредѣляется между всѣми членами монастыря сообразно ихъ іерархическому и административному положенію, а третья идетъ въ общую кассу, и изъ нея-то и образуются хурульныя средства. Обыкновенно послѣднія заключаются не въ деньгахъ, а въ хурульномъ хозяйствѣ, *скотѣ*, который находится подъ вѣдѣніемъ выборнаго изъ среды самого духовенства эконома — «нирве». Количество скота при каждомъ хурулѣ различно и зависитъ какъ отъ умѣлаго хозяйства, такъ, главнымъ образомъ, отъ богатства прихожанъ [1]).

Скотоводческое хозяйство хуруловъ ведется двумя способами. Въ хурулахъ, гдѣ скота немного, послѣдній выпасывается не въ отдѣльныхъ стадахъ, распредѣляется по стадамъ частныхъ хозяевъ калмыковъ; при хурулахъ же, въ такихъ случаяхъ, содержатся лишь лошади для кумыса и дойныя коровы. Такимъ образомъ, напримѣръ, ведется хозяйство въ Большомъ Цатановомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса, гдѣ было въ 1885 году лошадей 10, коровъ 30, овецъ до 150. Но при большомъ количествѣ скота хурулы имѣютъ свои отдѣльныя стада, которыя оберегаются наемными пастухами [2]).

Лицомъ, отвѣтственнымъ передъ хурульной общиной за хурульное хозяйство и обязаннымъ представлять ежегодный отчетъ, является, какъ уже сказано, «нирве»: онъ ведетъ счетъ скоту, имѣетъ дѣло съ пастухами, продаетъ и покупаетъ скотъ, а также назначаетъ на убой для кухни и завѣдуетъ самой кухней, гдѣ работаютъ, также по найму, куховары («зама»).

Расходуются хурульныя средства на такія потребности: а) на содержаніе «хурля́-кгер» и на ихъ принадлежности: «шутен», «сергу̀ шутен» (литые), «кёрикг шутен» (рисованные) и маленькіе «манкгу» или «эм-бійе́» — (лѣкарственное тѣло), «дарцик», музыкальные инструменты и пр.; б) на обще-хурульную кухню и хозяйство, и в) на пособіе, въ видѣ одежды, своимъ бѣднѣйшимъ членамъ и призрѣваемымъ при хурулахъ бѣднякамъ.

Такъ какъ отдѣльныя духовныя лица не имѣютъ въ своихъ кибиткахъ очаговъ, то при каждомъ хурулѣ внѣ хурульнаго круга ставится большая, не бѣлая («хара-кгер») кибитка для кухни, въ которой и готовится пища въ общихъ котлахъ и для всѣхъ членовъ хурула [1]).

Изъ хурульной же кухни получаютъ иногда остатки пищи и призрѣваемые. Но кромѣ пищи послѣдніе изъ хурульныхъ средствъ пользуются пособіями и въ другихъ видахъ. Какъ способъ помощи бѣднякамъ, такъ равно и число послѣднихъ различны въ разныхъ хурулахъ и не одинаковы, хотя бѣдняки есть обязательно при каждомъ хурулѣ, кочуютъ вмѣстѣ съ нимъ и ставятъ свои кибитки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кибитокъ духовенства [2]).

---

[1]) Одинъ изъ бѣдныхъ хуруловъ въ Калмыцкой степи— это Зюнгаровъ хурулъ Икицохуровскаго улуса. Начальникомъ этого хурула 30 лѣтъ назадъ былъ бакша Данкге, почитавшійся въ степи за святаго человѣка. При жизни онъ отличался безкорыстіемъ, проповѣдывалъ аскетизмъ, убѣждая другихъ, что богатство есть главный источникъ несчастія людей и ихъ грѣховности, и, умирая, просилъ избѣгать богатства. Его традиціи Зюнгарскій хурулъ стремится придерживаться и теперь. И вотъ въ этомъ хурулѣ хурульныя средства заключаются въ 6 лошадяхъ и 200 овцахъ. Въ другихъ хурулахъ число скота сравнительно больше. Такъ въ Мало-Цатановомъ хурулѣ, тоже Икицохуровскаго улуса, въ 1885 году считалось 7 верблюдовъ, 50 головъ рогатаго скота и 400 овецъ. Въ томъ же году въ Мало-Цатановомъ хурулѣ Эркетеневскаго улуса было 20 верблюдовъ, 70 лошадей, 200 головъ рогатаго скота и 1000 овецъ; въ Большомъ Эркетеневскомъ улусѣ—10 верблюдовъ, 170 лошадей, 60 коровъ и 1000 овецъ; въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса (одинъ изъ богатыхъ хуруловъ по скотоводству въ степи)—было верблюдовъ около 70, лошадей болѣе 300, коровъ около 100 и овецъ болѣе 3000.

[2]) Напримѣръ, въ Большомъ Багутовомъ хурулѣ нанимаютъ для своихъ лошадей двухъ пастуховъ съ платою по 2 р. въ мѣсяцъ и лѣтомъ, и зимою, одежда, „семерикъ“ муки и весною и осенью по 50 рунъ бараньихъ на обоихъ. На такихъ же условіяхъ нанимались два пастуха и для рогатаго скота. При овцахъ и верблюдахъ находилось 10 пастуховъ: два старика и восемь молодыхъ, причемъ хурулъ заключалъ условіе со стариками, а они уже отъ себя нанимали молодыхъ. Условіе въ этомъ году было заключено такое: хурулъ ежемѣсячно платитъ по 2 рубля на каждаго изъ 8 молодыхъ пастуховъ, по семерику муки въ зиму на 8 семей и 8 армяковъ, а лѣтомъ даетъ всю одежду, при этомъ въ пользу двухъ старыхъ пастуховъ идутъ кожи отъ павшихъ животныхъ, мясо отъ заболѣвшихъ и вся шерсть, и только въ концѣ года они обязаны доставить готовыя кошмы для „хурля—кгер“.

[1]) При Багутовомъ хурулѣ Яндык. ул. котелъ на кухнѣ вмѣщаетъ 25 ведеръ воды. Чтобы сварить чай, кромѣ воды, вливаютъ 2 ведра молока, 3—5 фунтовъ масла и $1^1/_2$ доски чаю. Варится чай два раза въ день.

[2]) Вотъ свѣдѣнія о призрѣваемыхъ по нѣсколькимъ хуруламъ.

Въ Большомъ Цатановомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса находится 7 кибитокъ простыхъ калмыковъ и въ нихъ призрѣвается 12 человѣкъ сиротъ и вдовъ. Хурулъ даетъ имъ одежду, пищу, чай, муку отдѣльно каждому. Призрѣваемые будутъ жить въ хурулѣ до смерти и между ними есть такіе, которые живутъ лѣтъ по 12.

При Большомъ Эркетеневомъ хурулѣ живетъ 10 бѣдняковъ, и за неимѣніемъ у нихъ кибитокъ, они живутъ на кухнѣ или по кибиткамъ духовенства.

Призрѣваемые—это вдовы, сироты, больные (неизлѣчимые, помѣшанные) и имъ хурулъ даетъ остатки отъ пищи и одежду.

Въ бакшиновомъ хурулѣ постоянно призрѣвается только двое (двѣ кибитки); лѣтомъ они доятъ для себя хурульныхъ коровъ, а зимою имъ дается пища и одежда; на зиму число бѣдныхъ увеличивается.

При Зюнгаровскомъ хурулѣ призрѣвается три лица, но зимою число увеличивается, а лѣтомъ бѣдняки живутъ при богатыхъ калмыкахъ; помощь хурула заключается въ пищѣ, одеждѣ, лѣченіи.

При Большомъ Багутовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса находится четыре кибитки стариковъ и вдовъ, призрѣваемыхъ хуруломъ, а прочія кибитки (въ числѣ 20) съ 5 полукибитками принадлежатъ бѣднякамъ, которые не въ силахъ перекочевывать вмѣстѣ съ состоятельными калмыками: имъ ху-

Каждое духовное лицо, получая изъ хурульныхъ средствъ только пищу, всѣ остальныя потребности удовлетворяетъ уже изъ собственныхъ достатковъ, и только бѣднѣйшимъ изъ своихъ членовъ хурулъ оказываетъ пособіе на одежду. Личныя средства составляются у всего духовенства, конечно, изъ получаемыхъ доходовъ при исполненіи религіозныхъ требъ и изъ частныхъ пожертвованій. Благодаря тому обстоятельству, что возможность полученія дохода, кромѣ принадлежности къ хурулу и имѣнія священнослужительскаго сана извѣстной степени, даетъ еще изученная научно-религіозная спеціальность, величина доходовъ совершенно несравнима у членовъ одного и того же хурула. Можно признать за общее положеніе, что зурхачи, бакши, а затѣмъ эмчи и даже зурачи, т. е. лица, съ тою или другою религіозною спеціальностью,—самые состоятельные люди въ каждомъ хурулѣ, и бѣдняковъ между ними нѣтъ. Но нерѣдкость встрѣтить и такое явленіе, что въ хурулахъ оказываются зажиточные люди, не только не обладающіе спеціальностью, но даже стоящіе на низкихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы. Подобные случаи объясняются связью духовенства со своими родственниками.

Среди калмыковъ духовное званіе пользуется не только высокимъ уваженіемъ, но и суевѣрно-религіознымъ почетомъ; духовное званіе, по понятію калмыковъ, важно не для одного поступающаго, но и для всей семьи и даже для всѣхъ родственниковъ; оно избавляетъ семью и хозяйство отъ несчастій здѣшней жизни и служитъ орудіемъ спасенія въ посмертномъ мірѣ. Поэтому, всякая семья стремится имѣть въ хурулѣ представителемъ за себя члена своей семьи, и если въ семьѣ есть четыре сына, то одинъ изъ нихъ, кромѣ старшаго, посвящаетъ себя обязательно духовному званію. Кромѣ того болѣзнь, смертность въ семьѣ, неплодіе, другія несчастія всегда служатъ поводомъ къ посвященію дѣтей мужескаго пола духовному званію, и если дѣтей не много, особенно если одинъ ребенокъ, и отдѣлить его отъ семьи нельзя, въ видахъ не прекращенія рода по мужскому поколѣнію, то и въ такихъ случаяхъ ребенка отдаютъ въ хурулъ временно, до совершеннолѣтія, или же, посвящая ребенка хурулу, оставляютъ его въ семьѣ. Всѣ посвященныя хурулу лица, хотя бы они и жили въ семьѣ, всегда до совершеннолѣтняго возраста носятъ одежду духовенства краснаго цвѣта и брѣютъ волосы на головѣ, послѣ же совершеннолѣтія одѣваются въ обычную одежду калмыковъ, и въ знакъ своего посвященія носятъ при посѣщеніяхъ хуруловъ или въ праздничные дни черезъ плечо узкій «оркамджи». Хурулу же посвящаютъ себя и старики. Всѣ духовныя лица мужскаго пола, посвятившія себя хурулу, называются «убуши». Такое названіе носятъ и женщины, обыкновенно старухи, подъ именемъ «убушанцы». «Убуши» и «убушанцы» вмѣстѣ съ обязанностью носить «оркамджи» даютъ обѣтъ воздерживаться во всю жизнь, наприм., отъ употребленія «арьки» (водки), табаку, мяса вообще, или какого нибудь одного бараньяго, лошадинаго, верблюжьяго и т. д. Кромѣ того «убуши», носящіе всю монашескую одежду, принимаютъ участіе въ хурульныхъ богослуженіяхъ во время праздниковъ или религіозныхъ церемоній.

Но созданіе монашества въ формѣ «убуши» есть несомнѣнно уступка со стороны религіи требованіямъ жизни и не имѣетъ, по мнѣнію калмыковъ, такого благотворнаго вліянія на счастіе людей и ихъ спасеніе, какъ полное хурульное монашество; поэтому калмыцкая семья стремится имѣть изъ среды своей духовное лицо при хурулѣ. Высокоблагочестивое отношеніе къ духовному сану у калмыковъ настолько крѣпко и постоянно, что въ исторіи почти каждаго хурула можно встрѣтить случаи, когда извѣстная семья цѣлыя столѣтія безпрерывно преемственно имѣетъ своихъ представителей, при чемъ отъ одного къ другому переходятъ преемственно и всѣ принадлежности кибитки въ видѣ шутеновъ, дарциковъ, жертвенныхъ чашекъ, столиковъ и проч. Достигается это такимъ образомъ, что къ монашествующему дядѣ поступаетъ въ качествѣ ученика его племянникъ или родственникъ, учится у него, живетъ съ нимъ, а потомъ, послѣ его смерти, наслѣдуетъ все его имущество, нерѣдко и спеціальность и даже званіе [1]).

Вслѣдствіе такого отношенія къ духовному званію происходитъ то, что въ хурулъ поступаютъ рѣже изъ бѣдныхъ семей, чѣмъ изъ зажиточныхъ. При этомъ поступившіе въ хурулъ не прерываютъ связи со своими родичами и со своей семьей, а напротивъ, остаются въ прежнихъ отношеніяхъ, не только родственныхъ, но и имущественныхъ. Выдѣляя изъ семьи одного изъ своихъ членовъ въ хурулъ для

рулъ помогаетъ нѣсколько пищей, но у нихъ есть свои, отдѣльныя отъ хурула, стада скота.

При Харахусовскомъ хурулѣ въ Мочагахъ есть нѣсколько бѣдныхъ кибитокъ, которымъ даетъ пособіе хурулъ: лѣтомъ—изъ хурульной кухни пищу, а зимой дается по кибиткамъ мука, доска чаю, и кромѣ того, духовенство, по очереди, кормитъ другихъ бѣдняковъ.

При Цатановомъ хурулѣ Эркетеневскаго улуса призрѣвается бѣдныхъ только три лица, а временно призрѣваемыхъ гораздо больше, такъ какъ при приближеніи къ хотону являются въ хурулъ за милостыней.

[1]) Примѣровъ подобной преемственности можно указать множество. Напримѣръ, въ Большомъ Керето-Баруновомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса, живетъ въ данное время гелюнгъ Габунъ Шаркисовъ, кибитка котораго пользуется большимъ уваженіемъ среди калмыковъ Барунова и Керетова рода за тѣ священные предметы, которые въ ней хранятся и которые принадлежали дѣду гелюнга Габуна. Отъ дѣда святости эти перешли къ дядѣ, а отъ дяди къ теперешнему владѣльцу, а потомъ конечно перейдутъ къ его родственнику. Подобнымъ же родственнымъ преемствомъ въ томъ же хурулѣ поддерживаются и передаются званіе „зурачи"; въ Эмчиновомъ хурулѣ Икицохуровскаго улуса званіе и знаніе медика; въ Эки-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса—званіе „зурхачи".

молитвы за всѣхъ, семья освобождаетъ его отъ всякихъ работъ по хозяйству и снабжаетъ постоянно всѣмъ необходимымъ: одеждой, посудой, постелью, кибиткой и проч. Все необходимое для живущаго въ хурулѣ члена семья его то сама доставляетъ періодически, то послѣдній самъ посѣщаетъ свой родной «хотон» (кочевье). Въ случаяхъ же, когда приходится шить одежду или исправлять и покрывать новыми кошмами кибитку, духовныя лица изъ хурула раскочевываютъ по хотонамъ и живутъ тамъ до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ окончена. Такое раскочеваніе духовенства можно чаще всего встрѣтить съ наступленіемъ осени, когда обыкновенно калмыки, въ виду приближенія зимнихъ холодовъ, возобновляютъ кошмы кибитокъ.

Но кромѣ постояннаго полученія содержанія отъ семьи монашествующіе члены получаютъ наравнѣ съ прочими членами и установленную обычаемъ часть изъ общаго имущества, увеличиваютъ ее изъ доходовъ, получаемыхъ при исполненіи религіозныхъ обязанностей, и нерѣдко являются очень зажиточными хозяевами, имѣющими, не только значительное количество скота, но и денежныхъ средствъ. Вообще, не будетъ сказано много, если признать за общее положеніе, что хотя среди духовенства и встрѣчаются лица бѣдныя, которыя не имѣютъ даже своихъ кибитокъ и живутъ въ кибиткахъ зажиточныхъ своихъ сочленовъ по хурулу, по большинство духовенства—люди состоятельные, и въ общемъ калмыцкое духовенство живетъ въ имущественномъ отношеніи гораздо богаче, чѣмъ калмыцкая масса.

Сравнительная зажиточность духовенства, при отсутствіи тратъ на семью, даетъ ему возможность заботиться о комфортѣ въ личной обстановкѣ. Въ центрѣ степи, гдѣ еще вполнѣ сохранился первобытно-кочевой бытъ, у духовенства комфортъ выражается развѣ въ дорогихъ чашкахъ для чаю, въ домбо для кумыса, въ одеждѣ; чѣмъ дальше отъ центра и ближе къ чертѣ осѣдлаго населенія, тѣмъ чаще уже въ кибиткѣ духовнаго лица можно встрѣтить самовары, столы, стулья. Параллельно съ измѣненіемъ въ обстановкѣ кибитки мѣняется и способъ передвиженія при кочевьѣ. Въ центрѣ степи, въ Харахусовскомъ улусѣ, а частью въ Яндыковскомъ, Икицохуровскомъ и Эркетеневскомъ, духовенство наравнѣ съ простыми калмыками кочуетъ на верблюдахъ или на лошадяхъ, и только для перевозки бурхановъ имѣется при хурулѣ одна или двѣ двухколесныя крытыя арбы, выкрашенныя обыкновенно въ красный цвѣтъ; потомъ для перекочевки и у отдѣльныхъ лицъ являются уже арбы, а на окраинѣ, напримѣръ въ Мало-Дербетовскомъ и въ Багацохуровскомъ улусѣ у духовенства не рѣдкость встрѣтить и довольно цѣнные крытые экипажи, въ которые закладываются тройки прекрасныхъ лошадей.

Но болѣе всего зажиточность духовенства проявляется въ жилыхъ постройкахъ. Нужно вообще замѣтить, что въ исторіи построекъ астраханской калмыцкой степи духовенство идетъ впереди всего прочаго калмыцкаго населенія. Въ настоящее время немного найдется въ степи хуруловъ, которые не имѣли бы одной—двухъ построекъ, хотя все-таки разница въ этомъ отношеніи между хурулами громадная: есть хурулы, которые не имѣютъ ни одной постройки, а лѣто и зиму живутъ въ кибиткахъ, наприм. всѣ почти хурулы въ Харахусовскомъ, Икицохуровскомъ и частію въ Эркетеневскомъ и Яндыковскомъ улусахъ, но еще болѣе хуруловъ, въ которыхъ почти все духовенство живетъ зимою въ домахъ, — это, напримѣръ, всѣ почти хурулы Мало Дербетовскаго, Багацохуро - Александровскаго улуса и въ Мочагахъ; встрѣчаются и такіе хурулы, при которыхъ духовенство не только въ зимнихъ, но и въ лѣтнихъ кочевьяхъ имѣетъ дома, таковъ хурулъ Большой Баруно-Керетовъ въ Яндыковскомъ улусѣ; а можно указать, что хурулы прекратили перекочевку и живутъ круглый годъ въ однихъ и тѣхъ же домахъ, напримѣръ: Мало-Шабинеровъ хурулъ въ Яндыковскомъ улусѣ, Малый хурулъ Харахусовскаго улуса въ Мочагахъ [1]).

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя данныя изъ исторіи хурульныхъ построекъ:

Въ Мочагахъ: 1) Въ Мало-Харахусовскомъ хурулѣ на урочищѣ Сухата первая жилая постройка сдѣлана была 47 лѣтъ назадъ, и съ того времени постройки постепенно увеличиваются; лѣтъ 10 назадъ хурулъ перестал совсѣмъ выкочевывать въ кибитки. Кромѣ жилыхъ построекъ, при хурулѣ имѣется храмъ—„эки-хурля“, выстроенный 27 лѣтъ тому назадъ, домъ „ламинъ-ширя“, выстроенный 5 — 7 лѣтъ назадъ въ честь хурульнаго бакши, „цаца“—часовня на мѣстѣ погребенія того же бакши рядомъ съ „домбо“ (часовней же) съ молитвеннымъ барабаномъ, сооруженная послѣднимъ харахусовскимъ нойономъ 15 лѣтъ, и еще „субургон“ — часовня въ честь улуснаго ламы. При хурулѣ внѣ порядка зданій стоитъ еще домикъ калмыка-торговца.

2) Въ Эркетеневскомъ Эки-Багутовомъ хурулѣ лѣтъ 26—27 назадъ построена „хурля“, и тогда же начали строиться и отдѣльныя лица духовенства; теперь все духовенство зимою живетъ въ домахъ.

3) Въ Яндыковскомъ улусѣ, въ Б. Баруно-Керетовомъ хурулѣ, въ зимнемъ кочевьѣ на урочищѣ Гахата, изъ священныхъ построекъ находятся: 1) „эки-хурля“ — построенъ въ 1879 г.; 2 и 3) – еще двѣ постройки хурля; 4) „субургон“ (надгробный памятникъ), выстроенный 30 лѣтъ назадъ на мѣстѣ, гдѣ погребенъ улусный лама; 5) „субургон“ на могилѣ хурульнаго бакши, выстроенный 25 лѣтъ назадъ; 6) „домбо“—погребальный памятникъ, построенный 8 лѣтъ назадъ зайсангомъ Кекшиномъ Оргичкѣевымъ на могилѣ своего брата гелюнга; 7) „домбо“, построенный тѣмъ же зайсангомъ на могилѣ своего дяди—гелюнга. Въ этомъ хурулѣ всѣ духовныя лица имѣютъ зимнія деревянныя постройки и при нихъ теплыя, глинобитныя кухни. Но кромѣ того, въ лѣтнемъ кочевьѣ, на урочищѣ *Бáшта*, выстроены въ послѣдніе два—три года „ламин - ширя“ въ честь улуснаго ламы и 6 жилыхъ построекъ для гелюнговъ.

4) Въ Мало-Шабинеровомъ хурулѣ находятся деревянныя постройки—„хурля“ и для жилья у всѣхъ гелюнговъ, кромѣ одного бѣдняка, который живетъ въ кибиткѣ.

5) Въ Маломъ Керетовомъ хурулѣ есть также постройки и для „хурля“, и для гелюнговъ.

Вообще у духовенства постройки начали созидаться лѣтъ 50 назадъ и послѣдовательно растутъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что еще ранѣе указаннаго времени въ Калмыцкой степи существовали постройки—какъ памятники на могилахъ и молельни. Есть основаніе думать, что такого характера зданія существовали уже въ прошломъ столѣтіи. Нерѣдко можно встрѣтить въ степи настолько ветхія часовни, что постройку ихъ трудно отнести къ XIX столѣтію; кромѣ того, подобныя старыя зданія находятся въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже давно не кочуютъ калмыки *).

Молельныя и могильныя постройки носятъ разныя названія. Обыкновенно зданіе, въ которомъ происходитъ богослуженіе и которое, такимъ образомъ, является взамѣнъ «хурля-кгер», называется у калмыковъ «хурля» съ прибавкою: «эки-хурля» «манла-хурля», «докшиден-хурля» (или «кюря») и пр. Зданія, которыя имѣютъ значеніе часовенъ или надгробныхъ памятниковъ, называются: а) «паца», б) «субурган», в) «бомбо» и г) «мâни». «Цаца» скорѣе можно назвать часовней: она строится обыкновенно въ честь какого-нибудь духовнаго лица, почитаемаго святымъ, въ ней сохраняются частицы отъ него въ видѣ золы, собранной послѣ сожженія трупа, и періодически происходитъ богослуженіе—или ежемѣсячно, или въ опредѣленные дни. Устройство ея отъ «хурля» ничѣмъ не отличается; вся разница заключается въ величинѣ и въ томъ, что въ ней только одни дарцики, чаще всего нарисованные прямо на стѣнахъ. Дверь цацы никогда не запирается и всякій калмыкъ можетъ войти въ нее помолиться, положить копѣйку—другую на столикъ. «Субурган» имѣетъ общее значеніе въ смыслѣ всякой священной постройки, кромѣ «хурля», и частное, какъ памятникъ, сооружаемый надъ прахомъ лица, почитаемаго святымъ, и отличается отъ «цаца» только тѣмъ, что въ немъ не сохраняется останковъ отъ чествуемыхъ людей. Внутри субурганъ украшается живописными рисунками бурхановъ, и очень часто герметически закрытъ. Видъ субургана представляетъ часовня «бомбо», которая по формѣ напоминаетъ священный сосудъ «бомбо» и созидается надъ могилою очень уважаемыхъ или родственныхъ лицъ.

Иногда въ субурганахъ и бомбо ставится громадный «кюрде», и калмыки ходятъ туда молиться; такія постройки съ «кюрде» называются «мâни-субурган» или «мâни-бомбо».

Выстраиваются часовни то на хурульныя средства, то иждивеніемъ частныхъ лицъ.

По отношенію къ священнымъ постройкамъ, калмыцкое духовенство, руководимое своими спеціальными живописцами («зурачи»), стремится придерживаться тибетской архитектуры, но, благодаря тому, что рабочими при постройкахъ бываютъ всегда русскіе плотники, а у «зурачи» не достаетъ техническаго образованія, то въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ удается приблизиться къ тибетскому типу, чаще же всего только одна верхняя часть постройки отвѣчаетъ религіознымъ требованіямъ ламаитовъ, а вся остальная ничѣмъ не разнится отъ обыкновеннаго жилого зданія *).

Численность духовенства у астраханскихъ калмыковъ въ настоящее время не приведена въ извѣстность. По штату, установленному правительствомъ въ 1847 году, всего іерархическаго духовенства въ степи полагается 1548 лицъ, въ томъ числѣ гелюнговъ 688, гецулей 430 и манжиковъ 430; кромѣ того, одинъ лама — высшее духовное лицо всѣхъ астраханскихъ калмыковъ. Послѣдній избирается всѣмъ калмыцкимъ духовенствомъ и по-

---

Въ Эркетеневскомъ улусѣ: 6) въ Большомъ Эркетеневскомъ хурулѣ 5 лѣтъ назадъ сдѣлана постройка хурля и нѣкоторые изъ гелюнговъ живутъ въ домахъ (меньшинство).

7) Кромѣ того, есть деревянная „хурля“ у одного изъ малыхъ хуруловъ.

Въ Пицохуровскомъ улусѣ: 8) въ Бакшиновомъ хурулѣ только въ 1884 году построена на урочищѣ Яшкуль эки-хурля.

9) Въ Зюнгарскомъ есть деревянная „хурля“ между урочищами Яшкуль и „субурган“, въ честь хурульнаго бакши Девкге на урочищѣ Чинчачи.

10) Въ Цатановомъ хурулѣ постройка „хурля“ сдѣлана на урочищѣ Чилгиръ въ 1884 году.

Въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ: 11) въ Пки-хурулѣ первая жилая постройка глинобитная сдѣлана на урочищѣ Аршанъ лѣтъ 35 назадъ; черезъ 2 года ее бросили и 25 лѣтъ назадъ выстроили небольшой домъ для бурхановъ. Но потомъ, благодаря притѣсненію сосѣдей—русскихъ поселенцевъ, вынуждены были укочевать на Маныч и продать свою постройку; черезъ 7 лѣтъ вернулись, выстроили деревянную „хурля“ и теперь около нея сдѣлано уже 7 жилыхъ зданій.

12) Въ Дунду - хурулѣ, того же улуса, первая постройка „эки-хурля“ сдѣлана была 33 года назадъ; вторая постройка „Джиджен-хурля“ — 32 года назадъ, а третья — въ честь Кебюн-бакши, — всего около года. Года за 3 — 4 до „эки-хурля“ были только два жилыя зданія у гелюнговъ, а теперь здѣсь уже болѣе 30 построекъ; года два назадъ кибитки-кухни стали замѣнять глинобитными круглыми кибиткообразными постройками.

13) Въ большомъ Тюменевомъ хурулѣ въ Хошоутовскомъ (Александровскомъ) улусѣ, около улусной ставки существуетъ каменное зданіе „эки-хурля“ (ф. 65) при другихъ священныхъ постройкахъ; всѣ гелюнги живутъ уже въ зданіяхъ.

14) Въ хурулѣ на Калмыцкомъ Базарѣ, въ томъ же улусѣ находится деревянная „хурля“ и постройки для духовенства

*) Наприм., по дорогѣ изъ Яндыковской ставки въ Мочажную находится „цаца“ Харахусовскаго улуса, между тѣмъ здѣсь уже полстолѣтія существуютъ русскія поселенія, и Харахусовскіе калмыки кочуютъ отъ этого мѣста на разстояніи не менѣе 100 верстъ; около Харахусовской ставки находится субурганъ Большого Багутова хурула Яндыковскаго улуса, который давно уже кочуетъ болѣе 50 верстъ южнѣе.

*) Во всей степи существуетъ собственно два архитектурныя и довольно изящныя зданія: Тюменевскій хурулъ въ Александровскомъ улусѣ, громадное каменное зданіе съ колоннадою, напоминающее Казанскій соборъ въ Петербургѣ (фиг. 65), и изящное деревянное зданіе въ Дунду-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса (фиг. 64), выстроенное въ память Кебюн-ламы хурула; отчасти къ числу зданій, выдерживающихъ типъ тибетскихъ построекъ нужно отнести еще „хурля“ на Калмыцкомъ Базарѣ и „эки-хурля“ въ Барун-Керетовомъ хурулѣ Яндыковскаго улуса.

лучаетъ Высочайшее утвержденіе; остальныя же духовныя лица по избраніи хурулами представляются съ мнѣніемъ ламы и улуснаго попечителя на утвержденіе Министра Государственныхъ имуществъ, и послѣ утвержденія лицу выдается билетъ на ту или другую іерархическую степень, въ которую и посвящаетъ уже лама. Такихъ лицъ «билетныхъ» или штатныхъ среди духовенства въ настоящее время гораздо менѣе количества, положеннаго по штату, именно гелюнговъ во всѣхъ хурулахъ считается 421, гецулей 282, манжиковъ 262, а всѣхъ 965. Но вообще хурульнаго духовенства вмѣстѣ съ «сургалин-кебюн» гораздо больше.

По количеству штатнаго духовенства хурулы раздѣляются на большіе и малые; въ большихъ хурулахъ положенъ штатъ: 16 гелюнговъ, 10 гецулей и 10 манжиковъ, а въ малыхъ—половинное количество, т. е. 8 гелюнговъ, 5 гецулей и 5 манжиковъ. Изъ 63 хуруловъ въ степи считается 23 большихъ, а остальные 40—малые; въ дѣйствительности же подобной количественной однородности въ хурулахъ не существуетъ, даже въ одномъ и томъ же улусѣ.

Глава IV.

ЛАМАИТСКАЯ РЕЛИГІЯ, НАУКА И ИСКУССТВА СРЕДИ АСТРАХАНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ.

«Эмчи» (медики); ученіе ихъ о болѣзняхъ; лѣченіе.—«Зурхачи» (астрологи); ученіе ламаитскихъ астрологовъ; 60-лѣтній циклъ у ламаитовъ; таблицы для гаданій; занятія «зурхачи».—«Зурачи» (живописцы).—«Бакши» (учители вѣры); ихъ ученіе о мірѣ и землѣ, о людяхъ и ихъ жизни, о спасеніи людей.

Несомнѣнно, что численность ламаитскаго духовенства имѣетъ значеніе въ хозяйственно-экономической жизни астраханскихъ калмыковъ: съ тѣмъ или другимъ количествомъ хурульнаго духовенства связывается вопросъ о тратахъ на непроизводительный классъ калмыцкаго населенія, живущій на счетъ трудящагося люда. Важна также въ этомъ отношеніи и сравнительная зажиточность духовенства, которое, въ силу уже чисто экономическаго преимущества, оказываетъ давленіе на калмыцкую массу; сравнительно еще болѣе ощутительное вліяніе оказываетъ духовенство на населеніе, благодаря своему высокому религіозному положенію, которымъ парализуется воля и побужденія калмыцкихъ простолюдиновъ. Но самаго серьезнаго вниманія въ вопросѣ объ отношеніи духовенства къ населенію заслуживаетъ та особенность, что духовенство калмыцкое является хранителемъ и истолкователемъ оригинальной буддистской науки, и въ силу такого своего положенія способно ставить сильное препятствіе къ поступательному развитію калмыковъ и къ усвоенію обще-научныхъ знаній. Безъ сомнѣнія, духовенство астраханскихъ калмыковъ, оторванное въ теченіи болѣе двухъ столѣтій отъ центровъ ламаизма—Монголіи и Тибета, много потеряло въ знаніяхъ, не мало изъ этихъ знаній видоизмѣнило подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условій, но кое-что все-таки сохранило. Теперь въ астраханскихъ хурулахъ, по признанію самихъ духовныхъ лицъ, остались лишь обрывки знаній, разрозненныя части обширной и систематической буддистской мудрости. Особенно много потери въ знаніяхъ нанесло духовенству удаленіе калмыковъ въ Азію, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда изъ астраханской степи было вывезено множество рукописей. Однако, то, что осталось не унесеннымъ, можно думать, сохранилось мало измѣненнымъ. Сбереженію болѣе всего помогло то обстоятельство, что всѣ знанія духовенства освящены религіозной неприкосновенностью и послѣдовательно передаются въ видѣ рукописей отъ одного поколѣнія духовенства къ другому; извращеніе первоначальныхъ знаній могло происходить только путемъ ошибокъ при списываніи рукописей. Ламаитская мудрость не идетъ непосредственно въ народъ не потому только, что она изложена въ большинствѣ на тангутскомъ или монгольскомъ языкахъ, знакомыхъ только исключительно духовенству, но и потому, что не духовному лицу, по мнѣнію калмыцкаго духовенства, не подобаетъ знать эту мудрость, а духовенству не дозволено («нигу̂ца́») посвящать въ нее калмыцкую массу, и послѣдняя чувствуетъ на себѣ и знаетъ лишь плоды, результаты науки черезъ лѣченіе медиковъ, предсказанія астрологовъ, рисунки живописцевъ и толкованія бакшей.

Такимъ образомъ «эмчи» (медики), «зурхачи» (астрологи), «зурачи» (живописцы) и «бакши» (богословы) являются по отношенію къ народу посредниками и истолкователями ламаитскихъ знаній, и такое положеніе представителей науки заслужи-

ваетъ во всякомъ случаѣ того, чтобы съ ихъ ученіемъ и ихъ практикою сколько-нибудь познакомиться.

1. «Эмчи» — калмыцкіе медики. — Основателемъ теперешней медицины ламаитовъ, по мнѣнію калмыцкаго духовенства, былъ самъ Шакджи-Муни (Будда), который при жизни училъ народъ всему, и теперь онъ, въ видѣ «Шакджи-Чидекчи», «хубилган'а», «Одчи-бурхан'а», считается покровителемъ эмчей. Но начало медицинскому ученію у людей положено гораздо ранѣе. Послѣ появленія человѣка на землѣ (изъ яйца, по словамъ одного эмчи Малаго Харахусовскаго хурула въ Мочагахъ), не было грѣховъ и болѣзней; потомъ съ размноженіемъ человѣчества, явились раздоры, грѣхи и болѣзни, и тогда-то для облегченія людей дано было медицинское ученіе, которое и переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію. Послѣ смерти Шакджи-Муни созванъ былъ соборъ ламъ и бакшей, которые собрали вмѣстѣ съ другими его ученіями и медицинское, въ томъ видѣ, какъ его передавалъ самъ Шакджи-Муни при жизни. Къ астраханскимъ калмыкамъ медицинскую науку занесъ изъ Тибета въ первой половинѣ XVIII вѣка Санджи Аракба, при ханѣ Дундук-Омбо, по мнѣнію эмчи, и при Галдан-Церенѣ, по мнѣнію бакши Эки-хурула въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ. Санджи Аракба жилъ у торгоутовскихъ калмыковъ и былъ основателемъ хурула, который и теперь называется въ честь этого «Эмчи-âхатен» (всевидящаго доктора) Эмчиновымъ, въ Икицохуровскомъ улусѣ. Этотъ Эмчиновъ хурулъ и по настоящее время служитъ средоточіемъ всѣхъ медицинскихъ знаній въ астраханской степи: въ немъ получаютъ или оканчиваютъ свое образованіе всѣ эмчи, за исключеніемъ одного Александровскаго (Тюменевскаго) улуса, и послѣдовательно живутъ самые знаменитые эмчи. Теперь славою медицинской знаменитости пользуется гелюнгъ Носта, а передъ нимъ былъ здѣсь гелюнгъ Бичхин-эмчи по народному, или Зодбо Первяевъ (умеръ въ апрѣлѣ 1885 года). Но и при Эмчиновомъ хурулѣ нѣтъ всѣхъ медицинскихъ книгъ, а находятся лишь отрывки по медицинѣ.

Все ламаитское медицинское ученіе («эмчин — ном», медицинскій законъ) изложено въ семи книгахъ:

(по тибетски):		(по калмыцки):
1-я,	Зарджит	ўндесин *или* ундеселексин.
2-я,	Шаджит	Номелху ўндесин *или* Нигутцын ўндесин.
3-я,	Манатджит	ўбдыс ундеселексин *или* Эмнек.
4-я,	Чимиджит	Хöэтын ўндесин.
5-я,	Хёгантöп	Халхаарга.

6-я и 7-я, четыре приложенія («тâльвур») къ 1-й и 2-й книгамъ.

Въ этихъ книгахъ, по мнѣнію самихъ эмчи изложены причины и признаки заболѣваній и указано лѣченіе всѣхъ болѣзней, какія теперь есть, были и будутъ.

Человѣческій организмъ, по ученію калмыцкихъ эмчи, состоитъ изъ пяти первичныхъ элементовъ: 1) «кгал» (огонь), 2) «усун» (вода), 3) «модон» (дерево), 4) «темер» (желѣзо) и 5) «шора» (пыль, прахъ),—а главныя силы или основы, производящія заболѣванія: 1) «ки» (воздухъ), 2) «цесан» (желчь) и 3) «бадган» (желудочный сокъ); послѣднія прирождены каждому человѣку, но проявляются въ формахъ отдѣльныхъ болѣзней подъ дѣйствіемъ первичныхъ пяти элементовъ. Такимъ образомъ, каждый человѣкъ, рождаясь, носитъ въ себѣ зародыши всѣхъ болѣзней, а кромѣ того каждому человѣку еще до рожденія назначено, чѣмъ болѣть, сколько и пр.; по милости бурхановъ людямъ даны также средства облегчать болѣзни, сокращать періодъ мученій, и эти-то средства и изложены въ священныхъ медицинскихъ книгахъ—«эмчин-ном».

Первоначальныя причины проявленія болѣзней— это преобладаніе или уменьшеніе въ организмѣ одного изъ пяти элементовъ: огня, воды, желѣза и пр. Такія явленія связаны съ временами года: такимъ образомъ изъ 3-хъ осеннихъ мѣсяцевъ въ первые 72 дня являются болѣзни отъ преобладанія или ослабленія «темер» (желѣза) въ организмѣ, а въ остальные 18 дней—«шора (пыль, прахъ); изъ 3-хъ зимнихъ мѣсяцевъ въ первые 72 дня дѣйствуетъ «усун» (вода), а въ 18 дней—«шора», изъ 3-хъ, весеннихъ въ 72 дня —«модон» (дерево), а въ 18—«шора», и наконецъ изъ 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ — въ 72 дня «кгал» (огонь), а въ 18 дней «шора». Слѣдовательно, каждый изъ пяти элементовъ имѣетъ склонность преобладать въ опредѣленные 72 дня въ году, и потому-то при діагнозѣ болѣзни прежде всего берется періодъ года и мѣсяца въ соображеніе *). При этомъ въ заболѣваніи отъ преобладанія одного изъ пяти элементовъ дѣйствуетъ или «ки», или «цесын», или «бадган». На дѣйствія той или другой изъ болѣзненныхъ основъ имѣетъ вліяніе болѣе всего пища: такъ, недостаточная или непитательная пища вызываетъ «ки», излишняя пища «цесын», а неудобоваримая (наприм. мучная)—«бадган». Въ свою очередь каждый изъ этихъ трехъ болѣзненныхъ элементовъ подраздѣляется на пять видовъ: 1) «ки»—головной («толган-ки»), второй — «ки» сердца («зюркин-ки»), третій — «ки» плевры («голын-ки»), четвертый — «ки» почекъ («бедрын-ки») и пятый — желудка («турслин-ки»). Тождественное подраздѣленіе имѣютъ «цесан» и «бадган». Болѣзнь отъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ или всѣхъ трехъ болѣзненныхъ основъ осложняется. Черезъ различныя комбинаціи первичныхъ пяти элементовъ и трехъ болѣзненныхъ основъ съ ихъ производными произошла вся сумма болѣзней. По медицинскимъ книгамъ всѣхъ болѣзней 404 и еще 360 «âдкгам» (припадковъ:

*) При діагнозѣ кромѣ того „эмчи“ пользуется изслѣдованіемъ пульса и урины больного.

сумасшествіе, истерика, эпилепсія и проч.). 404 болѣзни распредѣляются по четыремъ группамъ:

1) 101 видъ болѣзней, которыя сами проходятъ, безъ лѣченія.

2) 101 видъ болѣзней, излѣчиваемыхъ не лѣкарствами, а расходомъ имущества.

3) 101 видъ болѣзней, излѣчивающихся наговорами знахарей мужчинъ («бё») и женщинъ («удган»).

4) 101 видъ болѣзней, излѣчиваемыхъ медиками.

Такъ какъ главныя болѣзненныя основы связаны у человѣка съ разными органами (печень, голова, сердце), то и болѣзни распредѣляются по органамъ, и каждый отдѣльный органъ у человѣка еще въ утробѣ матери надѣленъ извѣстнымъ количествомъ болѣзней. Наприм., легкія имѣютъ пять видовъ болѣзней, сердце — 7, печень — 18, почки — 4, желудокъ—2, кишки—3, селезенка—3 и т. д.

Лѣченіе у калмыцкихъ эмчи бываетъ троякое: а) хирургическое—ставленіе банокъ и дѣйствія ножомъ: проколы, вырѣзыванія и пр.; б) гигіеническое—хорошая легкая пища въ видѣ горячей воды съ масломъ и еще чаще «шулюна» (бульона), обыкновенно крѣпкаго изъ баранины, и в) терапевтическое—при помощи лѣкарствъ. Лѣкарства составляются главнымъ образомъ изъ растеній, которыя или собираются въ степи, или покупаются въ мускательныхъ лавкахъ; но есть нѣкоторыя лѣкарства, которыхъ, по мнѣнію калмыковъ, нельзя достать въ Астраханской губерніи, такъ какъ они есть только въ Китаѣ или Тибетѣ. Всѣ лѣкарства предварительно изготовляются въ видѣ порошка и даются паціентамъ по преимуществу въ жидкой пищѣ; но при всякомъ почти лѣченіи главное вниманіе обращается на желудокъ, и дѣйствуютъ на него или слабительными, или рвотнымъ, или же удобоваримою пищей. Напримѣръ, лихорадку эмчи лѣчатъ такъ: съ утра даютъ понемногу *легкую пищу*—кипяченую воду съ масломъ, къ вечеру—немного хорошаго бараньяго бульону, а потомъ — рвотное. Лѣченію эмчи подлежатъ всѣ болѣзни, кромѣ оспы («цецык»). Оспа явилась у калмыковъ уже въ предѣлахъ Россіи, но она извѣстна была и въ Тибетѣ, и въ ламаитской медицинѣ указаны способы ея лѣченія, не лѣчатъ же ее собственно изъ страха, особенно молодые эмчи. Въ медицинскихъ книгахъ оспа называется не «цецык» (цвѣтокъ), а «бюрюмба» (по-тибетски) и «яра» (по-монгольски), и ея признается 9 видовъ. Самый опасный видъ оспы—«хара яра» (черная оспа), а самый слабый — «цаган ахалца» — одинъ изъ трехъ типовъ вѣтряной оспы, и этого вида оспы калмыки не боятся *).

Несложная и немногочисленная стряпня кухни ламаитскихъ медиковъ возмѣщается существованіемъ у нихъ способа лѣченія болѣзней, совершенно оригинальнаго и чуждаго нашей европейской медицинѣ, и къ которому большинство калмыцкихъ эмчи обращается гораздо чаще, чѣмъ къ хирургическому ножу или къ снадобьямъ. Дѣло въ томъ, что почти всегда при серьезномъ заболѣваніи прежде всего обращаются къ зурхачи, который путемъ астрологическихъ сопоставленій времени рожденія, числа лѣтъ больнаго, времени года, и другихъ выкладокъ опредѣляетъ преобладаніе того или другого изъ пяти элементовъ въ организмѣ человѣка, причину такого явленія, вызвавшаго болѣзнь, и наконецъ самый способъ лѣченія. Самымъ радикальнымъ средствомъ для выздоровленія считается «кюрюм» (или «хорюм»)—«выкупъ за жизнь». «Кюрюм» состоитъ въ богослуженіи у постели больного, при которомъ читаются молитвы, назначенныя каждый разъ зурхачи, и въ пожертвованіи въ пользу хурула части имущества больного или его семьи. Такое цѣлебное молитвословіе совершается всегда торжественно, съ музыкальными инструментами, и къ участію въ немъ приглашается много духовенства, лицъ 20, напримѣръ; оно требуетъ обильныхъ жертвъ на хурулъ (въ родѣ косяка лошадей) и хорошей платы участвующему духовенству—рубля по два каждому, а такъ какъ это подъ силу только людямъ весьма состоятельнымъ, то въ замѣнъ этого практикуется средство гораздо проще и доступнѣе—удаленіе изъ хозяйства больного какого-нибудь предмета, причиняющаго болѣзнь. Дѣло въ томъ, что въ числѣ причинъ болѣзней и припадковъ видную роль играютъ темныя силы многочисленныхъ видовъ, формъ и названій, которыя, избирая для себя орудіемъ какой-либо предметъ въ хозяйствѣ (наприм., цѣнный «лапшик», дорогую чашку, лошадь извѣстной масти, и т. д.), причиняютъ болѣзненныя страданія, а потому достаточно удалить такіе предметы, и болѣзнь прекращается. Искусство какъ зурхачи, такъ и эмчи часто сводится къ умѣнью отыскать вредоносный предметъ и указать способъ удаленія его, хотя наиболѣе благотворнымъ признается обыкновенно пожертвованіе такого предмета на хурулъ или лицу духовному.

Такимъ образомъ у постели больного спеціальность эмчи нерѣдко совпадаетъ съ практикою зурхачи. Калмыцкіе эмчи, вооруженные такими средствами лѣченія, всегда смѣло борются со всѣ-

*) Для наглядности и полноты свѣдѣній о калмыцкихъ эмчи представляю описаніе одной изъ оригинальныхъ аптекъ врача кочевника. Въ кибиткѣ эмчи находится довольно большой сундукъ, наполненный мѣшечками изъ матеріи съ разными снадобьями; въ одномъ изъ нихъ хранится фіалковый корень, въ другомъ—шафранъ, въ третьемъ—имбирь, въ четвертомъ — мускатный орѣхъ, въ пятомъ — какая-то сухая трава, добываемая будто бы изъ Пятигорска и т. д. Въ другомъ сундукѣ, поменьше, хранятся кожаные мѣшечки съ готовыми уже лѣкарствами, и послѣднія во всѣхъ мѣшечкахъ имѣютъ видъ зеленоватаго, довольно мелкаго порошка; но, по словамъ самого эмчи—хозяина, порошки представляютъ смѣси 5—20 (больше или меньше) разныхъ снадобій. Всѣ отдѣльные мѣшечки съ готовыми лѣкарствами сложены въ общій мѣшокъ изъ парчи, въ которомъ хранятся завернутыя въ шелковый платокъ медицинскія рукописи и серебряная ложечка.

ми болѣзнями, существующими въ степи, а этихъ болѣзней, слѣдуетъ сказать, не мало тамъ, особенно въ приморскихъ кочевьяхъ. По мнѣнію самихъ эмчи, въ астраханской степи самое нездоровое время года—лѣто, а самое благополучное — осень. Въ степи болѣзней несравненно менѣе, чѣмъ въ приморской части—въ Мочагахъ: здѣсь свирѣпствуютъ жестокія лихорадки («безгѐ»), которыхъ въ степи мало, особенно въ эргеняхъ, гдѣ, по словамъ эмчи на урочищѣ Амта Бургуста, лихорадка представляетъ рѣдкое явленіе. Сифилисъ («мерес») имѣетъ также болѣе сильныя формы и распространеніе въ Мочагахъ, чѣмъ въ степи. Между калмыками сифилисъ явился, по мнѣнію эмчи, со времени участія калмыцкаго войска въ кампаніи 12-го года; теперь эта болѣзнь чрезвычайно распространена и поддерживается главнымъ образомъ калмыками, работающими на рыболовныхъ ватагахъ: они разносятъ болѣзнь по всей степи. Зараженіе сифилисомъ передается черезъ одежду, пищу и проч.

Третья болѣзнь, весьма распространенная среди калмыковъ — страданіе почекъ («бёэрин эбчин»): эта болѣзнь встрѣчается повсюду, но особенно между калмыками, работающими въ морѣ (наприм. въ Цатановомъ р. Ямдыковскаго улуса); она бываетъ только у людей взрослыхъ и усиливается весною и осенью.

Кромѣ этихъ болѣзней, встрѣчаются еще четыре: 18 видовъ тифа «нян кинджик» (отъ «ки-цесын бадган») и «холун эпчин» (отъ «це сын»), главнымъ образомъ въ жаркое время года; 5 видовъ катарра желудка («хотын шинкгидык татў»); 6 видовъ чахотки («содвá»). Изъ заразительныхъ эпидемическихъ болѣзней только сибирская язва («момо») зараждается самостоятельно внутри степи, главнымъ образомъ на дѣтяхъ лѣтомъ; остальныя же болѣзни, по мнѣнію эмчи, заносятся въ степь извнѣ, отъ осѣдлаго населенія, какъ коклюшъ (по народному «кештык ханядын», по-монгольски «халун ханядын»), скарлатина (по народному «шінкдык», или по-монгольски—«нян»), дифтеритъ («биря») и наконецъ оспа. По убѣжденію калмыковъ и ихъ эмчи, передача въ степь оспы отъ осѣдлаго населенія бываетъ не только случайная, но и умышленная. У русскихъ въ Астраханской губерніи существуетъ будто бы повѣрье, что если передать кому-либо на сторону заразу, то болѣзнь прекращается, и вотъ они и стараются передать оспу «язычникамъ» въ бѣломъ хлѣбѣ, въ водкѣ, въ молокѣ и проч., для чего зазываютъ будто бы къ себѣ въ гости калмыковъ и угощаютъ ихъ напередъ зараженными оспеннымъ ядомъ кушаньями и напитками.

2. **«Зурхачи»—астрологи.**—Ученіе зурхачей, по мнѣнію калмыцкихъ ученыхъ, ведетъ свое происхожденіе тоже отъ Шакджи-Муни, который подъ именемъ бурхана Шакджи-Чидекчи, въ видѣ хубилгана Манза-шири, является и теперь покровителемъ астрологовъ; онъ издалъ «Зурх». Собранное по смерти Шакджи-Муни ученіе заключено въ 9 книгъ, подъ такими названіями: 1) «Джюмб» или «Махмут» — ученіе о тѣлѣ; 2) «Ло» или «Джиль»—годовой циклъ; 3) «Меэве», или «Менкгѐ»—изученіе причинъ несчастій людей, или о судьбѣ человѣка; 4) «Баркà», или «Кюлель»—изученіе значенія каждаго изъ 360 дней года; 5) «За», или «Кгарык»—о судьбѣ мертвыхъ и ихъ погребеніи; 6) «Кгарма» или «Одын»—о болѣзни и смерти людей; 7) «Дáва», или «Сор»—изученіе 12 лунныхъ мѣсяцевъ; 8) «Эдыр»—тоже изученіе 12 названій мѣсяцевъ; и 9) «Дў», или «Цак»—изученіе 12 частей дня и вычисленіе времени.

Но въ калмыцкой степи, по отзывамъ самихъ зурхачи, нѣтъ теперь всѣхъ указанныхъ книгъ.

О появленіи астрологовъ у калмыковъ разсказываютъ слѣдующее преданіе: Аюка-ханъ (жившій въ первой половинѣ XVIII ст.), чувствуя недостатокъ въ эмчи, зурхачи и бакши, отправился въ Тибетъ къ Далай-Ламѣ и съ разрѣшенія послѣдняго привезъ въ Астраханскую степь трехъ лицъ: бакши Шанрып-ламу, эмчи Áхатенъ (т. е. Санджи Аракба), и зурхачи Арынкг-Джалтынъ. И вотъ съ этого времени и начались въ степи зурхачи. Въ первое время по пріѣздѣ всѣ три лица были поселены между торгоутами, но ученики ихъ уже жили во всѣхъ улусахъ. Болѣе знаменитые зурхачи жили при Маломъ Шабинеровомъ (или Маштáкенъ) хурулѣ въ Мало-Дербетовскомъ улусѣ, и особенно славился здѣсь зурхачи Баро-Мангна, умершій 15 лѣтъ тому назадъ: его предки до 7-го колѣна были зурхачи и первый его предокъ учился непосредственно у Арынкг-Джалтына. У Баро-Мангка учились не только зурхачи изъ Дербетовскихъ хуруловъ, но и изъ Торгоутовскихъ.

Въ ученіи и практикѣ зурхачи нужно различать двѣ области: первая область, которую можно назвать математическою, основана на цифрахъ и ихъ комбинаціяхъ и касается вычисленія времени. У калмыковъ нѣтъ постояннаго календаря, и потому всѣ календарныя свѣдѣнія добываются, по мѣрѣ надобности, каждымъ зурхачи отдѣльно, на основаніи данныхъ своей спеціальности. И зурхачи увѣряютъ, что эти вычисленія производятся по такой точно опредѣленной системѣ, что разницы и противорѣчій въ вычисленіяхъ отдѣльныхъ зурхачи не бываетъ.

Другая область спеціальности зурхачей, наиболѣе практикуемая, это область гаданій о счастьѣ, здоровьѣ и будущемъ спасеніи людей, о благопріятныхъ и пагубныхъ обстоятельствахъ жизни и пр. Въ основѣ этого ученія лежатъ уже названные выше пять первичныхъ элементовъ всякаго организма и предмета («кгал», «шора», «модон», «усун» и «темер») и значеніе времени года, мѣсяца и дня по отношенію къ рожденію, смерти, лѣтамъ и пр. отдѣльнаго лица. По ученію зурхачи, отношеніе первичныхъ пяти элементовъ такое: огонь есть сынъ

дерева («кгал кебюн модон»), потому что огонь явился изъ дерева; прахъ земной есть сынъ огня («шора кебюн кгал»), желѣзо—сынъ праха («темер кебюн шора»), дерево--сынъ воды («модон кебюн усун»), слѣдовательно, все имѣетъ начало въ водѣ. У каждаго отдѣльнаго лица, при существованіи пяти элементовъ, преобладаетъ какой-нибудь одинъ:—или дерево, или огонь, или вода и пр., что и даетъ ему не только оригинальность въ земной жизни, но и назначеніе по смерти. Причина преобладанія того или другого элемента обусловливается многими обстоятельствами: временемъ рожденія, лѣтами, періодомъ года, брака, смерти и т. д., и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вычисляется, или, правильнѣе, разъясняется только зурхачи, который и принимаетъ въ разсчетъ всѣ условія времени, которыя выражаются въ самыхъ названіяхъ его. Такъ дни недѣли имѣютъ названіе разныхъ планетъ, вліяющихъ на судьбы людей:

Понедѣльникъ—Саран-кгарык, т. е. день Луны.
Вторникъ—Манкгмер-кгарык—день Марса.
Среда—Улюмджи-кгарык—день Меркурія.
Четвергъ—Пюрбе-кгарык—день Юпитера.
Пятница—Басанкг-кгарык—день Венеры.
Суббота—Бембе-кгарык—день Сатурна.
Воскресенье—Наран-кгарык—день Солнца.

Такимъ образомъ при вычисленіи прежде всего берется во вниманіе, подъ какою звѣздою было рожденіе, смерть, бракъ или предпріятіе, смотря по темѣ предмета. Затѣмъ важно названіе мѣсяцевъ:

Первый	мѣсяцъ декабрь	—Барс-сара,	мѣсяцъ	барса.
Второй	— январь	—Тӯла	—	зайца.
Третій	— февраль	—Лу	—	дракона.
Четвертый	— мартъ	—Мога	—	змѣи.
Пятый	— апрѣль	—Мёрин	—	лошади.
Шестой	— май	—Хойн	—	барана.
Седьмой	— іюнь	—Мечин	—	обезьяны.
Восьмой	— іюль	—Така	—	курицы.
Девятый	— августъ	—Ноха	—	собаки.
Десятый	— сентябрь	—Гаха	—	свиньи.
Одиннадц.	— октябрь	—Хулгуна	—	мыши.
Двѣнадц.	— ноябрь	—Укюр	—	коровы.

Названіе каждаго года составляется уже изъ комбинаціи названій мѣсяцевъ съ пятью элементами. Вѣкъ, по ламаитскому исчисленію, состоитъ не изъ 100 лѣтъ, а изъ 60, потому что въ теперешній періодъ человѣчества средняя жизнь человѣка—60 лѣтъ, и называется «габза», и каждый годъ такого 60-лѣтняго цикла носитъ особенное названіе. Чтобы скомбинировать 60 названій года, имена мѣсяцевъ и элементовъ располагаютъ въ такомъ разъ навсегда принятомъ порядкѣ: для мѣсяцевъ—отъ декабря по ноябрь, а для элементовъ—желѣзо, вода, дерево, огонь, земля и желѣзо и т. д. Соединеніе этихъ двухъ именъ для названій годовъ идетъ такъ: сначала желѣзо соединяется съ двумя мѣсяцами въ рядъ—барсъ и заяцъ, затѣмъ вода съ двумя—дракона и змѣи, далѣе дерево—лошадь и баранъ и т. д., пока опять желѣзо не придется при двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ — мышь и корова. Такимъ образомъ явится названіе для перваго 12-лѣтняго круга въ 60-лѣтнемъ циклѣ; для втораго круга исчисленіе начинается съ предмета, слѣдующаго за желѣзомъ, т. е, съ воды при барсѣ и зайцѣ, и закончится тоже водой при мыши и коровѣ; третій 12-лѣтній кругъ уже начнется съ третьяго элемента—дерева при барсѣ и зайцѣ, четвертый — съ огня и т. д. Наприм., новый 60-лѣтній циклъ начался съ 1831 года, и слѣдовательно:

1830 г. назывался годомъ желѣза и барса—«джиль темер барс»,

1831 г. назывался годомъ желѣза и зайца—«джиль темер тӯла».

1832 г. назывался годомъ воды и дракона—«джиль усун лу»,

1833 г. назывался годомъ воды и змѣи—«джиль усун мога».

1834 г. назывался годомъ дерева и лошади—«джиль модон мёрин» и т. д.

Слѣдуя такому исчисленію, 1886 годъ назывался годомъ огня и собаки—«джиль кгал ноха», и далѣе:

1887 назывался годомъ огня и свиньи—«джиль кгал гаха».

1888 назывался годомъ земли и мыши — «джиль шора хулгуна»,

1889 назывался годомъ земли и коровы—«джиль шора укюр».

«Шора» — послѣдній изъ пяти элементовъ, а корова—послѣднее изъ 12-ти названій мѣсяцевъ; стеченіе ихъ бываетъ лишь въ концѣ 60-лѣтняго цикла, и слѣдовательно съ 1890 года начался новый циклъ и 1890 г. называется годомъ желѣза и барса—«джиль темер барс».

У каждаго зурхачи, какъ необходимая принадлежность его спеціальности, кромѣ рукописей, есть еще доска для вычисленій и особенная таблица, подъ именемъ «тан-шим», въ которой сгруппированы всѣ данныя для предсказаній. Доска зурхачи (фиг. 66) дѣлается изъ крѣпкаго дерева и имѣетъ около $1^1/_4$ арш. длины и вершковъ 6 ширины; сверху средина выдолблена въ палецъ глубины, такъ что ее окружаетъ родъ маленькаго валика. Зурхачи пишетъ на ней желѣзной заостренной палочкой, насыпая предварительно мелкой пыли. Прежде чѣмъ начать писать, каждый разъ зурхачи совершаетъ символически молитву—ставитъ и стираетъ рядъ особыхъ знаковъ по разнымъ направленіямъ доски.

Таблица «тан-шим», «габза» (или по тибетски «джирин-зусын») дѣлается на желтой матеріи, длиною около $1^1/_2$ арш., а шириною нѣсколько болѣе листа обыкновенной писчей бумаги и разграфлена на многочисленное количество графъ (15 или 17) неодинаковой ширины, съ подраздѣленіемъ каждой графы на клѣтки. Первая графа (съ именами бур-

хановъ: Амни бурхан *или* Сакусен) называется «эмй-ни-менкге» и раздѣляется на 60 клѣтокъ; въ каждой клѣткѣ написано имя бурхана, владыки или покровителя извѣстнаго года. Вторая графа — «бійе менкге», тоже съ 60-ю клѣтками, а въ нихъ сдѣлано исчисленіе, какое было до Будды (Шакджи-Муни). Третья графа съ 60-ю клѣтками—«эркетни-менкге»—исчисленіе времени въ періодъ Будды, т. е. въ теперешній. Четвертая графа «кгарык» съ именами 12 планетъ. Пятая графа «одын» (звѣзды) и шестая «эмын» съ 60-ю клѣтками; въ нихъ обозначены звѣзды счастія или судьба на каждый годъ 60-лѣтняго цикла; седьмая—«бійе» (тѣло); восьмая — «эркётен» (счастье); девятая — «кимерин» (удача); десятая—«джиль сюмсын» (судьба души); одиннадцатая—«махмут орын» (мѣсто); двѣнадцатая — «орын джиль» (годъ); тринадцатая — «сюмсын» или «эке махмут» — первоначальныя тѣла; четырнадцатая—«наснито эре махна» и «экемахмут», въ перемежку; пятнадцатая — «кебюни хебю» (одежда дѣвушекъ); шестнадцатая — «зюрдан-зедкыр» (освѣщеніе), и въ ней написаны названія всѣхъ цвѣтовъ.

Графы неодинаковой ширины и группируются на отдѣлы, раздѣленные промежутками, именно: 1-я графа широкая и отдѣлена отъ 2-й промежуткомъ; 2-я, 3, 4, 5 и 6-я составляютъ какъ бы второй отдѣлъ; за промежуткомъ слѣдуютъ 7, 8, 9, 10-я—третій отдѣлъ; 11, 12, 13, 14, 15—четвертый отдѣлъ и наконецъ непосредственно широкая 16-я графа. Кромѣ широкихъ 1-й и 16-й графы, всѣ остальныя такой ширины, что при посредствѣ поперечныхъ линій каждая образуетъ изъ себя 60 квадратовъ. Въ 1-й и 16-й графахъ написаны слова: въ 1-й имена бурхановъ, въ 16-й цвѣта: «улан» (красный), «шора» (желтый), «хара» (черный) и т. д.; въ 13-й и 14-й символическіе знаки, а во всѣхъ остальныхъ—по-тибетски названія пяти элементовъ и 12 животныхъ, служащихъ для обозначенія мѣсяцевъ: «барсъ», «тӯла», «лу» и т. д. Кромѣ того, вверху таблицы по всей длинѣ идетъ графа заглавная, гдѣ въ каждомъ квадратѣ написано названіе пяти элементовъ въ соединеніи съ однимъ изъ 12-ти названій животныхъ.

Къ «габза» зурхачи прибѣгаютъ каждый разъ, когда къ нимъ обращаются за истолкованіемъ, разъясненіемъ или указаніемъ по какому нибудь изъ вопросовъ жизни. Наиболѣе частые случаи практики зурхачи относятся къ погребенію, браку, назначенію имени, и этой цѣли въ таблицѣ «габза» удовлетворяютъ, кромѣ заглавій, слѣдующія графы: 7-я «бійе», 8-я «эркётен», 9-я «кимерин», 13-я «эке-махмут», 14 и 15-я. Изъ сопоставленія содержанія клѣтокъ пяти графъ зурхачи и беретъ основаніе для рѣшенія вопроса.

Согласно характеру первичныхъ элементовъ въ организмѣ человѣка, ламаиты признаютъ пять видовъ погребенія: 1) въ огнѣ—путемъ сожженія («кгал-дю»); 2) въ водѣ—черезъ бросаніе покойниковъ въ воду («усуп-дю»); 3) въ землѣ—посредствомъ зарыванія умершаго («шора-дю»); 4) въ деревѣ, бросая въ лѣсу, или заколачивая въ деревянный ящикъ («модон-дю»); 5) въ желѣзѣ, кладя умершаго въ желѣзный ящикъ («темер-дю») *). И вотъ, когда умираетъ кто либо, то при разрѣшеніи вопроса, какому изъ видовъ погребенія (черезъ огонь, воду, желѣзо, дерево или землю) предать тѣло умершаго, зурхачи беретъ во вниманіе годъ рожденія, годъ смерти и лѣта умершаго, и если изъ сопоставленія этихъ трехъ данныхъ получится выводъ, что у умершаго человѣка преобладалъ элементъ «модон» (дерево), то рѣшеніе ясно: дерево, земля и желѣзо—элементы противоположные, и потому погребать покойника ни въ землю, ни въ желѣзо нельзя, а можно погребать или въ водѣ—матери дерева, такъ какъ дерево произошло отъ воды; или въ огнѣ—сынѣ, такъ какъ огонь происходитъ изъ дерева; или, наконецъ, въ деревѣ же. Изъ трехъ предметовъ спасительнѣе всего для лица, умершаго съ преобладаніемъ дерева въ организмѣ, быть погребеннымъ въ водѣ—матери, или же хотя бы въ деревѣ, и только въ крайнемъ случаѣ въ въ огнѣ—сынѣ. Но такъ какъ эти три вида погребенія не всегда одинаково сподручны, то обыкновенно зурхачи предоставляетъ выбрать одинъ изъ трехъ.

При бракѣ зурхачи приходится разрѣшать нѣсколько вопросовъ о возможности брака въ интересахъ семейнаго счастія и будущихъ дѣтей, о днѣ брака, о цвѣтѣ брачной одежды и лошади, о лицахъ, участвующихъ въ свадьбѣ и проч. При вопросѣ о счастіи брака берется въ разсчетъ прежде всего годъ рожденія брачущихся. Напримѣръ, желающій женится въ 1886 году, въ годъ огня и собаки («кгал-ноха») родился въ годъ барса, слѣдовательно ему будетъ въ это время 20 лѣтъ, а именно: отъ барса до барса 12 лѣтъ, да годъ утробной жизни—13; послѣ барса слѣдуетъ «тӯла», «лу», «мокга», «мерин», «хоин», «мечин», «така»—7 лѣтъ, и онъ уже не можетъ жениться на 17-лѣтней, рожденной такимъ образомъ въ году «мокга» (змѣи), ни обратно: мужчина съ годомъ «мокга» въ 1886 году не можетъ жениться на дѣвушкѣ съ годомъ «барсъ»; также «мокга» на «мечинъ», и обратно—«мечин»—на «гаха», «гаха» на «барсъ»,

---

[1]) Подъ вліяніемъ степной обстановки, гдѣ, напр., желѣза, дерева и воды трудно достать, а также подъ давленіемъ преслѣдованій администраціи за бросаніе труповъ, исполненіе религіозныхъ требованій относительно пяти видовъ погребенія обращены въ фикцію. Такъ, въ случаѣ погребенія въ желѣзѣ, деревѣ, водѣ—ограничиваются тѣмъ, что, зарывая покойниковъ въ землю, кладутъ съ ними кусокъ желѣза, дерева или льютъ воду; даже сожженіе („чиндерлеху") труповъ, благодаря дороговизнѣ этого способа погребенія, обходится въ большинствѣ случаевъ бросаніемъ на трупъ огня, и только погребеніе въ землѣ („казырта—болху") не фиктивно.

короче на лицѣ, года котораго приходятся на четвертомъ году послѣ годовъ лица, женящагося или выходящаго замужъ, считая вверхъ и внизъ. Но если есть большое желаніе жениться, тогда «зурхачи» обращаетъ еще вниманіе на сочетаніе 5 элементовъ, имѣя въ виду, что сынъ «модона» — «кгал», сынъ «кгала» «шора», сынъ «шора» — «темер», сынъ «темер'а» — «усун», и потому не допускаютъ жениться элементу сына на элементѣ матери и т. д.

Въ интересахъ же счастія зурхачи при помощи «габза» опредѣляетъ еще: а) признаки лица которое, согласно обычаю, первое прикасается къ невѣстѣ при увозѣ послѣдней въ хотонъ мужа; б) цвѣтъ одежды, въ которой невѣста должна быть увезена, и в) масть лошади, на которой она увозится.

Но въ спеціальности зурхачей существуютъ такія стороны, которыя нельзя отнести ни къ области математической, ни къ сферѣ предугадыванія личнаго счастія,—это, напримѣръ, предсказанія о погодѣ, которыя дѣлаются на основаніи наблюденій надъ явленіями природы, а также опредѣленіе подвижныхъ праздниковъ и такъ называемыхъ «черныхъ дней», въ которые запрещается кочевать, удаляться отъ хотона

3. **«Зурачи» — живописцы хурульные.** — Начало живописи по понятіямъ калмыцкаго духовенства, положимъ опять таки Шакджи-Муни во время своей жизни на землѣ, и передъ смертью велѣлъ тогдашнимъ зурачи срисовать съ него изображеніе. Но они испугались и не могли нарисовать; тогда онъ приказалъ снять портретъ со своей тѣни, что и было сдѣлано. Въ настоящее время покровителемъ «зурачи» считается бурханъ Манза-шири, который есть хубилганъ Бакши, т. е. Шакджи-Муни. Выше было сказано уже, что въ Астраханской степи зурачи явились вмѣстѣ съ зурхачи при ханѣ Аюкѣ, и съ того времени живописцы существуютъ во всѣхъ улусахъ и почти при каждомъ хурулѣ; но есть въ свою очередь и центры живописи, своего рода школы, гдѣ или обучаются, или совершенствуются зурачи. Такимъ центромъ въ Торгоутовскомъ улусѣ служитъ Большой Баруновъ хурулъ, куда отправляются учиться лица изъ всѣхъ Торгоутовскихъ улусовъ, а въ Мало Дербетовскомъ улусѣ—Дунду-хурулъ. Ученіе зурачи продолжается гораздо короче, чѣмъ обученіе медиковъ и астрологовъ, но все-таки захватываетъ года два—три и состоитъ въ изученіи техники живописи и въ обстоятельномъ ознакомленіи съ архитектурою и живописью. Техника калмыцкой живописи довольно примитивна и характеризуется отсутствіемъ перспективы и мертвеннымъ однообразіемъ всѣхъ изображеній бурхановъ; только по цвѣту лица и по аксессуарамъ рисунковъ можно отличить изображеніе одного бурхана отъ другого: всѣ они (исключеніе составляютъ развѣ изображенія злыхъ духовъ) снабжены одною типичною физіономіей: широкимъ, почти круглымъ лицомъ, узкими скошенными глазами, короткимъ носомъ и несоразмѣрно длинными ушами. Также примитивны и приспособленія: фарфоровая, обыкновенно китайской работы, чашка и деревянный пестъ съ наконечникомъ изъ твердаго камня для растиранія красокъ и нѣсколькихъ кистей, и съ такими приспособленіями производится даже живопись золотомъ, причемъ зурачи сами размельчаютъ червонное золото, такъ какъ, по требованію религіи, на бурхановъ идетъ только червонное золото, приготовленное особымъ способомъ.

Гораздо обширнѣе кругъ знаній у зурачи по части изученія ламаитской религіозной архитектуры и живописи. Собственно религіозная архитектура у астраханскихъ калмыковъ сводится къ изученію типа постройки субургановъ и ихъ наружныхъ украшеній. Главныхъ обязательныхъ варіяцій постройки у астраханскихъ калмыковъ 8 (фиг, 67), которыя сводятся къ двумъ типамъ: «бомбо» представляющій воспроизведеніе сосуда «бомбо» для аршана, и «хонхо» (колокольчика), а самыя варіяціи различаются между собою лишь деталями: числомъ и расположеніемъ ступеней, окрасокъ и проч. На верху каждаго субургана помѣщается или солнце на полумѣсяцѣ, или «зула» (свѣтильникъ), или же «эрдни-джендымин», отъ которыхъ всегда спускаются къ куполу рѣзныя изъ жести или дерева два украшенія, а на самомъ куполѣ изображеніе бурхана Абидва. Украшеніемъ хуруловъ и субургановъ служатъ живописныя или вырѣзанныя изъ дерева 16 «эрдни», или животныя: левъ, орелъ, олень, павлинъ. Что же касается до живописныхъ изображеній бурхановъ, то зурачи обыкновенно срисовываютъ изображенія съ готовыхъ образцовъ, причемъ отъ зурачи требуется знаніе деталей изображенія бурхановъ, что представляетъ довольно сложную науку.

IV. Бакши *)**—учители вѣры.** Покровителемъ бакшей считается Шакчи-Эдекчи Хубилган, по-тибетски Долэ Бакши, по-монгольски Узю-Элекчи, который и на этомъ и на томъ свѣтѣ служитъ путеводителемъ; книги бакши: «Судыр» или «До», «Торни» или «Кгак» и «Дельве» или «Помготгаху».

Религіозно-научныя спеціальности «эмчи», «зурхачи» и «зурачи», благодаря своему техническому характеру и опредѣленности задачъ, не такъ легко поддаются измѣненіямъ и извращеніямъ времени и жизненныхъ условій, съ одной стороны;

---

[1]) Названіе „бакши", „бакша" употребляется съ двоякимъ значеніемъ: администрація, русская литература и сами калмыки, особенно въ Торгоутовскихъ улусахъ, „бакшами" называютъ начальниковъ большихъ хуруловъ и начальниковъ всѣхъ хуруловъ улуса, прибавляя въ послѣднемъ случаѣ слово „старшій"; но собственно слово „бакша" отмѣчаетъ духовное лицо, которое спеціально изучило основы, принципы религіи—догматику, космогонію и этику, и потому въ хурулѣ можетъ быть не одинъ, а нѣсколько бакшей, какъ бываетъ нѣсколько медиковъ, астрологовъ и живописцевъ. Напримѣръ, въ Дунду-хурулѣ Мало-Дербетовскаго улуса въ 1885 году было 3 бакши, и одинъ изъ нихъ былъ начальникомъ хурула.

съ другой, въ силу тѣхъ же свойствъ, ученіе ламаитовъ—медицинское, астрологическое и живописное—болѣе доступно для систематической передачи характерныхъ его сторонъ, чѣмъ спеціальность «бакши», которая охватываетъ собой все то, что у насъ разгруппировывается между догматикой, этикой, космологіей и отчасти юриспруденціей.

Литература азіатскаго юга, особенно Индіи, этой колыбели ламаитскихъ воззрѣній, отличается вообще неимовѣрнымъ развитіемъ фантазіи, рисующей намъ какъ самыя роскошныя формы красоты, такъ и картины отвратительнаго безобразія. Все представляетъ она въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ: пространство, прошедшее, будущее—не имѣютъ предѣловъ; хронологія считаетъ время тысячелѣтіями, пространство измѣряется тысячами миль. Вообще, здѣсь нѣтъ предѣловъ воображенію. Такими же свойствами отличаются и воззрѣнія астраханскихъ ламаитовъ, но только у послѣднихъ эти особенности значительно видоизмѣнились: съ одной стороны, сюда внесено многое умышленно, въ силу своекорыстныхъ разсчетовъ духовенства; съ другой, воззрѣнія религіозно-научныя приняли во многомъ воззрѣнія массы народной. Такимъ образомъ, въ ученіи астраханскихъ ламаитовъ—догматическомъ, этическомъ и космологическомъ—нельзя не различать трехъ стихій: а) первоначальной, основной, такъ сказать, индійской, отмѣченной богатствомъ и грандіозностью фантазіи; б) искуственной стихіи, состоящей изъ вставокъ и толкованій, направленныхъ къ увеличенію доходовъ хуруловъ, и отличающейся узостью воззрѣній и логической послѣдовательностью, и в) народной стихіи, полной суевѣрій, противорѣчій и несообразностей. Послѣдній элементъ настолько силенъ, что многое изъ ученій «бакши» удобнѣе было бы помѣстить въ отдѣлѣ народныхъ произведеній, еслибы оно не было запечатлѣно исключительно религіознымъ духомъ и не преподавалось бы духовенствомъ массѣ, какъ религіозныя, неоспоримыя истины, которыми она руководится въ повседневной жизни.

Главными истолкователями религіозныхъ истинъ и являются «бакши» *). По ученію самихъ бакшей, спеціальность ихъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ бурхана Шакджи-Муни, который обыкновенно называется еще Бурхан—Бакша. Первоначально въ Астраханскую степь бакши являлись изъ Монголіи, Тибета, и только въ половинѣ XVIII столѣтія, особенно же послѣ удаленія калмыковъ въ Китай, когда прекратились сношенія калмыковъ съ Тибетомъ, бакши стали получать свои знанія въ хурулахъ степи. Въ область этихъ знаній входитъ все то, что относится къ сферѣ догматики, этики и космологіи *).

Міръ, по ученію ламаитовъ, представляетъ собою кругъ, въ центрѣ котораго высится гора «Семер-ŷла» (Сюмбери) — драгоцѣнная гора (фиг. 69). Семер-ŷла, возвышается надъ поверхностью океана на 80.000 «беря» **), а 80.000 беря ея погружены въ океанъ, гдѣ она лежитъ на золотѣ, поддерживаемая лягушкой «милке» — хубилганъ Бурхан-Бакши). Вокругъ драгоцѣнной горы расположены еще 7 сомкнутыхъ золотыхъ горъ—«долан алтын ŷла», а вокругъ всѣхъ горъ и океана находится желѣзная крѣпость. Первая изъ золотыхъ горъ, ближайшая къ Семер-ŷла, ярмовидной формы гора Нешинг-зин (тибет.), имѣетъ высоты надъ уровнемъ океана 40.000 беря; вторая гора—Шолдазин—20.000 беря; третья—Сенкдын-джан—10.000; четвертая—Данадŷ—5.000; пятая—Демя Саджик—2.500; шестая—Намдын—1.250 и седьмая—Мечин зин—625. Вышина же и ширина желѣзной крѣпости (Хозада темер-хара, или Ула, или Кюря)—$312^1/_2$ беря. Между семью горами расположено семь океановъ («долан дала»): первый—Нашинг-зин-дала—ширины 80 000 беря, второй—Шолда-зин—40.000 и т. д. Восьмой океанъ, ближайшій къ крѣпости, Дабста-дала-борзонгта (горько-соленый), имѣетъ въ окружности 3.600.750 беря, а разстояніе отъ послѣдней горы до крѣпости 322.000 беря, окружность же крѣпости 3.602.625 беря. Семер-ŷла имѣетъ форму усѣченной пирамиды, основаніе которой у поверхности океана 2.000 беря, а верхушка $3^1/_2$ беря. Каждая изъ ея четырехъ сторонъ имѣетъ особый цвѣтъ или блескъ: южная—синій, западная—красный, сѣверная—желтый и восточная—бѣлый, что происходитъ отъ состава поверхности горы: южный склонъ поверхности Семер-ŷлы состоитъ изъ «бендрія»—драгоцѣннаго камня синяго цвѣта, западный—изъ «бадма-раг'а», сѣверный—изъ «алтын'а» (золота), а восточный—изъ «менкген'а» (серебра). Такіе четыре цвѣта отражаются на всемъ, лежащемъ въ той или другой сторонѣ, такъ что въ южной четверти океанъ имѣетъ синій цвѣтъ, въ западной—красный, въ сѣверной—желтый, а въ восточной—

*) Чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ и наставленіямъ, а иногда и просто по невѣжеству, рѣдкій бакша въ серьезныхъ случаяхъ преподаетъ то или другое ученіе изъ области своей спеціальности наизусть, безъ рукописей; обыкновенно же онъ при всѣхъ своихъ толкованіяхъ и разъясненіяхъ имѣетъ передъ собою рукопись, для чего у бакши, равно какъ и у другихъ духовныхъ лицъ, имѣются спеціальные столики, въ видѣ ширмъ (фиг. 68), на которыхъ бесѣдующій о религіозныхъ предметахъ бакша ставитъ длинный ящичекъ съ рукописями, раскрываетъ его и по мѣрѣ чтенія складываетъ на открытую крышку прочитанные листы рукописей, всегда состоящихъ изъ отдѣльныхъ длинныхъ листовъ.

*) Въ занятіяхъ бакшей, гдѣ спутаны, слиты и затемнены ламаитскія воззрѣнія догматическія, этическія, космическія и юридическія, трудно оріентироваться, не легко уловить общую систему, установить группы и почти совершенно не возможно поставить все въ логическую связь. По необходимости въ передачѣ ихъ приходится ограничиться отрывочными свѣдѣніями, и главнымъ образомъ тѣми изъ нихъ которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ духовенству, къ людямъ, къ природѣ.

**) „Беря“ равняется восьми верстамъ.

бѣлый. Отсюда южная часть называется «кекé-эрдни» (синяя драгоцѣнность), западная — «улан-эрдни» (красная драгоцѣнность), сѣверная — шора-эрдни-алтын (желтая золотая дрогоцѣнность) и восточная— «цаган-эрдни» (бѣлая драгоцѣнность). Въ предѣлахъ отраженія южной, синей драгоцѣнности расположена «Замбо-теб»—наша земля, отдѣленная отъ Семер-ўлы и окруженная синимъ океаномъ. Замбо-тебъ состоитъ изъ трехъ островов: средняго—большаго и боковыхъ—маленькихъ, одинаковой формы, кувшино-образной, напоминающей форму лица человѣческаго. На большомъ Замбо-тебѣ и на маломъ, правомъ, обитаютъ люди, а на лѣвомъ—«манкгус'ы». Въ предѣлахъ отраженія западной, красной драгоцѣнности находятся три острова круглой формы «ўкюр-эделечи-теб», гдѣ обитаютъ жители съ круглыми лицами, а изъ животныхъ есть только коровы («ўкюр»). Въ сѣверной, золото-желтой драгоцѣнности существуетъ три острова четыреугольной формы — Мудўта, и населеніе обладаетъ четыреугольными физіономіями. На западной, бѣлой сторонѣ три острова Улюмджи-бійте имѣютъ форму серпа луны, и такую же форму имѣютъ и лица обитающихъ здѣсь существъ. На Замбо-тебѣ находится 16 большихъ государствъ, а маленькихъ («арык») 1000, и обитаетъ 360 племенъ, говорящихъ на 720 языкахъ. Самое старшее здѣсь государство индійское — Энедкин-Очерто-сюре, или Магда, или Очир-Сюре. На сѣверъ отъ Магда находятся снѣжныя горы Цастул-ўла (въ Тибетѣ) и сѣвернѣе ихъ—Кюджи Омкгельха, гора съ запахомъ «кюджи» (курительная свѣча). Эту гору ограничиваетъ съ сѣвера океанъ («дала́») —Марво въ 50 «беря» въ поперечникѣ и въ глубину, а вода его состоитъ изъ 8 элементовъ. Изъ «дала-Марва» выходитъ четыре большихъ рѣки («мёрин-гол»): первая – Ганга-мёринъ, которая вытекаетъ изъ скалы, подобной пасти слона, течетъ на востокъ, принимая въ себя по пути 500 рѣкъ; въ пескѣ этой рѣки добывается серебро. Вторая рѣка вытекаетъ изъ пасти быка (Мерин-Синда) течетъ на югъ, принимаетъ въ себя 500 рѣкъ и впадаетъ въ океанъ на югѣ, заключая въ пескѣ своемъ «бендрія» (драгоцѣнный камень). Третья рѣка изъ скалы, какъ пасть лошади — Мерин-Банчи, съ 500 притоками, впадаетъ на западѣ и имѣетъ песокъ стекловидный (алмазъ и др.). Четвертая рѣка изъ пасти льва—Мерин-Сиде, со своими 500 притоками, вливается въ океанъ на сѣверѣ и обладаетъ золотымъ пескомъ. Всѣ четыре рѣки, вытекая изъ океана, дѣлаютъ въ своемъ теченіи по 7 круговъ и возвращаются въ океанъ, изъ котораго вытекли. Сѣвернѣе горы Кюджи на 20 «беря» находится еще золотая скала («алтын-хада») Алтын-Сарыб-хада (по-монгольски), Серджи-Барыкъ (по-тибетски), иначе Акламинъ, $4^1/_2$ «беря» въ высоту и 50 «беря» отъ угла и до угла, въ окружности—200 «беря»; вокругъ нея 8000 маленькихъ скалъ. Еще сѣвернѣе растетъ дерево («модон»)—Саларабдынъ (или Сала-хан-арабдынъ), которое возвышается надъ поверхностью земли на 80 «а̀лда» (саженей) и идетъ въ землю на 40 «а̀лда»; оно окружено семью деревцами. Наконецъ, на восходъ Замбо-тебъ, на 20 «беря» дальше отъ дерева, расположено озеро Кюб-Долане-вер-букчи, круглой формы, въ 50 «беря» ширины и длины, а въ окружности 150 «беря», окруженное 100.000 маленькихъ озеръ. Среди Кюбъ находится дерево въ видѣ цвѣтка («бадма») —Бадма-модонъ; листья его толщиною въ воловью шкуру, корень, какъ плугъ, а плоды—со ступицу колеса, и вкусъ ихъ—медъ. Высота дерева вверхъ—80 «алда», а внизъ 40. На сѣверѣ Замбо-тебъ водится слонъ Сала-Арабданъ (хубилг. Хурмусты) съ 100.000 другихъ слоновъ; зимою Арабданъ имѣетъ пребываніе на Алтын-сарыб-хада, весною—у дерева Сала-хан-арабдынъ, осенью—у Кюб-Долане-вер-букчи, и въ каждомъ мѣстѣ онъ бываетъ по 4 мѣсяца. Среди океана Марва есть дерево Замбу; когда съ этого дерева падаетъ цвѣтокъ, то раздается звукъ «замбо», «замбо», «замбо». Отъ звуковъ дерева и земля получила свое названіе «Замбо-теб». Падающіе листья собираетъ злой геній—драконъ Лу, а изъ тѣхъ листьевъ, которые не были собраны Лу и попали въ океанъ, образуется золото—«алтын-замбо мёрини». На западномъ концѣ земли находится государство Орджанъ съ религіей Ухан-берекчи, и въ немъ пребываетъ бурханъ, хубилганъ Очир-Дáре; люди здѣсь въ высшей степени религіозны. На южной оконечности лежитъ гора Урюзинъ, на вершинѣ которой обитаетъ бурханъ Нидувер-Узюкчй, а у подошвы—бурханъ Даре-эки. Наконецъ, на востокѣ, на горѣ Ута-Тайсинъ, состоящей изъ пяти горъ, живетъ бурханъ Манза-Шире. Указанные бурханы являются какъ бы покровителями четырехъ сторонъ Замбо-тебъ. Но есть еще общій покровитель надъ Замбо-тебъ, равно какъ и остальные три міра надѣлены каждый своимъ покровителемъ: 1) Замбо-тебъ охраняетъ синій покровитель—бурханъ Пакджива; 2) Укюр-эделекчи-тебъ охраняетъ красный покровитель — Укюр-эделекчи-ханъ; 3) Мудўта-тебъ — желтый повелитель Мудўта-ханъ, и 4) Улюмджи-бійте-тебъ — бѣлый повелитель Жёлкюр-Сурул-ханъ. Но рядомъ съ четырьмя повелителями вселенной все въ послѣдней зависитъ отъ «немен-эрдни»—восьми драгоцѣнностей: 1) «церге-нойон-эрдни», 2) «мёрин-эрдни», 3) «зан-эрдни», 4) «тошмиль-эрдни», 5) «хатын-эрдни», 6) «мáни-эрдни», 7) «кюрде-эрдни» и 8) «джиндемин-эрдни». Онѣ и размѣщены вокругъ міра на равномъ другъ отъ друга разстояніи; около Замбо-тебъ находится «джиндемин-эрдни». Въ промежуткахъ между этими 8-ю эрдни находится еще 8 другихъ эрдни: 1) «шукюр-эрдни», 2) «алтын-зексын», 3) «алтын-бомбо», 4) «цецык-бадма», 5) «цаган-дунг», 6) «алтын-уцын», 7) «чимик», 8) «кюрдé», которыя служатъ какъ бы для укрѣпленія того, что содержатъ первыя 8 эрдни;

вотъ почему вторыя и рисуются иногда подъ первыми. На Семер-улѣ находится 21 небо, и на каждомъ изъ нихъ живутъ особыя властвующіе духи—«сакусен» и «тенгри» или «тенгерии». Имѣя пребываніе на одномъ мѣстѣ, эти божества, какъ и всѣ вообще бурханы, находятся повсюду. Они исполняютъ разное назначеніе, и между прочимъ изъ числа ихъ есть покровители жизни на землѣ: годовые, денные и пр. Такъ, каждый годъ имѣетъ своего бурхана, который на народномъ языкѣ называется «Цаган-эвкген» (бѣлый старикъ); каждый день тоже имѣетъ своего бурхана. Бурханы могутъ принимать разныя формы, не только людей, но даже животныхъ. Такія воплощенія бурхановъ называются «хубилган'ами», и ихъ безчисленное множество: далай-ламы, высокочтимые бакши и нойоны признаются хубилганами главнаго бурхана Шакджи-Муни (Будда). «Хубилган'ы»—это первый и самый совершенный видъ живыхъ существъ, въ которыхъ воплощена душа; слѣдующій видъ—«тенгри», добрые геніи, но уже нуждающіеся въ спасеніи; третій видъ—«асри», злые геніи; четвертый видъ—«кюнен» люди; пятый видъ—«адусен», животныя, и шестой—«берит», особыя мучащіяся чудовища. Выше всего этого стоитъ неизъяснимый, великій, всемогущій, всесильный, всесправедливый Богъ и бурханы-міроправители, какъ Шакджи-Муни, Майдри и другіе. Шакджи-Муни есть главный бурханъ или міроправитель только нашей эры жизни на землѣ, и до него были и послѣ него будутъ еще безчисленное множество бурхановъ міроправителей.

Прежде люди жили безконечно, но потомъ назначенъ былъ срокъ жизни 80.000 лѣтъ, и послѣ этого въ каждое столѣтіе происходитъ уменьшеніе срока жизни на одинъ годъ, и такое уменьшеніе будетъ итти до тѣхъ поръ, пока срокъ жизни не дойдетъ до 10 лѣтъ, послѣ чего начинается возрастаніе снова до 80000 лѣтъ. Періодъ уменьшенія отъ 80.000-лѣтняго до 10-лѣтняго возраста составляетъ одинъ малый «баргал»; періодъ возрастанія съ 10 лѣтъ до 80.000 лѣтъ—другой малый «баргал». Изъ 20 баргаловъ составляется одинъ малый «гальчин»; а изъ 80 баргаловъ или 4-хъ малыхъ гальчиновъ образуется одинъ большой гальчинъ. Въ теченіе каждаго большого гальчина бываетъ такое измѣненіе жизни: въ первые 20 баргаловъ происходитъ уничтоженіе жизни, въ слѣдующіе 20—существуетъ «*ничто*», пустота, въ третьи 20—бываетъ зарожденіе жизни, а въ послѣдніе 20—проповѣдуется ученіе бурханами. Мы живемъ въ малый баргалъ пониженія жизни, именно въ періодъ, когда средняя жизнь людей равняется 60 годамъ, и теперь правитъ міромъ Шакджи-Муни, сдѣлавшійся правителемъ со 100-лѣтняго періода жизни людей. До него было множество міроправителей: такъ, съ 40.000-лѣтняго до 30.000-лѣтняго періода міромъ правилъ бурханъ Орчилин-Эбдекчи; съ 30.000-лѣтняго — бурханъ Алтын-Чидекъ, съ 20.000-лѣтняго — бурханъ Кгерыль-Сокакчи, со 100-лѣтняго бурханъ Шакджи Муни и будетъ править міромъ до 10-лѣтняго періода, съ 10-лѣтняго до 80.000 лѣтняго, въ баргалъ, такъ сказать, возрожденія, будутъ властвовать хубилганы бурхана Майдри, который явится, когда люди будутъ жить по 80.000 лѣтъ. Когда пройдетъ 1.000 бурхановъ-міроправителей, тогда конечный міръ исчезнетъ, и настанетъ новый свѣтъ и новый міръ. Передъ наступленіемъ его произойдетъ истребленіе всего огнемъ. Правленіе Майдри настанетъ послѣ пятаго истребленія жизни, а четыре истребленія или четыре «галаб'а» уже были: «темный галабъ», «свѣтлый галабъ» и др. Жизнь земли, равно какъ и жизнь вселенной, временная: ея прежде не было. До теперешней вселенной было ничто, вдругъ явился воздухъ («ки») толщиною въ 1.600.000 «беря», а длиною безконечный. Послѣ этого шелъ дождь и образовался океанъ глубиною въ 1.120.000 «беря», а шириною въ 1.203.450 «беря»; подъ водою появилось золото толщиною въ 320.000 «беря», и такъ какъ золото вышло изъ воды, то послѣдняя понизилась; изъ золота образовалась площадь надъ водою въ 3.610.350 «беря» ширины. Послѣ этого шелъ снова дождь и была буря, возмутившая океанъ, и образовалась Семер-ўла, а вокругъ нея «доланўла» и всѣ «теб» (міры). Манза-Шири плюнулъ, и образовалась золотая лягушка «милке», которая погрузилась въ океанъ и стала поддерживать Семер-улу; эта лагушка—есть хубилганъ Манза-Шири. Въ то же время вся земная природа есть какъ бы воплощеніе Манза-Шири: деревья земли—это кровеносные сосуды Манза-Шири («сунцын»), огонь—животная теплота его («бюлень пильче»), земля («шора»)—тѣло (махмудъ), желѣзо—кости («ясан»), вода—его кровь («цусын»), трава—волосы («ўсун»); луна и солнце—два его глаза; 7 звѣздъ, послужившихъ для названія дней недѣли—его зубы, а всѣ остальныя звѣзды произошли изъ спины (?) Манза-Шири, и все въ мірѣ отъ него, даже «черные» и «бѣлые» дни. Міроправители, какъ и хубилганы, а часто и тенгри вообще, носятъ названіе «бурхановъ», и ихъ у астраханскихъ ламаитовъ безчисленное множество. Въ противоположность этимъ свѣтлымъ божествамъ, есть еще множество божествъ темныхъ, злыхъ, которыя носятъ разныя названія общія и личныя: Эрлик-ханъ, Араха, Лу, Кумюсъ, Алмысъ, Чоткиръ, Домала, Шулма и др. Всѣ злыя силы способны принимать форму разныхъ живыхъ существъ и неорганическихъ предметовъ и вредить людямъ.

Человѣчество создано бурханомъ Эсёрын-тенгри, который сотворилъ сначала Эсренъ (мужа, Адама) и потомъ жену—Эво *). Жили они безконечно, все

*) Въ Яндыковскомъ улусѣ существуетъ такая легенда о происхожденіи живыхъ существъ: было когда-то чудовище женщина—Мангусъ, которая имѣла сношенія съ обезьяной („сармичен"), отчего родилось шесть мальчиковъ, а отъ нихъ

у нихъ было готово. Солнца и луны не было: не встрѣчалось нужды въ свѣтилахъ. Первые люди питались духомъ («ки»), и облегчать желудокъ не нужно было. Между ними явился одинъ воръ, который укралъ плодъ и съѣлъ, тогда свѣтъ оставилъ людей. Послѣ грѣха все въ мірѣ стало исчезать, уменьшаться и перерождаться; явились дѣтородныя части и половыя потребности; возникла собственность, эгоизмъ, вражда; свѣтъ сталъ меркнуть, и Богъ далъ людямъ солнце и луну; съ этого времени до Шакджи-Муни прошло 500,000 поколѣній; для разбора споровъ люди выбрали одно лицо паремъ—«манкурьба» (почетнымъ лицомъ). Послѣ первыхъ грѣховъ Богъ назначилъ людямъ, прежде жившимъ безконечно, срокъ жизни въ 80 000 лѣтъ, но за постоянные грѣхи въ каждые сто лѣтъ съ того времени уменьшается по одному году, и теперь уже средняя жизнь человѣка—60 лѣтъ. Уменьшеніе лѣтъ жизни дойдетъ до 10 лѣтъ. Соотвѣтственно съ уменьшеніемъ срока жизни людей падаетъ и ихъ ростъ, и при 10-лѣтнемъ возрастѣ ростъ ихъ будетъ въ палецъ („хургун"). Въ это время явится для правленія міромъ, вмѣсто Шакджи-Муни, бурханъ—посланникъ (предтеча) Майдри, его хублиганъ — Берде-Габат, и начнется увеличеніе лѣтъ и роста людей: въ каждые сто лѣтъ по одному году, и такое увеличеніе будетъ продолжаться до 80.000 лѣтъ, когда явится въ міръ бурханъ Майдри, равный по своему величію Шакджи Муни. Теперь бурханъ Майдри постоянно живетъ въ царствѣ Гаден-тенкгиръ, но 15 августа ежегодно онъ является на землю къ людямъ, и вотъ въ честь его бываетъ въ это время праздникъ—Майдрин-хурулъ. Совершается торжественный выносъ изображенія этого бурхана на возвышенное мѣсто, гдѣ происходитъ богослуженіе; это какъ бы встрѣча Майдри.

Со времени назначенія 80.000-лѣтняго срока жизни для людей явились рай и адъ. Назначеніе срока жизни и установленіе рая и ада произошло вслѣдствіе того, что люди стали дѣлать 10 «черныхъ дѣлъ», или черныхъ грѣховъ, («арбун хара килинце»):

1) «худул»—ложь,
2) «хатхын»—злословіе,
3) «шурюн-ўга»—брань,
4) «цалга-уга»—пустословіе,
5) «хулсгулху»—жадность,
6) «хорто-сетхель»—зложеланіе,
7) «бурузыль»—отрицаніе религіи,
8) «эметеселха»—лишеніе жизни,
9) «эсе экгесене абху»—взять не данное, воровство,
10) «бурю áлзылс»—сладострастіе.

Люди и теперь совершаютъ эти 10 «черныхъ дѣлъ». Самое совершеніе происходитъ тремя путями: черезъ языкъ («келер хурâху»), черезъ чувство и мысль («сеткелер хурâху») и черезъ дѣйствіе («біер хурâху). Черезъ языкъ совершаются четыре черныхъ дѣла: ложь, злословіе, брань и пустословіе; черезъ помыслы—три: жадность, зложеланіе и порицаніе или отрицаніе религіи; черезъ дѣйствіе тоже три: убійство, воровство и сладострастіе. Отвѣтственность за всякое «черное дѣло» падаетъ не только на совершившаго его, но и на участниковъ; послѣдними же являются лица приказавшія и лица такъ или иначе помогавшія его исполненію, т. е. виноватыми въ «черномъ дѣлѣ» признаются; 1) совершившее лицо («эберэн ульдуксин») 2) лицо приказавшее («бустар улюткюлюксын») и 3) косвенный участникъ («бусудын ульдуксун дў дахан баясхў, бусульдуксун дў — духан баялцаксын»).

Въ соотвѣтствіе съ 10 «черными дѣлами» находятся 10 «бѣлыхъ дѣлъ» или добродѣтелей («арбун цаган буйн»):

1)—Не убивать.
2)—Не воровать.
3)—Не прелюбодѣйствовать.
4)—Не жадничать.
5)—Не зложелать.
6)—Не порицать религію.
7)—Не лгать.
8)—Не злословить.
9)—Не браниться.
10)—Не пустословить.

Въ наказаніе за «черныя дѣла» и въ награду за бѣлыя созданы рай и адъ. Рай («таралан») находится выше земли; владыка рая—бурханъ Абидва, хубилганъ Шакджи-Муни. Въ рай идутъ только безгрѣшные люди мужского пола. Но рай еще не предѣлъ блаженства, а лишь ближайшая ступень къ Нирванѣ. Всѣ поступившіе въ рай выходятъ оттуда черезъ цвѣтокъ лотоса («бадма-цецык»). Если грѣшникъ попадетъ въ рай, то цвѣтокъ его не выпускаетъ, и грѣшникъ живетъ въ немъ 500 лѣтъ,—это его наказаніе за «черныя дѣла»; для грѣшника такое заключеніе въ «бадма-цецык»—адское, а намъ, жителямъ земли, кажется, что онъ находится на 33-мъ небѣ. Послѣ 500-лѣтняго заключенія, грѣшникъ вмѣстѣ со всѣми выходящими изъ рая погружается въ Нирвану—дѣлается нечувствительнымъ ни къ чему.

Адъ («тамâ») находится, ниже земли, владыка его—Эрлик-ханъ. Здѣсь совершившіе «черныя дѣла» терпятъ разныя мученія: въ кипящей водѣ они вращаются, какъ «сарачинское пшено»; ихъ безпрестанно рѣжутъ по спинѣ и животу, трутъ въ жерновахъ, затыкаютъ желѣзные колья въ задній проходъ; ѣздятъ на нихъ злые духи, принуждаютъ ихъ ходить по горячимъ угольямъ. Грѣшниковъ съ одной стороны жалятъ змѣи, кусаютъ комары, а съ другой ихъ колютъ кинжалы. Они помѣщаются то въ ледъ, который въ десять разъ холоднѣе нашего,

уже произошли всѣ люди Тибета, и вообще всѣ шесть видовъ живыхъ существъ: „берит", „адусен", „кюнен", „асри", „тенгри" и „хубилган".

то въ три желѣзныя, накаленныя комнаты, находящіяся одна внутри другой.

Адъ—первая, самая крайняя и самая жестокая ступень мученій, но кромѣ него есть еще пять ступеней промежуточныхъ между адомъ и раемъ: «бёрит», «адусен», «кюнен», «асри», и «тенгёрй».

«Берит»—это чудовища, которыя при большомъ ростѣ и громадномъ аппетитѣ имѣютъ ротъ и горло въ конскій волосъ толщиною. «Берит» вѣчно голодный, питается тѣми существами, которыя дѣлаютъ неправду, мошенничаютъ, не передаютъ денегъ, назначенныхъ духовенству, и т. п. «Адусен» — всѣ живыя существа, кромѣ людей; «кюнен» — люди; «асри»—злые духи; «тенгри»—добрые духи, но еще нуждающіеся въ спасеніи.

Такимъ образомъ, люди—это есть лишь одно изъ шести воплощеній души. Душа безсмертна, но за грѣхи она воплощается въ тѣла людей, животныхъ, «берит», «асри», «тенгёри», и всякое изъ этихъ воплощеній есть наказаніе для нея, и всегда временное. Срокъ воплощенія и мученій, а равно и форма того и другого зависитъ отъ дѣлъ.

Богъ великъ, всемогущъ, но и справедливъ до того, что даже *не имѣетъ силы* простить виновнаго, а единственное спасеніе—его собственныя дѣла. Поэтому вся жизнь человѣка должна быть обращена на спасеніе себя отъ мукъ ада и на полученіе возможности переселенія въ блаженство. Послѣ смерти человѣка душа его 49 дней бродитъ, ожидая своего рѣшенія. Въ эти дни, если кто имѣетъ средства, долженъ дѣлать «служенія», пожертвованія, и тогда къ добрымъ его дѣламъ прибавляются еще добрыя, а отъ злыхъ отнимаются. Послѣ 49-дневнаго срока идетъ душа или въ рай, или въ адъ, или воплощается въ «берит» «адусен», «кюнен», «асри», «тенгёри». Попавшія въ адъ, «берит», или «адусен», послѣ исполненія надъ ними заслуженнаго наказанія, переходятъ постепенно отъ низшихъ ступеней къ высшимъ и до рая. Для ускоренія періодовъ наказанія и переходовъ служатъ средства: молитва и пожертвованія на хурулъ и духовенству живущихъ родственниковъ. За молитвы и пожертвованія бурханы уменьшаютъ наказанія: «добрыя дѣла спасительны, но есть молитвы, которыя выше дѣлъ». Вотъ почему калмыки очень заботятся о поминовеніи: состоятельные калмыки ежегодно, въ годовщину каждаго умершаго изъ своей семьи, нанимаютъ моленія, дѣлаютъ пожертвованія, приносятъ въ хурулы пищу. Помогаетъ душѣ въ ея странствованіяхъ и молитва постороннихъ, поэтому каждый долженъ молиться за всѣ существа: людей, животныхъ, «берит», «асри», «тенгери», и первая молитва каждаго ламаита должна быть за нихъ: «Ом мани пат ме хум!».

Такъ какъ душа воплощается и въ «адусен» — животныхъ, то убивать ихъ грѣхъ. Въ видахъ спасенія нельзя, напримѣръ, зарѣзать барана, или даже приказать зарѣзать его. Вотъ почему благочестивый калмыкъ, имѣя стадо барановъ, покупаетъ баранину у другихъ, или устраиваетъ дѣло такъ, чтобы другой вмѣсто него—сынъ или жена — распорядились зарѣзать барана изъ числа тѣхъ, которые назначены на зарѣзъ и пасутся отдѣльно вблизи кочевья. Но если ужъ необходимость заставляетъ зарѣзать, то слѣдуетъ прежде всего читать молитву для себя, а потомъ, чтобы сдѣлать полезное убиваемому животному, нужно прочитать и ему молитву въ ухо, или прочитать молитву надъ пескомъ и потомъ этотъ песокъ всыпать въ ухо животнаго. Но къ такимъ средствамъ нужно прибѣгать лишь по отношенію къ животнымъ, служащимъ пищею; всѣхъ же прочихъ животныхъ убивать нельзя, будь то муха, вша и т. п. Напротивъ, полезно, въ видахъ спасенія, освобождать животныхъ отъ смерти: муха попалась въ пищу—ее нужно скорѣе выпуть и отпустить; вша попалась подъ руку — слѣдуетъ ее пустить на свободу; въ неводъ попалась рыба—нужно освободить хоть часть ея и т. п. Благочестивые калмыки ежегодно покупаютъ пойманныхъ рыбъ и пускаютъ ихъ въ воду, освобождаютъ птицъ изъ клѣтокъ и проч. *).

Есть однако, животныя, которыхъ слѣдуетъ убивать: такова ужъ ихъ судьба, и смерть является для нихъ ускореніемъ перехода къ лучшей жизни. Къ такимъ животнымъ относятся: рыбы, имѣющія зубы, лысыя животныя, вредныя животныя, какъ змѣи, тарантулы, а также животныя бѣшеныя.

Всѣ души идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ. Самыя грѣшныя души попадаютъ прямо въ адъ, минуя «адскаго хана», самыя праведныя—въ «голден таралан», помимо «райскаго хана», а всѣ остальныя души поступаютъ предварительно къ «адскому царю» для полученія назначенія, что продолжается отъ 7 до 49 дней, но не болѣе того. Продолжительность ожиданія назначенія зависитъ отъ молитвы и пожертвованій. Царь ада—Эрлик-ханъ (Царджиль по-тибетски, Номин-ханъ по-монгольски) прежде всего дѣлаетъ вопросы душѣ («сумсын»); душа отказывается отъ всякихъ грѣховъ, но ханъ показываетъ «тôли» (зеркало), гдѣ видны всѣ дѣла, и по нимъ рѣшаетъ судьбу души. Разспросы дѣлаются для того, чтобы душа могла объяснить, почему она сдѣлала такіе грѣхи. Смотря по назначенію, душа идетъ или въ адъ, или въ «берит» и пр. Попавшія въ адъ помимо хана, остаются тамъ безконечно, для другихъ же есть срокъ пребыванія на извѣстной ступени.

---

*) Напримѣръ, благочестивый зайсангъ Яндыковскаго аула, Кёкшинъ Оргичкѣевъ ежегодно спеціально посылаетъ своего сына въ Астрахань на базаръ купить на нѣсколько рублей живой рыбы и пустить въ воду. Въ 1885 году сынъ его поѣхалъ въ Астрахань и прежде чѣмъ купить рыбы, увидѣлъ, что какой-то русскій торговалъ пѣвчими птицами; онъ немедленно купилъ всѣхъ птичекъ за 20 руб. и выпустилъ, и въ свою очередь выпустилъ назначенное количество рыбъ.

Доброе дѣло хорошо, но есть молитвы, которыя выше дѣлъ. Молиться, собственно, должно постоянно, безпрерывно, а если этого нельзя сдѣлать, то лучше все-таки держать «мацак» три раза въ мѣсяцъ. Въ «мацак» должно встать рано, и если на ладони уже можно разсмотрѣть линіи, то слѣдуетъ начинать молиться; вести себя должно скромно, и такъ продолжать до зари слѣдующаго дня. Молитва одного хороша, но молитва многихъ лучше. Вотъ почему въ хурулъ нужно давать пожертвованія деньгами, скотомъ, пищей: за принесшаго жертву молится все духовенство хурула. Еще спасительнѣе молитва общая. Для этого въ одинъ назначенный день собирается какъ можно больше калмыковъ, является духовенство, и уважаемый «бакша» читаетъ «ном», сопровождая чтеніе поклонами. При чтеніи «ном'а», нельзя не только говорить, но даже оборачиваться, смотрѣть на сосѣда. Важны также для спасенія милостыня и аскетическіе подвиги.

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

Табл.	*Фиг.*	*Наименованіе.*		*Къ стран.* *)
I	1	Кибитка		1
—	2	Остовъ кибитки		2
—	3	Схема кибитки		5—6
—	4	«Тўлга́» (таганъ)		5 *б*
—	5	Жертвенный столикъ		6 *а*
—	6	«ўкюк» (шкафчикъ)		6 *б*
II	7	Треугольникъ для котла		7 *а*
—	8	«Шанга́» (ковши, уполовники)		—
—	9	«Шюр» (мѣшочекъ)		—
—	10	«Шахлу́р» (деревян. тиски)		—
—	11 а, б	«Домбо́» (деревянное ведро)		7 *б*
—	12	«Ага́» (деревянныя чашечки)		—
—	13	«Та̂бы́к» (деревянная чашка)		—
—	14	«Архат» (кожаный кувшинъ)		—
—	15	«Тонхо́» (кожаная бутыль)		8 *а*
—	16, I—VII **)	Снарядъ для гонки «арьки» (водки)		—
—	17	«Сабыл» (дерев. ковшъ)		—
—	18	«Цорго-цар» (дерев. чайникъ)		—
III	19 а, б, в	«Хазы́к махла́» или «торцы́к махла́»	мужскія шапки.	9 *б*
—	20	«Торцы́к махла́» хошоутовъ	мужскія шапки.	—
—	21 а, б	«Хаджилга́»	мужскія шапки.	10 *а*
—	22	«Хаджилга́» хошоутовъ	мужскія шапки.	—
IV	23	«Терли́к» (полукафтанье)		10 *б*
—	24 а, б	«Цегды́к» (безрукавка)		—
III	25 а, б, в	«Томша́»	женскія шапки.	11 *б*
—	26	«Халӑбы́н махла́»	женскія шапки.	—
—	27	«ўста халӑбы́н махла́»	женскія шапки.	—
IV	28	«Джалўбды́к махла» или «хаджилга́»	женскія шапки.	—
—	29 а, б, в	«ўста халӑбы́н махла́» хошоутовъ	женскія шапки.	12 *а*
—	30	«Джалўбды́к махла́» хошоутовъ	женскія шапки.	—
—	31	«Тегры́к махла̂» или «джаты́к»	женскія шапки.	11 *б*
VI	32	«Кете́» (огниво)		12 *б*
—	33 а, б, в, г	«Сйке́» (серьги) муж.		13 *а*
—	34 а, б	» » жен.		—
—	35 а, б, в	«Токок» для жен. косъ		—
V	36	Лама	фототипіи.	13 *б*
—	37	Жена́ нойона	фототипіи.	—
—	38	Старуха	фототипіи.	—
—	39	Гелюнгъ и два калмыка	фототипіи.	—
VI	40 а, б	«Домбы́р» (балалайка)		31 *б*
—	41	«Ятга́» (гусли)		32 *а*

*) Буквами *а* и *б* при номерѣ страницы обозначены столбцы.
**) На рисункѣ не всѣ части снаряда означены цифрами.

VII	42 *)	Расположеніе кибитокъ въ хотонѣ Онкоровомъ.	34 *а*
—	43 **)	«Шатыр» (шахматы)	38 *б*
—	44	Схема хурульной кибитки	43 *б*—44 *а*
VIII	45	«Мирдé» (священный медальонъ)	45 *б*
—	46 а, б	«Линзé» (символич. буквы)	46 *а*
—	47 а, б, в, г, д, е ***)	«Нêмен эрдни» (символ. фигуры) 1-го порядка	46 *б*
—	48 а, б, в, г, д, е, ж, з,	«Нêмен эрдни» 2-го порядка	—
IX	49 а, б, в	«Кюрдé» (барабанъ)	—
—	50	«Бомбó» (серебр. сосудъ съ аршаномъ)	—
—	51 а, б	«Кгенкгеркгé» (барабанъ) . . . . . (богослужебные инструменты)	47 *а*—*б*
—	52 I, II, а, б, в, г, д.	«Бичкюр» (деревян. труба) . . . . (богослужебные инструменты)	47 *б*
—	53	«Бюрâ» (мѣдная труба). . . . . (богослужебные инструменты)	—
X	54	«Очир» (жезлъ, палочка) . . . . . (богослужебные инструменты)	48 *а*
—	55	«Арамбрỳ» (ящичекъ—барабанъ). . (богослужебные инструменты)	—
—	56	Схема «цагáн кгер» (кибитки духовн. лицъ).	49 *а*
—	57	«Махлá шаны́м» . . . . . (шапки духовныхъ лицъ)	49 *б*
—	58	«Джатык» или «шеты́м» . . . . . (шапки духовныхъ лицъ)	—
—	59	«Торцы́к» . . . . . (шапки духовныхъ лицъ)	—
—	60	«Хаджилгá» . . . . . (шапки духовныхъ лицъ)	—
—	61	«Бадмá махлá» . . . . . (шапки духовныхъ лицъ)	50 *а*
—	62 а, б	«Чабрỳн» (металлич. флаконъ)	—
[—	63 ****)	«Махлâ ỳла» (шапка ламы).	51 *а*]
XI	64	«Хурлâ» (храмъ) въ Дунду-хурулѣ	57 *б*
—	65	» » въ Тюменевомъ хурулѣ	57 *а* и *б*
XII	66	«Тан-шим» (доска «зурхачи»)	62 *а*
—	67 а, б, в, г	Типы «субурган'овъ» (священныхъ зданій)	64 *б*
—	68	Столикъ «бакши»	65 *а*
—	69	Схема міра.	65 *б*

*) Въ текстѣ ошибочно: 43.

**) Въ текстѣ ошибочно: 44.

***) Изображеніе 7-е (ж) этой фиг. см. подъ № 51; 8-е (з)—отсутствуетъ.

****) Отдѣльнаго рисунка нѣтъ; см. фиг. 36.

ОПЕЧАТКИ *).

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2*б*.	1 св.	«дêбёр»	«дêбёр»
3*а*.	20 сн.	ситцевой	ситцевой.
3*б*.	20 сн.	«кэл тӯрго»	«кэль тӯрго»
6*б*.	7 св.	(«ӯкю-(у)-к»,	(«ӯкюк»)
8*а*.	15 св.	VII	VI
—	21 св.	вставляются	вставляется
—	27 св.	ссылку (ф. 16. VII) слѣдуетъ выбросить за отсутствіемъ «амсур'а» на рисункѣ; цифрою VII (вмѣсто III) ошибочно означена крышка I-го котла на рисункѣ.	
—	3 сн.	гелюгла	гелюнга
10*а*.	6 св.	Эркстеневскомъ	Эркетеневскомъ
—	12 св.	Эркстеневскаго	Эркетеневскаго
13*а*.	3 сн.	35 в, г.	35 в
13*б*.	16 св.	кожи	мѣха̀
14*б*.	19 св.	Эркстеневскомъ	Эркетеневскомъ
16*а*.	11 св.	тепленькое	тепленькая
31*б*.	2 сн.	40	40 а, б
32*а*.	28 св.	41*а*	41
32*б*.	2 сн.	экгёкё	эркгёхé
34*б*.	4 сн.	Амета	Амста
—	21 сн.	43	42
38*б*.	17 сн.	44	43
—	29 сн.	визарь	визиръ
39*б*.	21 сн.	нарынь	нарын
41*а*.	21 св.	«худилган»	«хубилган»
42*а*.	25 св.	хозяинъ	хозяина
42*б*.	7 св.	«бокши»	«бакши»
43*а*.	2 св.	Бокши	Бакши
43*б*.	14 св.	оршан	аршан
46*б*.	27 св.	Кюрдé	кюрдé.
48*б*.	3—4 сн.	Ширину	Ширину
51*а*.	27 сн., ссылку на *фиг. 63.* слѣдуетъ выбросить; см. списокъ рисунковъ.		
56*б*.	16, 18, 28 сн.	«субургон»	«субурган»
59*б*.	12 сн.	I)	первый
64*а*.	27 св.	положимъ	положилъ
64*б*.	23 сн.	IV	4
71	1 сн., вмѣсто второй выноски слѣд. читать: См. опечатки къ этой стран.		

*) Буквами *а* и *б* при номерахъ страницъ означены столбцы страницы. Кромѣ отмѣченныхъ здѣсь поправокъ, см. еще нѣкоторыя въ спискѣ рисунковъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла.

(Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Москва, Политехническій Музей*, Этнографическій Отдѣлъ Императ. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи).

АЛТАЙСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій

В. И. ВЕРБИЦКАГО,

изданный подъ редакціей **А. А. Ивановскаго.**

Умершій 12 окт. 1890 г. протоіерей Вас. Ив. Вербицкій провелъ 37 лѣтъ въ Алтайской миссіи и успѣлъ основательно и всесторонне изучить бытъ инородцевъ малодоступнаго Алтайскаго края. Многочисленныя работы покойнаго въ этой области были указаны при его некрологѣ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (кн. VIII, стр. 176—179). Онѣ заключаютъ въ себѣ въ высшей степени цѣнный матеріалъ, но, къ сожалѣнію, оставались почти недоступными даже для спеціалистовъ, вслѣдствіе разбросанности ихъ по разнымъ изданіямъ, преимущественно сибирскимъ. Въ настоящее время всѣ эти матеріалы и изслѣдованія (кромѣ инородческаго словаря) собраны въ одно цѣлое и изданы отдѣльной книгой (въ форматѣ большой осьмушки) съ приложеніемъ біографіи и портрета Вербицкаго.

Цѣна 2 рубля.

ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ СБОРНИКЪ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

РУССКІЯ БЫЛИНЫ СТАРОЙ И НОВОЙ ЗАПИСИ,

издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ подъ редакціей акад. **Н. С. Тихонравова** и проф. **В. Ѳ. Миллера.**

ВЪ ЭТОТЪ СБОРНИКЪ ВОЙДУТЪ:

I. Былины изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.
II. Былины, записанныя въ недавнее время, не изданныя раньше.
III. Былины, появившіяся въ печати въ разныхъ изданіяхъ и не вошедшія въ прежніе сборники.

ПЕРВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ,

устроенный Этнографическимъ Отдѣломъ 11-го марта 1893 года.

Тексты народныхъ пѣсенъ

(великорусскихъ, бѣлорусскихъ, малорусскихъ, болгарскихъ, польскихъ, литовскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, киргизскихъ, сартскихъ, чувашскихъ и ново-греческихъ), съ переводомъ инородческихъ на русскій языкъ.—Ц. 15 к.

Годъ 5-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 г. на

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

подъ ред. Секретаря Отдѣла ***Н. А. Янчука,***

при участіи гг. членовъ Общества и другихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшими предметами статей и изслѣдованій служатъ слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды.
2. Народная словесность, языкъ.
3. Народная музыка, живопись и другія искусства.
4. Народная медицина.
5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д.
6. Матеріальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ.
7. Историческая и доисторическая этнографія.
8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, помѣщаются также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Въ отдѣлѣ «**Смѣси**» сообщаются мелкіе, случайные матеріалы и наблюденія.

Обширный **БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ** изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отзывы о новыхъ книгахъ, объ изданіяхъ ученыхъ обществъ, земствъ и статистическихъ комитетовъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи.

2) Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провиціальныхъ журналовъ и газетъ съ указаніемъ находящагося въ нихъ этнографическаго матеріала.

3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Наконецъ, въ «**Извѣстіяхъ и Замѣткахъ**» помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учрежденій, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности даются также **приложенія**: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, типы народностей и т. п.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

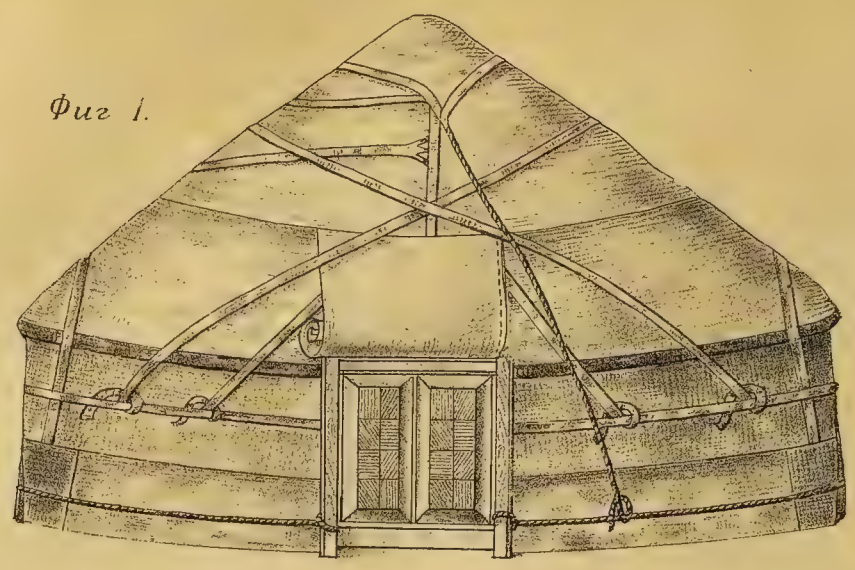
выходитъ книжками (въ 12—15 листовъ каждая) четыре раза въ годъ (въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ).

Цѣна годовому изданію **5** р. съ перес., за границу **6** р. Отдѣльныя книжки по **1** р. **50** к. каждая; кн. XIII—XIV въ одномъ выпускѣ—**2** р. **50** к.

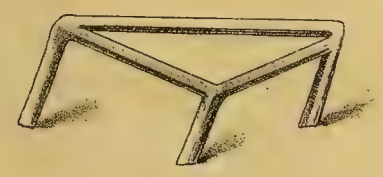
Адр. редакціи: **Москва, Политехническій Музей.**

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія «Этнографическое Обозрѣніе» **рекомендовано** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ средн. учебн. заведеній (См. Журн. Мин. Н. Пр. 1892, іюнь).

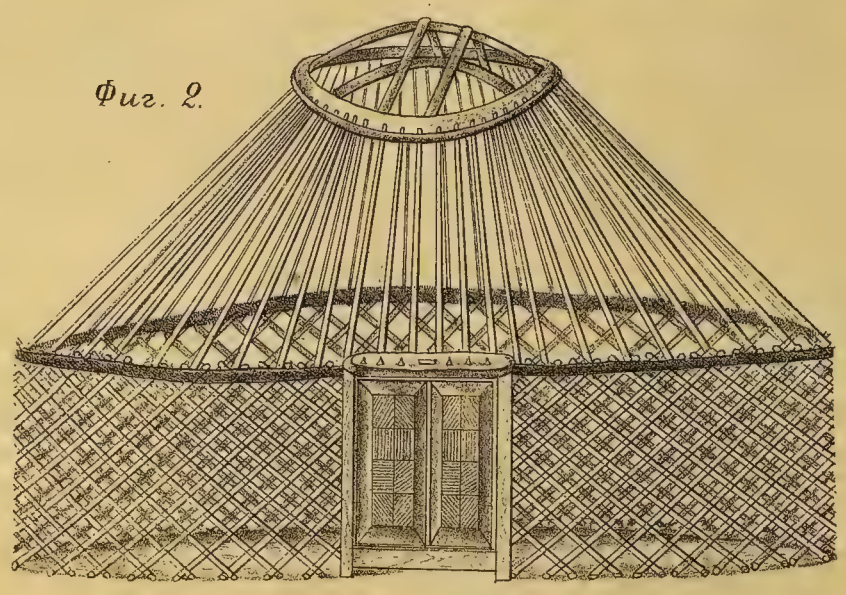
ПРИЛОЖЕНІЯ.



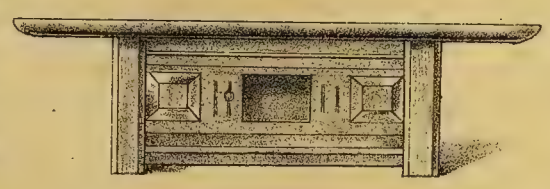
Фиг 1.



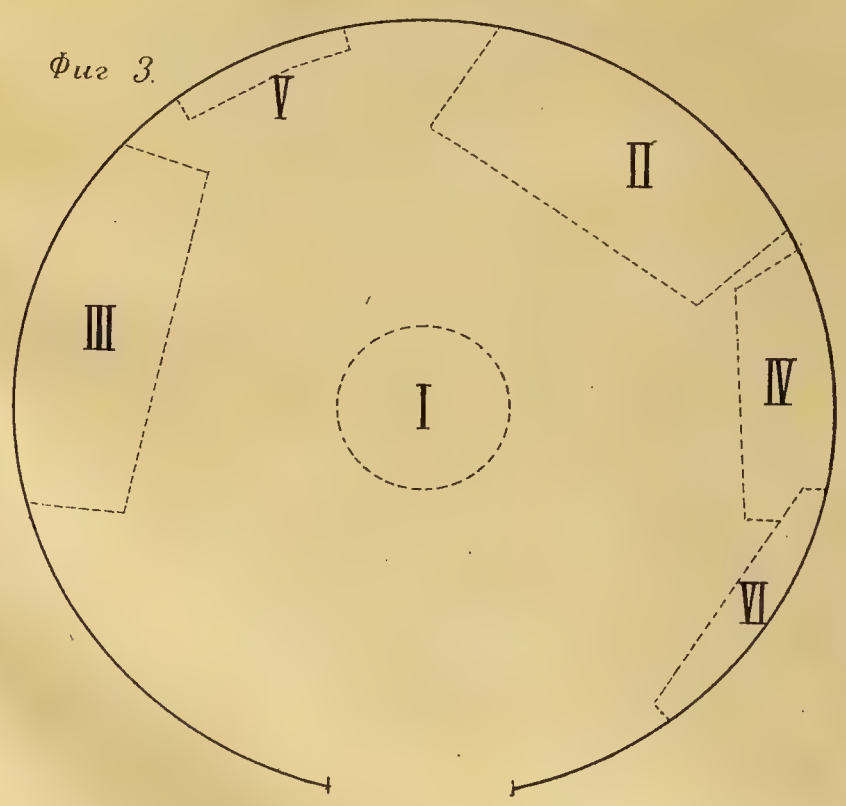
Фиг. 4.



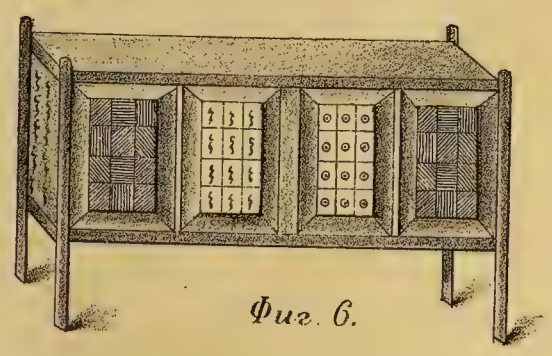
Фиг. 2.



Фиг. 5.



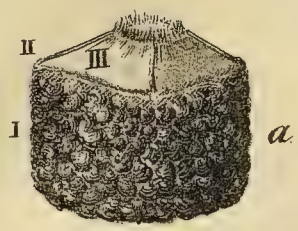
Фиг 3.

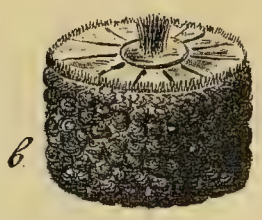


Фиг. 6.

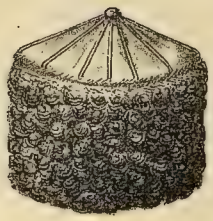
Выс. утв. тип. Скролец, А. А. Левенсонъ, Петровка д. 9.

Н. Б. Уч. Т. Кропель А. Г. Лебединець, Петроград.

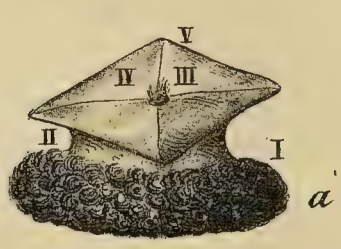




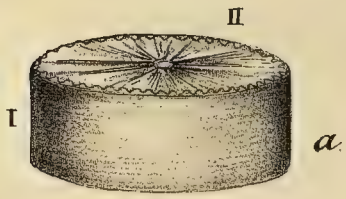
Фиг. 19.

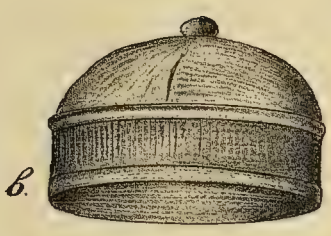


Фиг. 20.

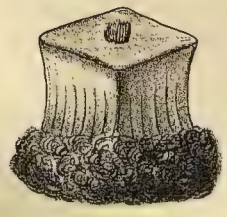


Фиг. 21.

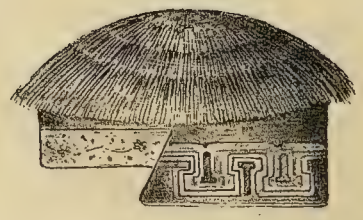




Фиг. 25.



Фиг 22.



Фиг. 26.

Фиг. 27

Изд. Ал. Леевенсонъ, Петровка 10, д.

Фототипія Сервена и Левенсона, Петроград.

Фиг. 36.

Лама калмыцкаго народа.

Фиг. 37.

Жена хошоутовскаго нойона.

Дозволено цензурою.

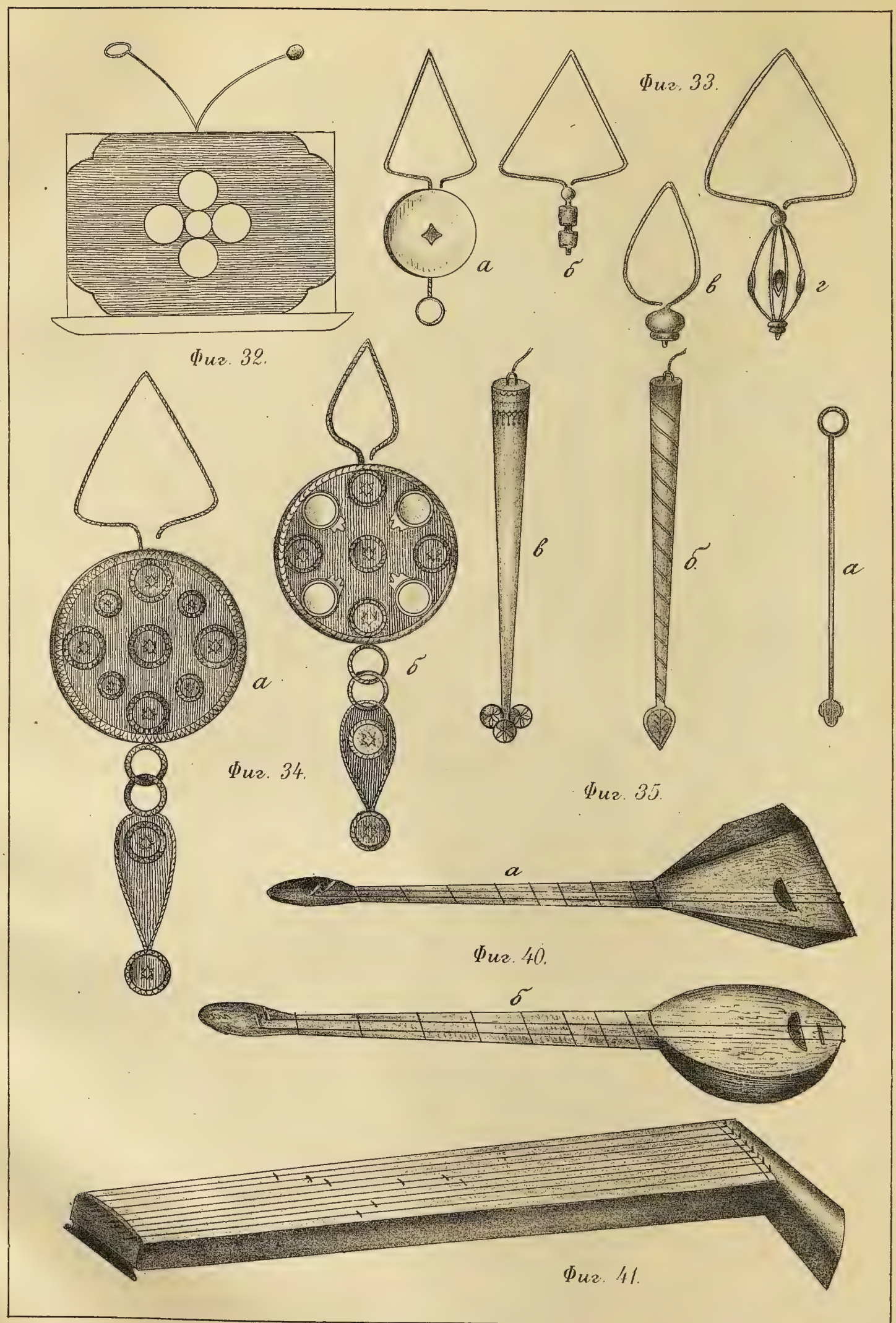
Фиг. 38.

Старуха-калмычка.
(Яндыковскаго улуса).

Фот. Т-ва А. А. Левенсонъ.

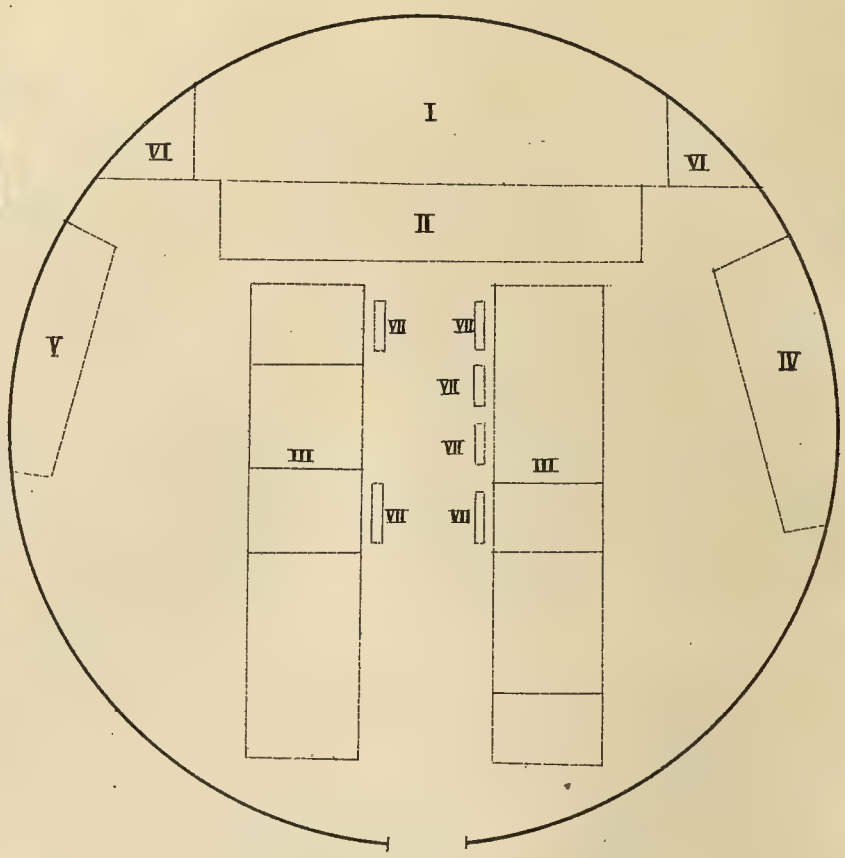
Фиг. 39.

Гелюнгъ и два молодыхъ калмыка.
(Яндыковскаго улуса).

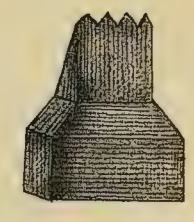


Выс утв Тип Скоровечла Левенсонъ. Петровка с. д

Фиг. 43.



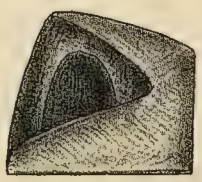
Фиг. 44.



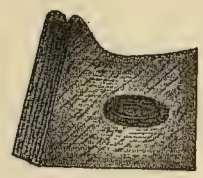
Фиг. 43.

Фиг. 43.

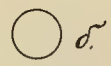
Фиг. 43.



Фиг. 43.

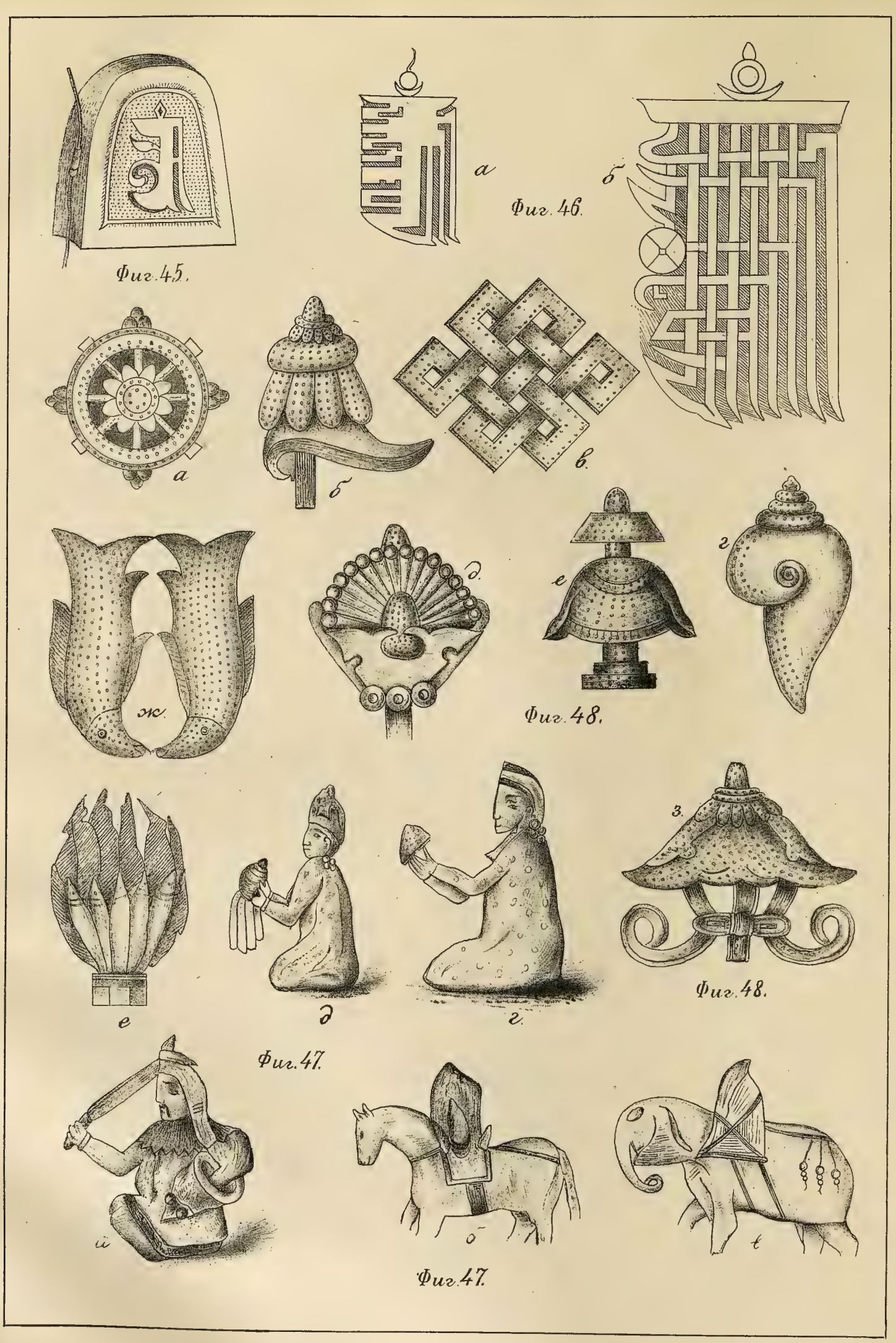


Фиг. 43.



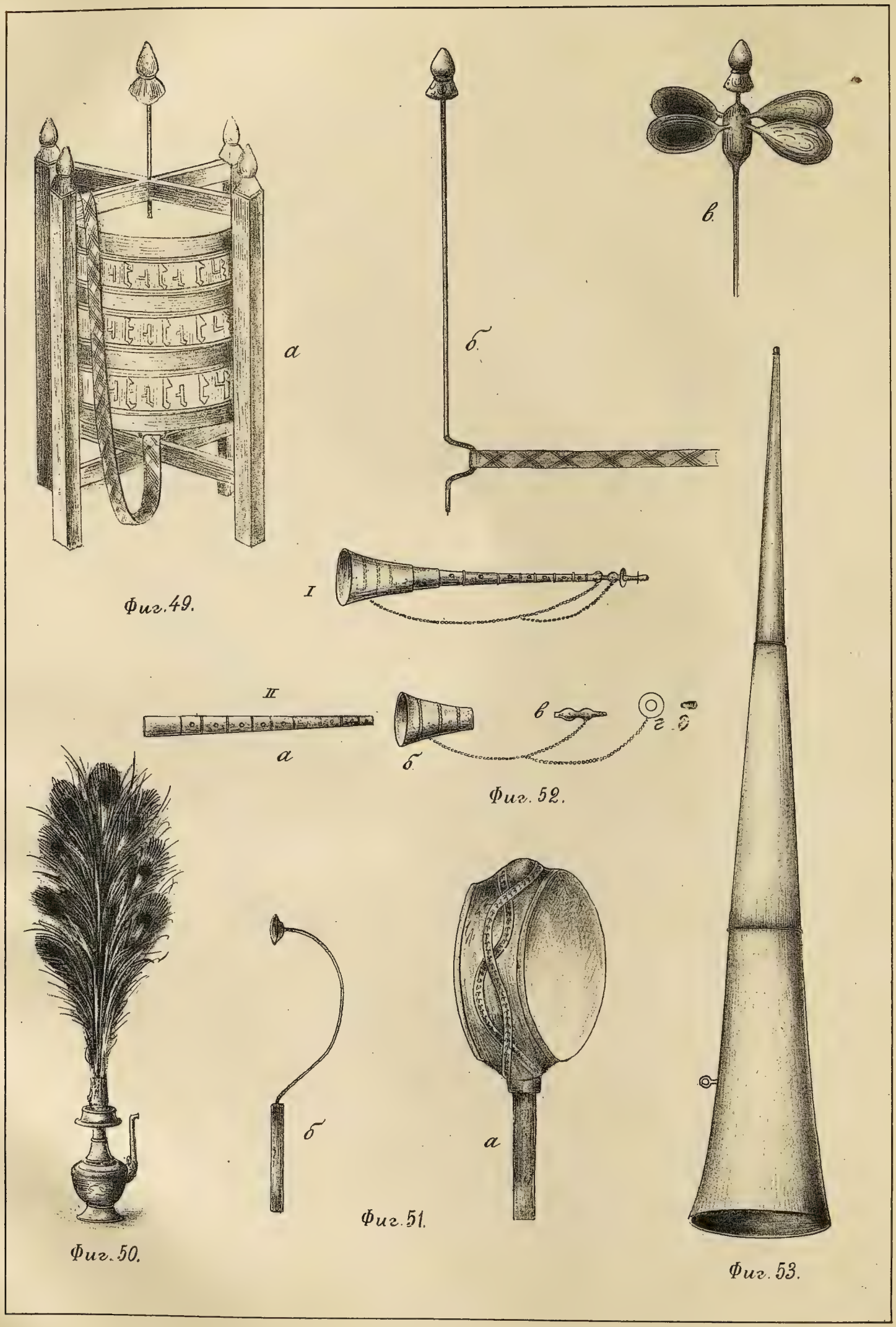
Фиг. 42.

Выс. утв. Т-во Скоровеч. А. А. Левенсонъ, Петровка с. д.



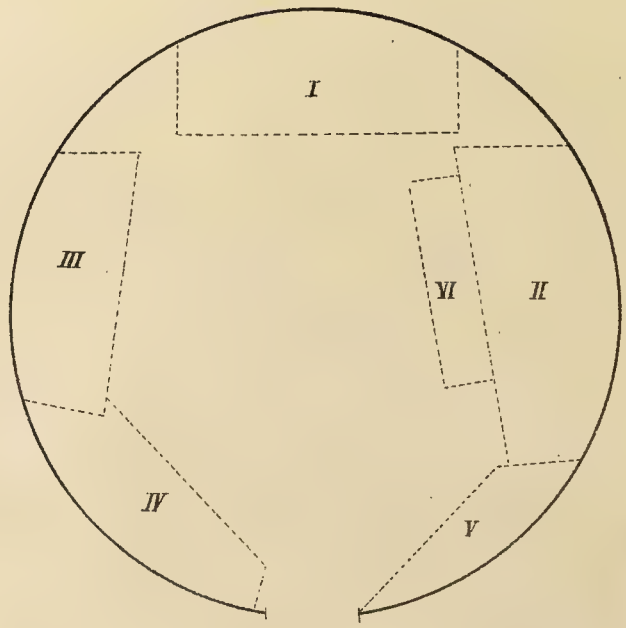
Выс утв Тип Скоропеч. А.А. Левенсонъ, Петровка С. Д.

8

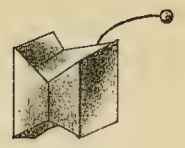


Выс. утв. Т-во Скоропеч. А.А. Левенсонъ, Петровка С. Д.

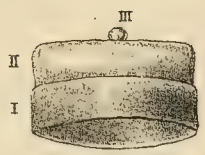
Фиг. 54.



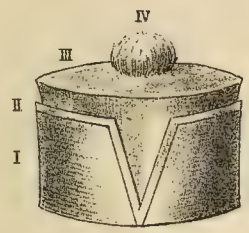
Фиг. 56.



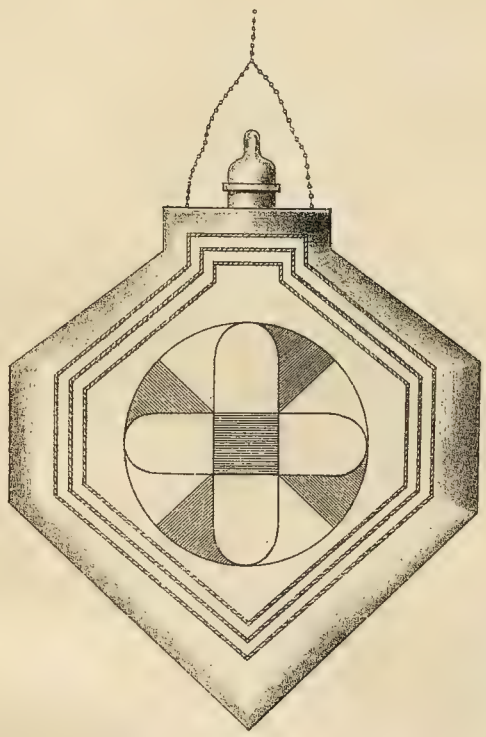
Фиг. 55.



Фиг. 57.



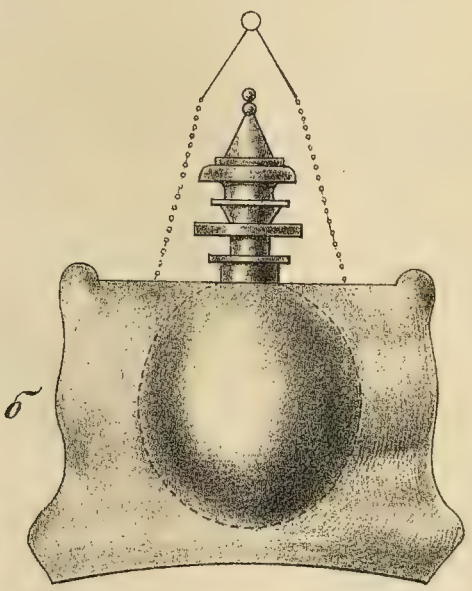
Фиг. 58.

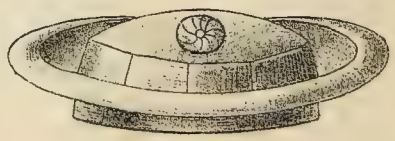


а.

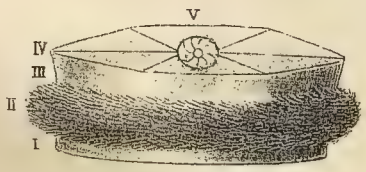
Фиг. 62.

б

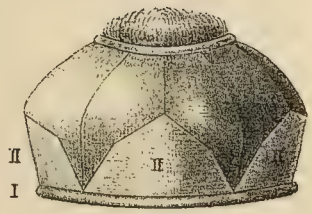




Фиг. 59.

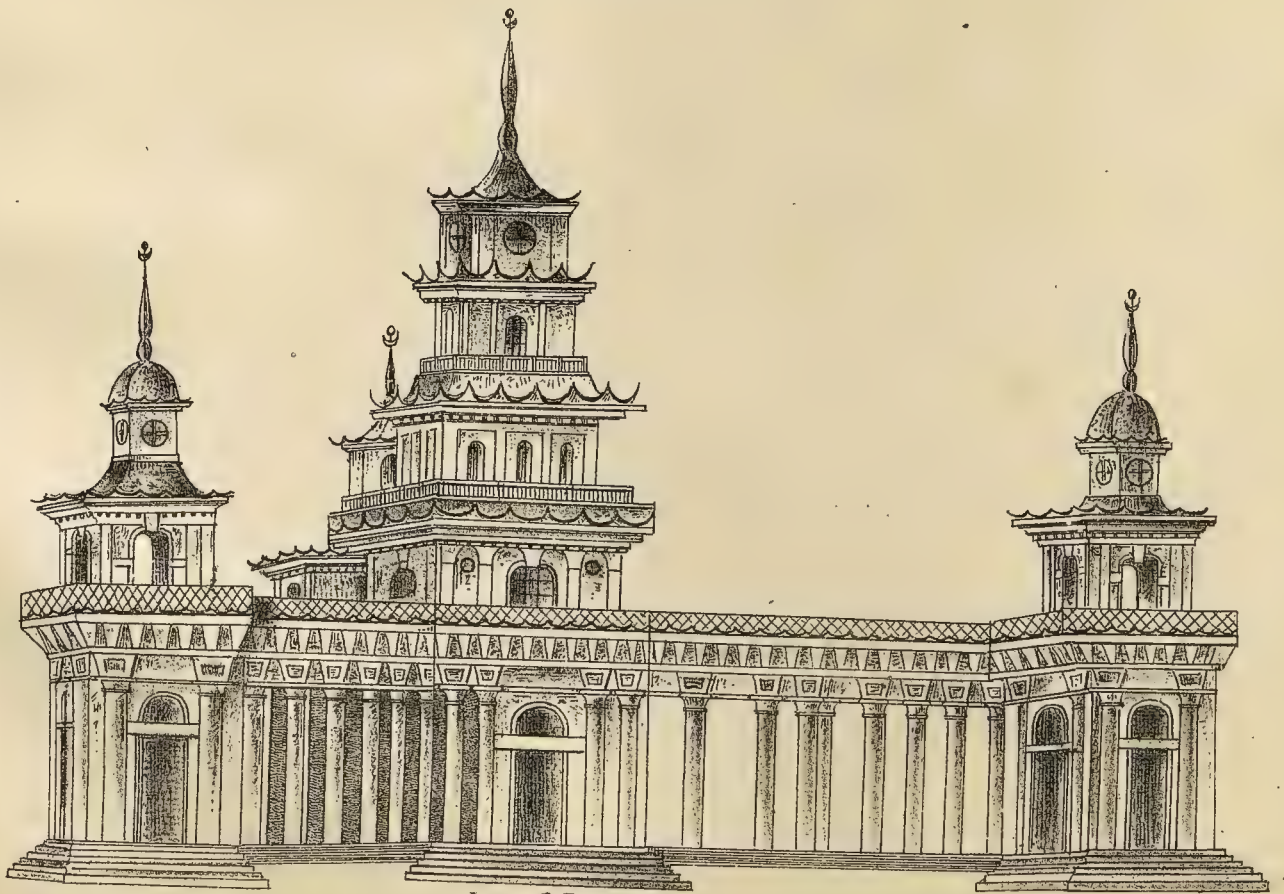


Фиг. 60.

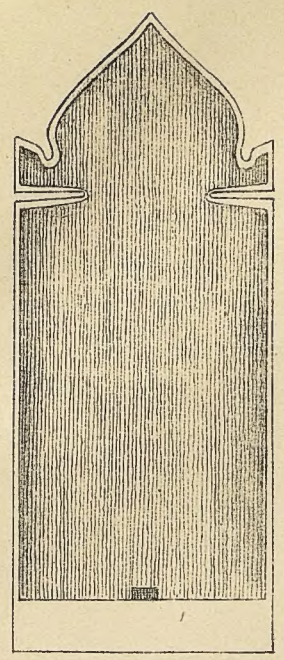


Фиг. 61.

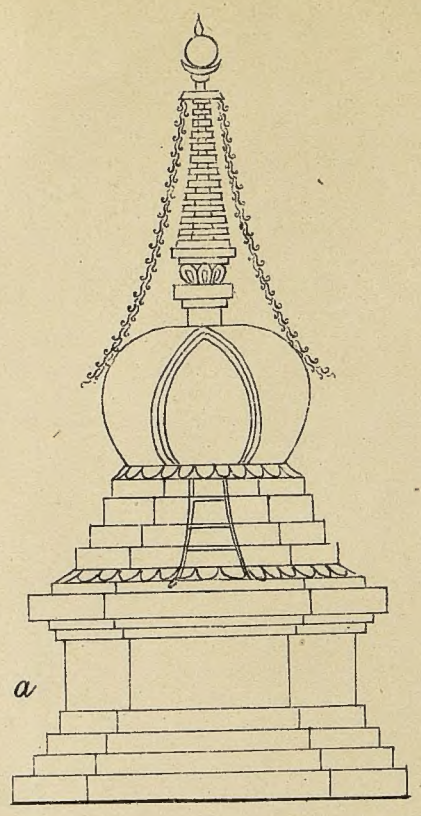
Фиг. 64.



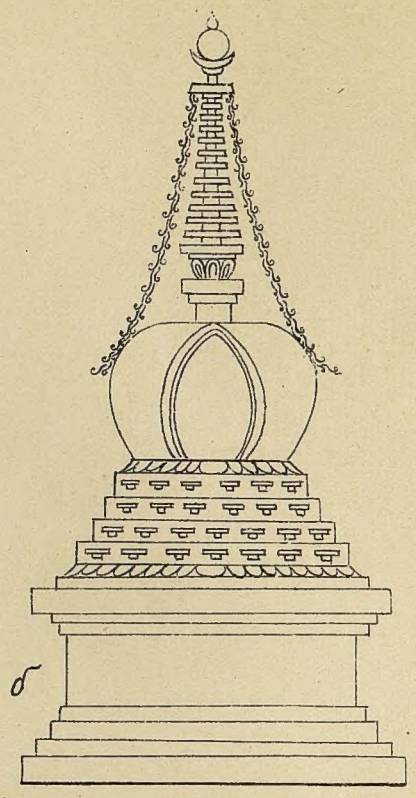
Фиг 65.



Фиг. 66.

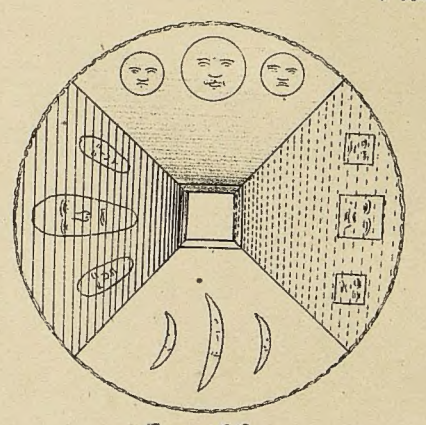


а

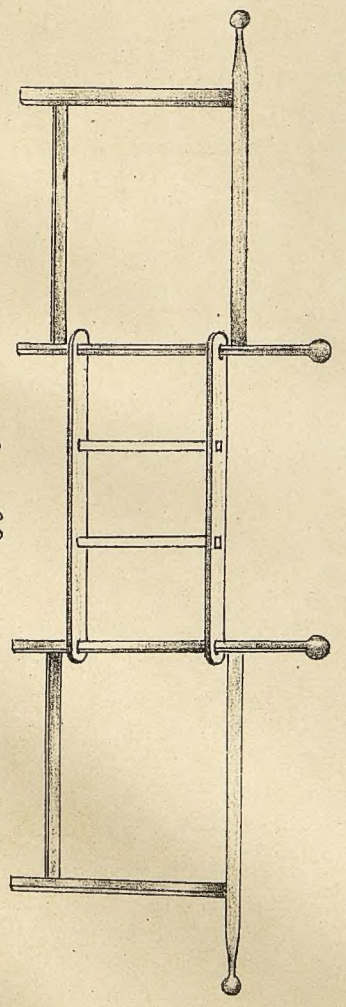


б

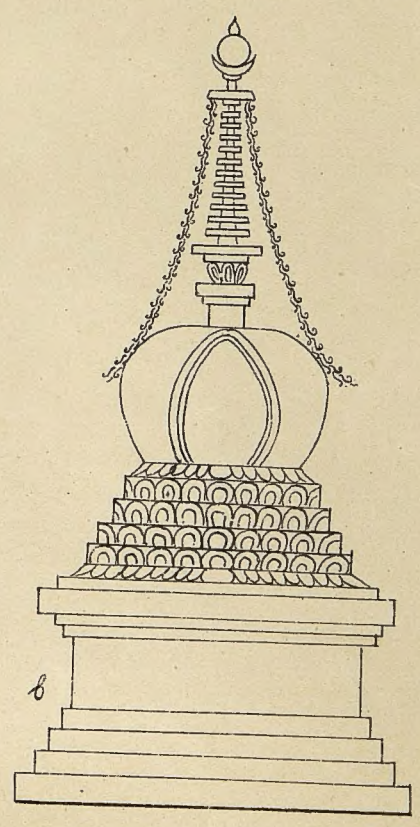
Фиг. 67.



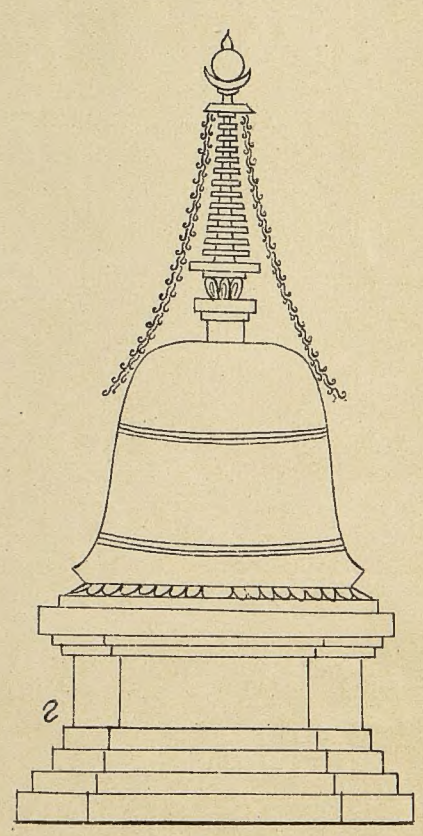
Фиг. 69.



Фиг. 68.



в



г

Фиг. 67.

Труды Этнографическаго Отдѣла (13 томовъ)

содержатся въ слѣдующихъ томахъ „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи".

„Извѣстія". Томъ. | „Труды". Томъ.

VII. I*. **Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 1-я.** (Публичныя лекціи передъ открытіемъ Этнографической выставки 1867 г.: Я. И. Вейнберга, П. И. Медвѣдева, А. С. Петровскаго, А. П. Богданова, Н. Д. Никитина, М. Н. Капустина, В. Н. Лешкова, Ѳ. И. Буслаева, И. К. Бабста, С. М. Соловьева, И. Д. Бѣляева, П. К. Щебальскаго, К. К. Гёрца, А. С. Владимірскаго). *Изд. В. А. Дашкова.* 1868 г. Ц. 3 р.

XII. II*. **Сборникъ антропологич. и этнографич. статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Кн. 2-я.** (Народныя пѣсни латышей. Ѳ. Я. Трейланда-Бривземніаксъ. Съ прил. 6 табл. хромолитогр. типовъ народностей). *Изд. В. А. Дашкова.* 1873 г Ц. 4 р.

XIII, в. 1. III, в. 1. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1867—1874 гг. (засѣд. 1—12), съ приложеніемъ статей.** 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи: 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Стеф. Верковича.—2) О появленіи ламаизма въ Забайкайльѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли. — 3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дювернуа. — 4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ.—5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека. — 6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова.—7) Домашній бытъ маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова. — 8) О пермякахъ, П. Вологдина.—9) Свадебные обычаи у болгаръ, Жинзифова.—10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева.—11) Проэктъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя.—12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли. — 13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова—14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли. — 15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сыражскаго у., Дударева.—16) Обзоръ этнографич. данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова. — 17) Объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго бурятами, Н. Г. Керцелли.—18) Сѣверныя сказанія о лембѣяхъ и удѣльницахъ, Е. В. Барсова.—19) Замѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова.—21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго.—22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова.—23) О кладопоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

XIII, в. 2. III, в. 2. **Зыряне и Зырянскій Край.** К. А. Попова. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

XXVIII. IV. **Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла за 1874—77 гг. (засѣд. 13—25), съ приложеніями.** Ц. 2 р.

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова. — 2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ замѣчаніями В. Ѳ. Миллера. — 3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зенковичей.—4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова.—5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова.—6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной.—7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на р. Орели, Е. В. Барсова.—8) Обзоръ этнограф. данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородск. Сборникѣ", И. Ф. Кудрявцева.—9) Охотничье право собственности у Зырянъ, К. А. Попова.—10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Ѳ. Можаровскаго.—11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго.—12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго.—13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго.—14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Ѳ. Миллера.

XXX., в. 1 и 2. V, в. 1, 2. **Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губ.** П. С. Ефименка. 1877—1878 гг. Ц. 6 р.

Вып 1. Описаніе внѣшняго и внутренняго быта. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вып 2. Народная словесность. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к.

XL. VI. **Матеріалы по этнографіи латышскаго племени.** (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство). Ѳ. Я Трейланда (Бривземніаксъ). 1881 г. Ц. 3 р. 50 к.

XLVIII, в. 1. VII. **Протоколы засѣданій Этнограф. Отдѣла за 1877—84 гг. (засѣд. 26—48), съ приложеніями.** 1886 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго.—2) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука. —3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна.—4) О гиляцкомъ языкѣ, Д-ра Зеланда.

XLVIII, в. 2. VIII. **Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла за 1885—87 гг. (засѣд. 49—65).** 1888 г. Ц. 2 р.

Статьи: 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Ѳ. Миллера.—2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его-же.—3) А. Л. Дювернуа (некрологъ). Его-же. — 4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго.—5) О юридическомъ бытѣ татовъ, М. М. Ковалевскаго.— 6) Слѣды языческихъ вѣрованій у манзовъ, Н. Л. Гондатти. — 7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его-же.—8) Программа для собиранія этнограф. свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ.—9) Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ.

LXI. IX. **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I.** 1889 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: 1) Памяти М. Н. Харузина (съ прил. портрета), В. Ѳ. Миллера.—2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго.—3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго —4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ. А. Папе.—5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда. А. Н. Звонкова.—6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. П. И. Астрова.—7) По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году) Н. А. Янчука.—8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева.—9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ.—10) Изъ матеріаловъ, собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Николая Харузина.—11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ селѣ Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. В. П. Тихонова.—12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Аршинова. — 13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ ст. П. М. Богаевскаго).—14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. А. Янчука).

LXVI. X. **Русскіе Лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта).** Н. Харузина. 1890 г. Ц. 3 р. 50 к.

LXIX, в. 1. XI. в. 1. **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. II.** 1890 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Матеріалы по этнографіи Вологодской губ. Н. А. Иваницкаго.—Вологодскіе напѣвы, записан. М. М. Куклинымъ.—Замѣтка о Вологодскихъ пѣсняхъ, Ю. Н. Мельгунова.

LXIX, в 2 XI, в. 2. **Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. III.** 1891 г. Ц. 2 р.

Содержаніе: Матеріалы для изученія обычнаго права среди крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. В. П. Тихонова.—Указатель къ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, помѣщенныхъ въ „Трудахъ Коммиссіи по преобразованію Волостныхъ Судовъ". В. П. Племянникова.

LXXV, в. 1. XII, в. 1 **Шаманство. (Сравнительно-этнографическіе очерки). Вып. 1.** В. М. Михайловскаго. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

LXXVII, в. 1. XIII, в. 1. **Очерки быта Астраханскихъ Калмыковъ. (Этнографическія наблюденія 1884—86 гг).** И. А. Житецкаго 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

☛ Циркулярнымъ предложеніемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Гг. Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 20 мая 1889 г. за № 8790, „Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ", **рекомендованы** для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднеучебныхъ заведеній съ уступкою 40%. Изданія Общества и его Отдѣловъ продаются въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при канцеляріи Общества: **Москва, Политехническій Музей.**

*) Томы I и II „Трудовъ" остались въ небольшомъ количествѣ только у издателя В. А. Дашкова. Обращаться въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи.